

Ю. С. ХУДЯКОВ

ВООРУЖЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-
АЗИАТСКИХ
КОЧЕВНИКОВ
В ЭПОХУ
РАННЕГО И РАЗВИТОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Ю. С. ХУДЯКОВ

ВООРУЖЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-
АЗИАТСКИХ
КОЧЕВНИКОВ
В ЭПОХУ
РАННЕГО И РАЗВИТОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Е. Медведев*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ББК 63.4(3)
Х98

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук *А. И. Мазин*
кандидат исторических наук *С. Г. Скобелев*

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Худяков Ю. С.

Х98 Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— 190 с.
ISBN 5—02—029635—X.

В монографии исследуются военное искусство, комплекс боевых средств, структура военной организации тюркоязычных и монголоязычных кочевников Средней Азии в конце I — первой половине II тысячелетия н. э. Анализируется широкий круг вещественных, изобразительных и письменных источников по военному делу кочевников. Исследуются причины и механизмы появления новых форм оружия, способов его коллективного применения.

Книга рассчитана на историков, археологов, оружейников.

Х $\frac{0504000000-093}{042(02)-91}$ 105—91 I полугодие

ББК 63.4(3)

ISBN 5—02—029635—X

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Важным этапом в развитии военного дела кочевников Центральной Азии был период развитого средневековья, охватывающий первую половину II тыс. н. э. (XI—XIV вв. н. э.). В этот период произошли существенные изменения в развитии вооружения, формах военной организации, что отразилось на возможностях коллективного применения оружия в ходе боя; значительно возросли масштабы войн, проводимых кочевниками, которые вышли далеко за пределы степного пояса, охватив многие оседло-земледельческие страны Старого Света. Эволюция военного дела кочевников достигла такого уровня развития, что существенным образом отразилось на военном искусстве других культурно-хозяйственных типов Евразии, изменила весь ход событий всемирной истории. В XIII в. Евразийский континент испытал ошеломляющий натиск кочевников, возглавляемых монголами, на центры мировой цивилизации. Он сопровождался невиданными по масштабам истории завоеваниями, опустошениями и разрушениями.

Монгольское нашествие оставило глубокий след в истории многих народов и культур. Не удивителен поэтому постоянный интерес современников, позднейших историков и оружейников к этому историческому явлению. История войн, особенности военного искусства, организации войска и вооружения монголов, как никакие другие факты в истории кочевого общества в периоды древности и средневековья, наиболее подробно отражены в письменных и изобразительных источниках своего времени.

Феномен военных успехов монголов поражал воображение, страшил и удивлял современников. У представителей земледельческих народов, испытавших на себе тяжесть монгольского завоевания, военная мощь монголов вызывала панический ужас, непонимание причин происходящего. Военные успехи монголов и поражение войск своих государств объяснялось ими не иначе, как результатом вмешательства потусторонних сил. После того как шок от первых монгольских вторжений прошел, военное дело монголов начало привлекать к себе пристальное внимание заинтересованных и компетентных наблюдателей. Характерные черты стратегии ведения войн, тактики боя, способы преодоления пространства и естественных преград, особенности формирования войска и применяемого вооружения нашли отражение в непредвзятых, объективных и информативных описаниях заинтересованных наблюдателей. Опыт ведения войн монголами не только изучался, но и учитывался, и

перенимался в непосредственной боевой практике как кочевыми, так и оседлыми народами.

Однако изобретение огнестрельного оружия, радикально изменившего саму направленность развития военной техники и всего военного дела с рубежа развитого и позднего средневековья, а также постепенное крушение государств чингисидов, основанных в период грандиозных успехов монгольского оружия, со временем отодвинуло изучение вопроса военного опыта монголов из числа актуальных тем в область военной истории.

Интерес военных историков к феномену военных успехов монголов в широкомасштабных войнах XIII в., имевших трансконтинентальный характер, существенно обозначился в первой половине XIX в. в связи с осмыслением опыта наполеоновских войн общеевропейского масштаба.

В отечественной военно-исторической науке к этой теме обратился М. О. Иванин¹, позднее М. И. Марков². Для этих авторов характерна узость источниковой базы и ограниченность анализа. По существу они пересказали содержание источников. О влиянии военного искусства монголов на военное дело других народов, в том числе русских, писали военные историки конца XIX — начала XX в.³

Ограниченный круг источников не позволил сколько-нибудь существенно углубить анализ военного искусства монголов и в трудах по всемирной истории военного искусства, увидевших свет в последующее время. В частности, в работе Е. А. Разина упор делается на «классовую сущность войн» без анализа ее специфики на материалах военной истории монголов⁴.

Существенно новым в разработке темы явилось привлечение вещественных и изобразительных источников, позволившее дополнить известные сведения новым содержанием. Такие работы появились в 60-х гг. XX в. Поначалу они опирались на анализ находок монгольских предметов вооружения с одного конкретного памятника или анализ одного из видов оружия. Таковы описания оружия, найденного при раскопках Каракорума С. В. Киселевым и Н. Я. Мерпертом⁵, и татаро-монгольских наконечников стрел из Восточной Европы, проанализированных А. Ф. Медведевым⁶. В 70—80-х гг. М. В. Гореликом, на базе анализа изобразительных, письменных и вещественных источников, активно изучается и реконструируется защитное вооружение монголов эпохи Чингисхана⁷. Он прослеживает истоки формирования монгольского доспеха в защитном вооружении монголоязычных киданей. Основной вывод его работ сводился к тому, что, по его мнению, монгольское конное войско было полностью тяжеловооруженным, имело разнообразные средства защиты воинов и боевых коней. В этом он решительно не согласен с предшественниками, считавшими монгольских всадников преимущественно легковооруженными конными лучниками. М. В. Горелик считает, что эффективная защита придавала монгольским войскам неуязвимость, которая явилась причиной военных успехов монголов в XIII в. По мнению автора, именно в области развития защитного вооружения монголы оказали огромное

влияние на другие народы Евразии. В процессе анализа исследователь оперирует материалом с обширной территории, от Японии до Центральной Европы, некогда подвергающейся вторжениям монгольских войск⁸.

Более локальны по охвату материала работы: А. И. Бураева, посвященная анализу эволюции вооружения средневековых кочевников Западного Забайкалья⁹, Д. А. Крылова и В. Ф. Немерова по материалам военного дела монголов Восточного Забайкалья¹⁰. Эти работы построены в основном на вещественных источниках. К сожалению, их авторы при анализе недифференцированно используют находки из разновременных и разнокультурных памятников, относящихся не только к монголоязычному, но и тунгусоязычному населению, что снижает значение полученных ими результатов. В последние годы мною были систематизированы и введены в научный оборот некоторые музейные коллекции находок средневекового оружия дистанционного боя из Прибайкалья и Забайкалья¹¹. Обширный раздел посвящен вооружению кочевников Забайкалья в периоды раннего и развитого средневековья в монографии И. В. Асеева, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева¹².

Появление серии публикаций по военному делу средневековых кочевников восточной части Центральной Азии, где происходило становление монгольской военно-административной системы и государственности, свидетельствует о возросшей актуальности данной проблематики в современной археологии и оружиеведении. Работы последних лет наглядно показали новые возможности оружиеведческого анализа вещественного материала¹³. В то же время, несмотря на существенное расширение источниковой базы, имеющиеся данные ограничены территорией Центральной Азии, Восточной и Южной Сибири. Поэтому анализ монгольского вооружения не может быть осуществлен в настоящее время в полном объеме, на всей территории, куда простирались военные походы монголов. Такое исследование — дело будущего. Доступный круг источников позволяет проследить становление и развитие в Прибайкало-Забайкальском регионе комплекса вооружения кочевников в периоды раннего средневековья, который был в дальнейшем освоен и развит монголоязычными кочевниками. Выход за пределы региона в связи с ограниченностью имеющихся данных с неизбежностью приводит к нивелировке различий между комплексами оружия разных кочевых этносов. А это не дает возможности проследить конкретно-исторический путь развития оружия, форм военной организации и военного искусства во времени и в пространстве, выявить закономерности эволюций военной сферы жизнедеятельности в кочевом мире.

Настоящий анализ материалов по вооружению и военному искусству кочевников Центральной Азии периода развитого средневековья продолжает ранее начатое исследование этой темы¹⁴. Поэтому нет необходимости заново обосновывать актуальность изучения темы, выбор подачи материала по комплексам вооружения отдельных кочевых культур, представлявшим различные военно-политические объединения эпохи развитого средневековья, давать об-

зор процесса обнаружения предметов вооружения в ходе раскопок и сборов, обозревать ход пополнения музейных коллекций, фиксировать основные вехи ввода в научный оборот письменных, изобразительных и вещественных источников, оценивать факты становления сибирского оружейоведения¹⁵.

Задачи анализа материалов по вооружению, структуре военной организации и военному искусству центральноазиатских кочевников в период развитого средневековья принципиально не отличаются от тех, что ставились при изучении военного дела кочевников предшествующих исторических эпох. Применительно к каждой кочевой культуре они состоят в систематизации материалов по вооружению, типологической классификации отдельных видов оружия, реконструкции комплекса боевых средств, структуры военной организации, военного искусства. Сравнительный анализ военного дела кочевых культур, сменявших друг друга на территории одной историко-этнографической области на протяжении определенных периодов времени, должен выявить общее и особенное в эволюции военной сферы жизнедеятельности кочевого общества в данном регионе, определить основные этапы развития военного искусства, выявить причины и механизм изменчивости в военной области¹⁶.

Круг источников для решения этих задач достаточно широк и репрезентативен. Свидетельства письменных источников военной истории некоторых кочевых этносов, например киданей или монголов, очень подробны и информативны. Большинство оригинальных источников — китайских, монгольских, персидских, европейских, переведены на русский язык и доступны для анализа. Достаточно разнообразны, большей частью информативны изобразительные источники. Менее представительны вещественные материалы. Среди них преобладают находки предметов вооружения дистанционного боя, отличающиеся большим типологическим разнообразием. Данные по оружию ближнего боя и средствам защиты невелики по объему и недостаточно представительны.

Накопление находок в музейных собраниях освещено в предшествующей работе¹⁷. Необходимо дополнить приведенный перечень коллекциями краеведческих музеев Улангома и Ховда.

Следует отметить, что фрагментарность и недостаточность отдельных категорий источников развитого средневековья все-таки выше по сравнению с ранним средневековьем. Это объясняется различной степенью изученности археологических культур и акцентированием внимания исследователей более поздней эпохи на изучение письменных источников.

В настоящее время нет возможности подробно рассмотреть вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности археологических памятников, которые привлекаются для анализа найденных предметов вооружения. Хотя шкала средневековых кочевых культур восточной части Центральной Азии разработана, многие вопросы корреляции предметных комплексов на соседних территориях остаются предметом дискуссии¹⁸. Безусловно, это затрудняет анализ материалов и ограничивает возможность поиска. Для обоснования же собственной точки зрения необходимо специальное рас-

смотрение. В ряде случаев эти вопросы затрагивались мною в предшествующих работах¹⁹.

В отличие от исследования, посвященного вооружению кочевников поздней древности и раннего средневековья, в настоящей работе анализируются данные по всем известным видам оружия, зафиксированным в письменных, изобразительных источниках и представленных в вещественных материалах. В предшествующей монографии характеристика некоторых видов оружия, игравших вспомогательное значение и не оказавших существенного влияния на эволюцию военного дела, была вынужденно опущена из-за ограниченного объема работы.

Методика применяемого анализа ранее многократно апробировалась и подробно излагалась в научной печати, поэтому в настоящей монографии описывать ее нет необходимости.

Анализ материалов по военному делу центральноазиатских кочевников периода развитого средневековья предполагает изучение генезиса его характерных особенностей в предшествующее время. Поэтому описание вооружения, структуры военной организации и военного искусства кочевников начато с культур, распространенных в восточной части Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Результаты проведенного сравнительного анализа позволяют предполагать, что истоки, характерные черты военного искусства кочевников, распространившиеся по всей степной Азии в первой половине II тыс. н. э., берут свое начало в Прибайкало-Забайкалье в культурах второй половины I тыс. н. э., оформившихся в самостоятельную историко-культурную область. Именно в этом районе происходило становление этнокультурного облика и военно-политической организации монголоязычных кочевых племен, находившихся в тесном контакте с тюрками и тунгусами.

Наряду с местными этнокультурными особенностями, существенное влияние на формирование вооружения, военно-организационных структур и военного искусства монголоязычных кочевников оказали общие тенденции прогрессивного развития в военном деле в кочевом мире, их контакты с оседло-земледельческими странами. В то же время монголы разнесли достижения своего военного искусства по всей Евразии.

**ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ
ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(VI—X вв. н. э.)**

Восточные районы Центральной Азии, включая Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье, во второй половине I тыс. н. э. испытали значительное влияние древних тюрков, уйгуров, кыргызов. Местные тюркоязычные и монголоязычные кочевники — курыканы, байырку, шивэй, подчинялись и входили в состав центральноазиатских кочевых держав (рис. 1). Особенности военного дела прибайкало-забайкальских кочевников приобрели под влиянием тюрков, уйгуров и кыргызов многие общие центральноазиатские черты. Однако наряду с тенденциями к распространению универсальных, общетюркских форм оружия, военной организации и приемов ведения боя у местных кочевников, в силу их периферийного положения, сохранились и традиционные элементы военного дела. Выдержав испытание временем и боевой практикой, характерные черты военного искусства кочевников восточной части

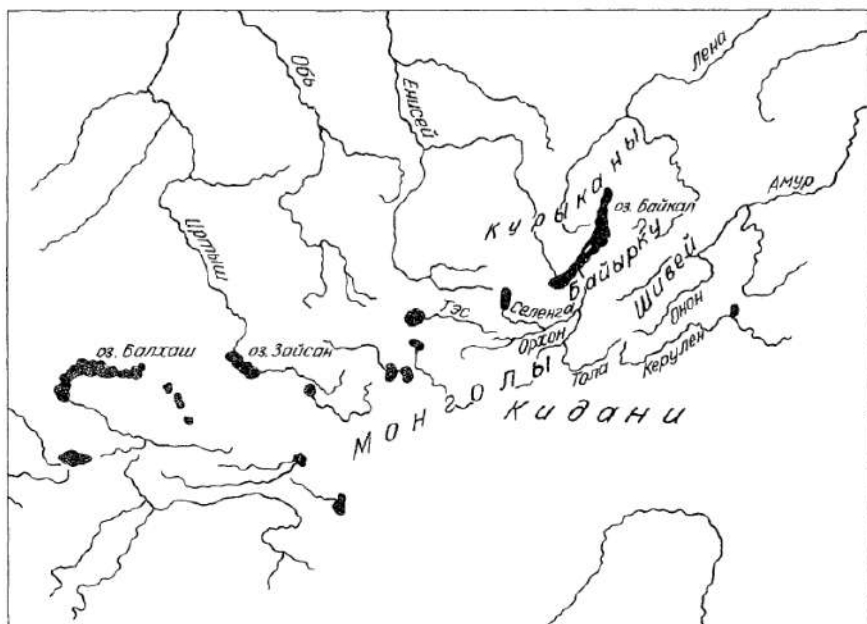

Рис. 1. Военно-политические объединения в Южной Сибири и Центральной Азии в конце I — первой половине II тыс. н. э.

Центральной Азии в дальнейшем, в начале II тыс. н. э., легли в основу развития комплексов вооружения, военно-организационных структур и навыков ведения боя, присущих монголоязычным кочевникам.

Во второй половине I тыс. н. э. кочевники Прибайкалья и Забайкалья восприняли и применили многие образцы наступательного и защитного вооружения, военно-административную систему и способы коллективного применения оружия из Центральной Азии. В то же время, включив в свой состав и ассимилировав родоплеменные группы местных, тунгусоязычных и монголоязычных таежных охотников, прибайкало-забайкальские кочевники заимствовали у них отдельные элементы вооружения и приемы ведения боя. Для каждого из районов восточной части Центральной Азии соотношение традиционных и заимствованных центральноазиатских черт в комплексе боевых средств было различным и определялось уровнем интенсивности внешних военных контактов и сложившимися этнокультурными условиями.

Эволюция оружия характеризовалась возрастанием видового и типологического разнообразия, дифференциацией и специализацией форм. В области военной организации местными кочевниками была освоена десятичная система. Характерным приемом в ходе боя была атака рассыпным строем. Знали местные кочевники и некоторые элементы фортификации. Однако в целом уровень развития военного дела кочевников Прибайкалья и Забайкалья во второй половине I тыс. н. э. несколько уступал древнетюркскому, уйгурскому и кыргызскому как по видовому и типологическому составу боевых средств, так и по формам военной организации, и по боевому опыту войск, и по возможности успешного ведения конного боя.

Глава первая

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КУРЫКАН

Вооружение и военное искусство тюркоязычных кочевников Прибайкалья в эпоху раннего средневековья недостаточно изучены. Имеется небольшой круг специальных работ, вводящих в научный оборот отдельные находки предметов вооружения из курыканских памятников¹. Вопросам хронологии и этнокультурной атрибуции этих материалов посвящен цикл статей и монографий ряда авторов². Наиболее полно история вопроса, публикация артефактов, проблемы периодизации и культурной принадлежности средневековых материалов Прибайкалья освещены в сводной работе на данную тему³. В монографии предпринят опыт классификации отдельных видов оружия⁴. В целом, для полноценного анализа военного дела курыкан материалов накоплено еще недостаточно. Однако в сравнительно-историческом плане обработка имеющихся данных и обобщение их в специальном очерке возможны и необходимы для понимания истории военного дела в изучаемом регионе.

Для решения поставленной задачи, помимо опубликованных вещественных, письменных и изобразительных источников, привлечены материалы из фондов Братского и Иркутского краеведческих музеев.

Комплекс вооружения прибайкальских кочевников эпохи раннего средневековья включал средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты.

Предметы вооружения дистанционного боя из прибайкальских памятников представлены наконечниками стрел и деталями колчанов. К сожалению, деталей луков в курьканских памятниках, относящихся ко второй половине I тыс. н. э., пока не обнаружено. Поэтому судить о их конструктивных особенностях, опираясь только на изобразительные материалы, довольно сложно. Можно думать, что курьканские луки относились к числу сложносоставных⁵.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Коллекция наконечников стрел из средневековых памятников Прибайкалья второй половины I тыс. н. э. распадается на два класса — железных и костяных. Железные наконечники стрел относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они делятся на несколько групп.

Г р у п п а I. Трехлопастные наконечники. Насчитывает шесть типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 5 экз. из памятников: Нурэ; Хужир III, к. 18; Балаганск; Мальта в Прибайкалье⁶. Длина пера — 6 см, ширина пера — 3, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 2, 1, 5—7, 19).

Тип 2. Удлиненно-пятиугольные. Включает 3 экз. из памятников: Шамановское; Пашково; Хвалынск в Прибайкалье⁷. Длина пера — 6 см, ширина пера — 4, длина черешка — 8 см. Наконечники с тупоугольным и остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками, упором. В нижней трети лопастей имеются овальные и полулунные отверстия (рис. 2, 8, 12).

Тип 3. Удлиненно-шестиугольные. Включает 10 экз. из памятников: Нурэ; Хужир III, к. 18; Мальта, Пашково в Прибайкалье⁸. Длина пера — 5 см, ширина пера — 3, длина черешка — 5 см. Наконечники стрел с остроугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками. В нижней трети лопастей некоторых экземпляров имеются округлые или сердцевидные отверстия (рис. 2, 2—4, 11, 16—18, 20).

Тип 4. Томары. Включает 1 экз. из памятника Хужир III, к. 18 в Прибайкалье⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 4, длина черешка — 4 см. Наконечник с тупым острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками, упором. В нижней трети лопастей имеются округлые отверстия (рис. 2, 15).

Тип 5. Пентаграммные. Включает 1 экз. из памятника Верхняя Лена в Прибайкалье¹⁰. Длина пера — 9 см, ширина — 6, длина черешка — 6 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими

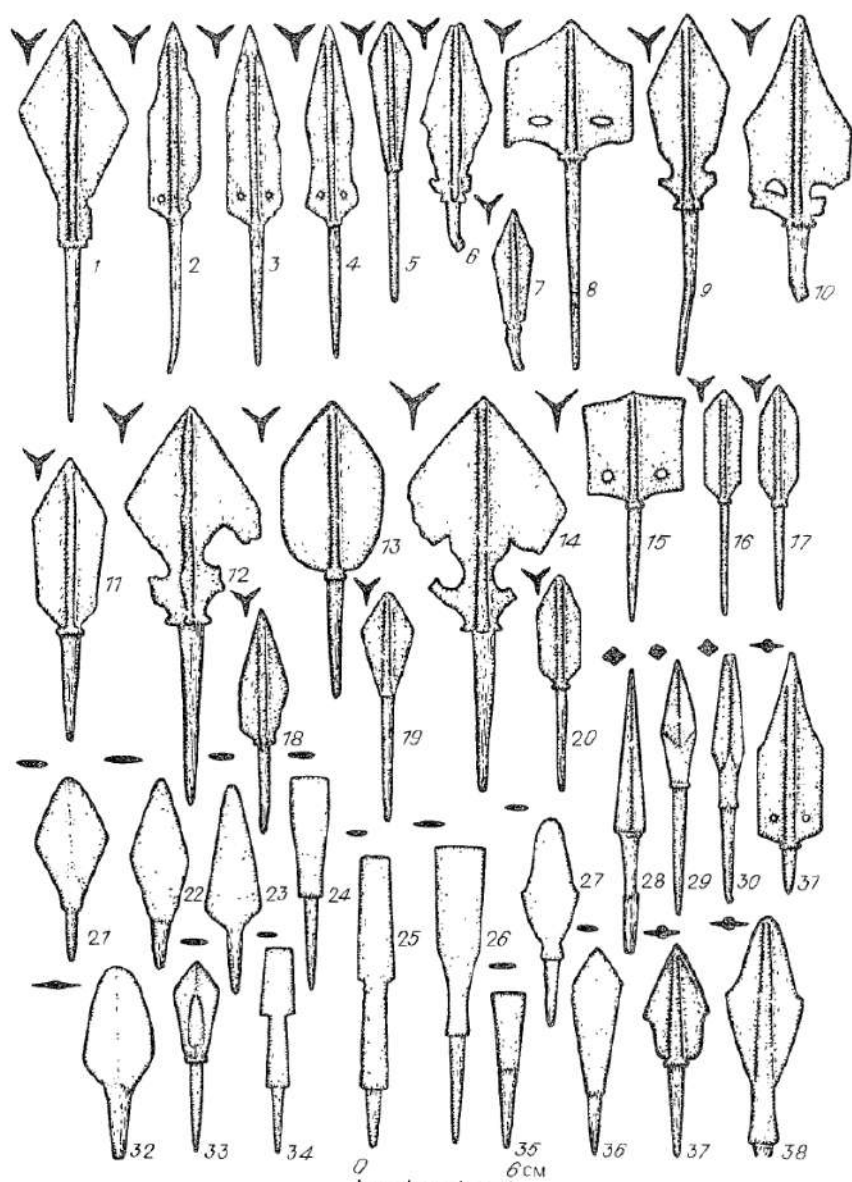

Рис. 2. Курыканские железные наконечники стрел.

1, 5-7, 19 - гр. I, тип 1; 2-4, 9-11, 16-18, 20 - гр. I, тип 3; 8, 12 - гр. I, тип 2; 13 - гр. I, тип 6; 14 - гр. I, тип 5; 15 - гр. I, тип 4; 21, 33, 36 - гр. III, тип 1; 22, 23 - гр. III, тип 2; 24-26, 34 - гр. III, тип 5; 27 - гр. III, тип 6; 28 - гр. IV, тип 1; 29, 30 - гр. IV, тип 2; 31, 37 - гр. II, тип 3; 32 - гр. III, тип 3; 35 - гр. III, тип 4; 38 - гр. II, тип. 2.

сторонами, покатыми плечиками, упором. В нижней трети лопастей имеются сердцевидные отверстия (рис. 2, 14).

Тип 6. Полуовальные. Включает 1 экз. из памятника Верхняя Лена в Прибайкалье¹¹. Длина пера — 6 см, ширина — 4, длина

черешка — 4 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, округлыми плечиками, упором (рис. 2, 13).

Г р у п п а II. Двухлопастные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные. Включает 2 экз. из памятников: Манхай; Сосновый и Лесной в Прибайкалье¹². Длина пера — 6 см, ширина — 2, длина черешка — 3 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками, упором. По продольной оси пера расположен центральный стержень — нервюра. В нижней трети лопастей одного экземпляра имеются округлые отверстия (рис. 2, 31, 37).

Тип 2. Овально-крылатые. Включает 2 экз. из памятника Сосновый и Лесной в Прибайкалье¹³. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 6 см. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, пологими плечиками, шейкой, упором. По продольной оси пера расположен центральный стержень — нервюра (рис. 2, 38).

Г р у п п а III. Плоские. Насчитывает восемь типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 4 экз. из памятников: Нурэ; Хужир III, к. 18; Сосновый, Балаганск в Прибайкалье¹⁴. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 3 см. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 2, 21, 33).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятников: Нурэ, Сосновый и Лесной в Прибайкалье¹⁵. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 2, 22).

Тип 3. Эллипсоидные. Включает 1 экз. из памятника Куркут II, м. 10 в Прибайкалье¹⁶. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 2 см. Наконечник с эллипсоидным острием и округлыми плечиками (рис. 2, 32).

Тип 4. Томары. Включает 1 экз. из памятника Лесной в Прибайкалье¹⁷. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с тупым острием и пологими плечиками (рис. 2, 35).

Тип 5. Боеголовковые томары. Включает 5 экз. из памятников: Нурэ, Добчур; Усть-Шаманка; Сосновый и Лесной в Прибайкалье¹⁸. Длина пера — 7 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с тупым острием, параллельными сторонами, покатыми или прямыми плечиками, шейкой, упором (рис. 2, 24).

Тип 6. Овально-крылатые. Включает 1 экз. из памятника Балаганск в Прибайкалье¹⁹. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 3 см. Наконечник с овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками, упором (рис. 2, 27).

Тип 7. Вильчатые. Включает 1 экз. из памятника Сосновый и Лесной в Прибайкалье²⁰. Длина пера — 2 см, ширина — 2, длина черешка — 2 см. Наконечник с вогнутым острием, вогнутыми сторонами, прямыми плечиками (рис. 3).

Тип 8. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из памятника Сосновый в Прибайкалье²¹. Длина пера — 2 см, ширина — 1, длина черешка — 0,5 см. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 3).

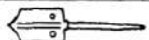
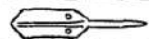

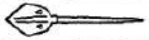

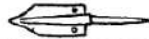

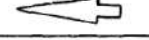

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во экз	Территория	Период, вв.
I Y	1 	6×3×4	5	Прибайкалье	VI - X
	2 	6×4×8	3	Прибайкалье	VI - X
	3 	5×3×5	10	Прибайкалье	VI - X
	4 	4×4×4	1	Прибайкалье	VI - X
	5 	9×6×6	1	Прибайкалье	VI - X
	6 	6×4×4	1	Прибайкалье	VI - X
II 	1 	6×2×3	2	Прибайкалье	IX - X
	2 	5×3×6	2	Прибайкалье	IX - X
III 	1 	5×2×3	4	Прибайкалье	VI - X
	2 	5×2×2	3	Прибайкалье	VI - X
	3 	5×3×2	1	Прибайкалье	IX - X
	4 	3×1×3	1	Прибайкалье	IX - X
	5 	7×1×4	5	Прибайкалье	IX - X
	6 	5×2×3	1	Прибайкалье	IX - X
	7 	2×2×2	1	Прибайкалье	VI - X
	8 	2×1×0,5	2	Прибайкалье	VI - X
IV 	1 	6×1×5	1	Прибайкалье	VI - X
	2 	5×1×4	2	Прибайкалье	IX - X

Рис. 3. Сводная таблица курыканских железных наконечников стрел.

Группа IV. Четырехгранные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Куркут II, м. 18 в Прибайкалье²². Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина черешка — 5 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 2, 28).

Тип 2. Боеголовковые удлиненно-ромбические. Включает 2 экз. из памятника Добчур в Прибайкалье²³. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, шейкой, упором (рис. 2, 29).

В литературе имеется упоминание также о трехгранном наконечнике, но без описания формы и размеров, ввиду чего он не может быть включен в настоящую классификацию²⁴.

Костные наконечники стрел относятся к двум отделам — втульчатым и черешковым. Втульчатые наконечники представлены одной группой.

Г р у п п а I. Трехгранные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические со свистункой. Включает 1 экз. из памятника Манхай в Прибайкалье²⁵. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2, длина втулки — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, цельнорезанной выступающей втулкой-свистункой без отверстий (рис. 4, 5). Черешковые наконечники представлены двумя группами.

Г р у п п а I. Трехгранные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Сосновый и Лесной в Прибайкалье²⁶. Длина пера — 3 см, ширина — 1 см. Наконечник с остроугольным острием, без плечиков. Черешок обломан (рис. 4, 6).

Г р у п п а II. Четырехгранные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятников: Куркут II, м. 2; Манхай в Прибайкалье²⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 4, 1—3).

Тип 2. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Манхай в Прибайкалье²⁸. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием, без плечиков (рис. 4, 4).

В литературе имеются опыты классификации средневековых наконечников стрел из Прибайкалья²⁹. Как верно отметил И. В. Асеев, наборы стрел из погребений, поселений и городищ несколько различаются по типологическому составу³⁰.

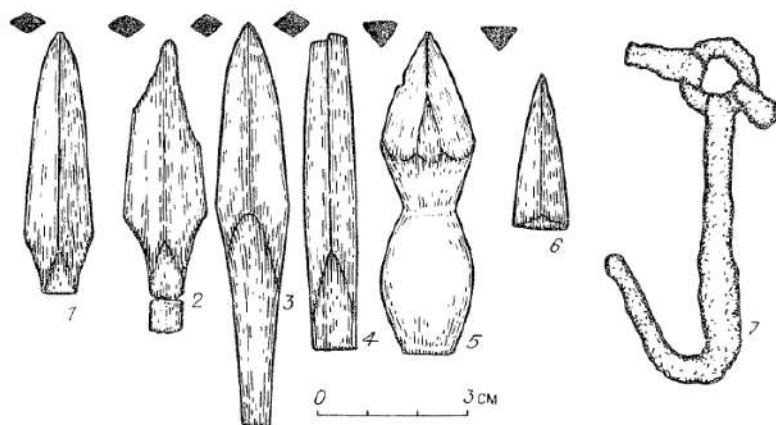

Рис. 4. Курыканские костяные наконечники стрел.

1—3 — отд. II, гр. II, тип 1; 4 — отд. II, гр. II, тип 2; 5 — отд. I, гр. I, тип 1; 6 — отд. II, гр. I, тип 1; 7 — колчаный крюк.

Хотя спектр курыканских стрел, вероятно, далеко не полон, имеющиеся формы позволяют судить о его разнообразии. По групповому и типологическому составу прибайкальский комплекс железных наконечников стрел наиболее близок забайкальским. В его составе представлены практически те же группы, исключая прямоугольные, что и в восточнозabayкальском комплексе. Совпадает и значительное количество форм трехлопастных, двухлопастных, плоских и четырехгранных наконечников. В сравнении с синхронными наборами из Центральной Азии и Саяно-Алтая курыканский комплекс выглядит ориентированным на преимущественное поражение легковооруженного противника. Характерной отличительной особенностью является большой удельный вес плоских наконечников. Среди бронзобойных только одна группа — четырехгранные. Все эти черты присущи в большей степени забайкальским комплексам. С южносибирским и, в частности, кыргызским набором железных наконечников курыканские сближают некоторые черты декоративного оформления некоторых экземпляров трехлопастных стрел. Например, полулунная и сердцевидная форма отверстий в лопастях.

Набор костяных стрел в Прибайкалье недостаточно представлен и его трудно сопоставить с синхронными комплексами из сопредельных регионов. В частности, с забайкальскими можно сопоставить по I типу трехгранных и четырехгранных наконечников. Остальные два типа своеобразны. В целом, курыканский набор стрел небогат формами, что естественно для комплекса средств дистанционного боя у большинства кочевых культур второй половины I тыс. н. э. в Центральной Азии и Южной Сибири.

Из-за недостаточности материала эволюция курыканских стрел внутри рассматриваемого хронологического периода, VI—X вв. н. э., пока не может быть прослежена.

КОЛЧАНЫ

Остатки колчанов и их деталей изредка встречаются в курыканских памятниках. Судя по находкам остатков берестяного приемника и схематическим рисункам курыканских всадников, средневековые колчаны из Прибайкалья относились к одной группе — с цилиндрическим приемником. Форма горловины не ясна. Вероятнее всего, судя по расположению остатков колчана и наконечника стрелы в одной из могил, это были футляры открытого типа, с карманом.

Тип 1. С карманом, включает 2 экз. из памятников: Куркут II, м. 18; Сосновый и Лесной в Прибайкалье³¹. Размеры не установлены. От приемника сохранилась часть берестяной основы со следами прошива. Колчан крепился ремнями к поясу или португее с помощью железной петли и крюка, удерживающего футляр в наклонном положении (рис. 4, 7).

Состав колчаных наборов в курыканских памятниках, как правило, не представлен. Предметы вооружения ближнего боя в курыканских памятниках встречаются сравнительно редко. Далеко не все виды оружия, применявшиеся курыканами, представлены среди археологических находок.

КИНЖАЛЫ

Наиболее часто встречаются в курыканских памятниках кинжалы с обоюдоострым или однолезвийным клинком. Последние обычно относятся к числу бытовых инструментов, однако нельзя исключить их боевое применение. Трудно согласиться с включением в данную категорию предметов с однолезвийным клинком и втульчатой рукояткой³².

По материалу изготовления все кинжалы относятся к одному классу — железных. По сечению клинка они подразделяются на две группы.

Г р у п п а I. Ромбические. Представлены одним типом.

Тип 1. Удлиненно-ромбические без перекрестья. Включает 2 экз. из памятника Лесной в Прибайкалье³³. Длина клинка — 8,5 см, ширина — 2,5, длина черешка — 5 см. Двухлезвийные прямые клинки с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 5, 1, 2).

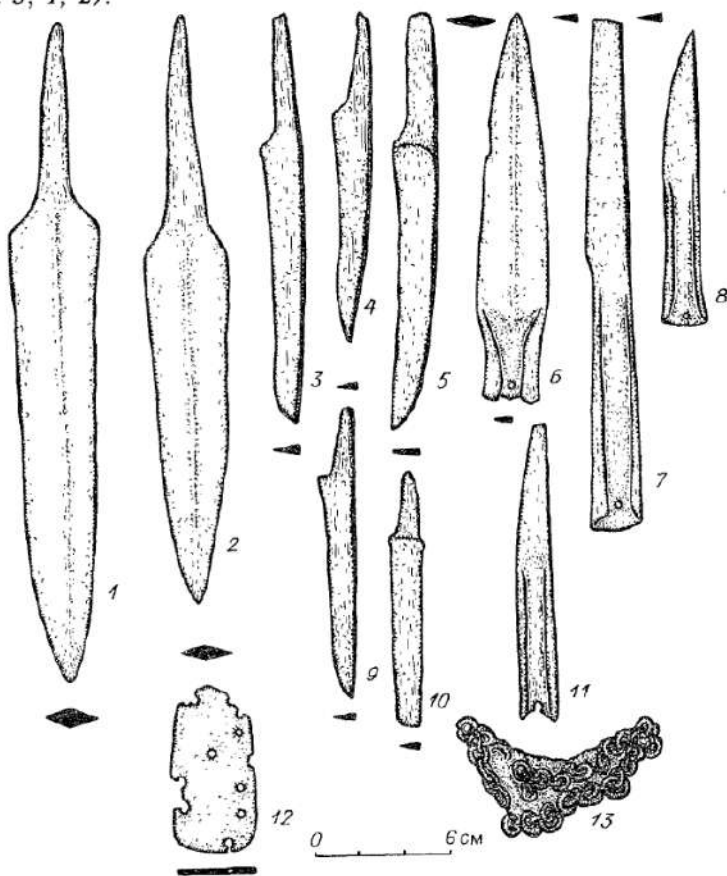

Рис. 5. Курыканское оружие.

1—5, 9, 10 — кинжалы; 6 — копье; 7, 8, 11 — пальмы; 12 — панцирная пластина; 13 — деталь кольчуги.

Г р у п п а II. Трехгранные. Представлена двумя типами.

Тип 1. Прямые без перекрестья. Включает 4 экз. из памятников Куркут I, к. 38; Сосновый; Добчур в Прибайкалье³⁴. Длина клинка 9 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Однолезвийные прямые клинки с остроугольным острием, прямой спинкой, без перекрестья (рис. 5, 9, 10).

Тип 2. Слабоизогнутые без перекрестья. Включает 3 экз. из памятников Куркут II, м. з.; Сосновый; Лесной в Прибайкалье³⁵. Длина клинка — 9,5 см, ширина — 2, длина черешка — 4 см. Однолезвийные клинки с остроугольным острием, вогнутым лезвием, без перекрестья (рис. 5, 3—5).

Если для двулезвийных клинков предпочтительно боевое применение, то однолезвийные могли использоваться универсально для военных целей и хозяйственных нужд. Диапазон применения кинжалов был ограничен рукопашной схваткой, добиванием раненых и т. д.

копья

Среди находок из курыканских памятников копье представлено в единичном случае. По сечению оно относится к группе ромбических.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Сосновый в Прибайкалье³⁶. Длина пера — 11,5 см, ширина — 3, длина втулки — 4 см. Наконечник с остроугольным острием, без плечиков, с широкой, короткой, несомкнутой втулкой, в которой сохранился гвоздь для крепления к древку (рис. 5, 6).

В свое время данный предмет был определен как «нож с втульчатой рукояткой»³⁷. Нам представляется, что он вполне мог служить наконечником копья. По форме пера и втулки этот предмет вполне соответствует некоторым типам копий у чжурчженей³⁸.

Несмотря на сравнительную редкость находок копий, можно думать, что они применялись курыканами достаточно широко, поскольку нередко изображались в руках у всадников на наскальных рисунках. Это ударные копья с длинным древком, удерживаемые в боевом положении двумя руками. В походном положении располагались вертикально. Всадник держал копье за древко одной рукой. Вероятно древко крепилось к стремени. Практически все копья изображены со знаменами на древках. Полотнища знамен крепились к древкам под наконечниками. Это прямоугольные полотнища, вытянутые вдоль древка с тремя косицами (рис. 6, 2, 4), либо узкие прямоугольные вымпелы, закрепленные перпендикулярно древку (рис. 6, 3, 6).

Знамена служили для передачи сигналов на расстоянии и ориентировки в ходе конного боя, когда из-за пыли, поднятой копытами лошадей, трудно было отличить своих воинов от противника. Интересно, что в одном случае на Шишкинских писаницах изображено знамя, прикрепленное вертикально к седлу коня без всадника. Вероятно, это символическое знамя бога войны, аналогично известному у монголов.

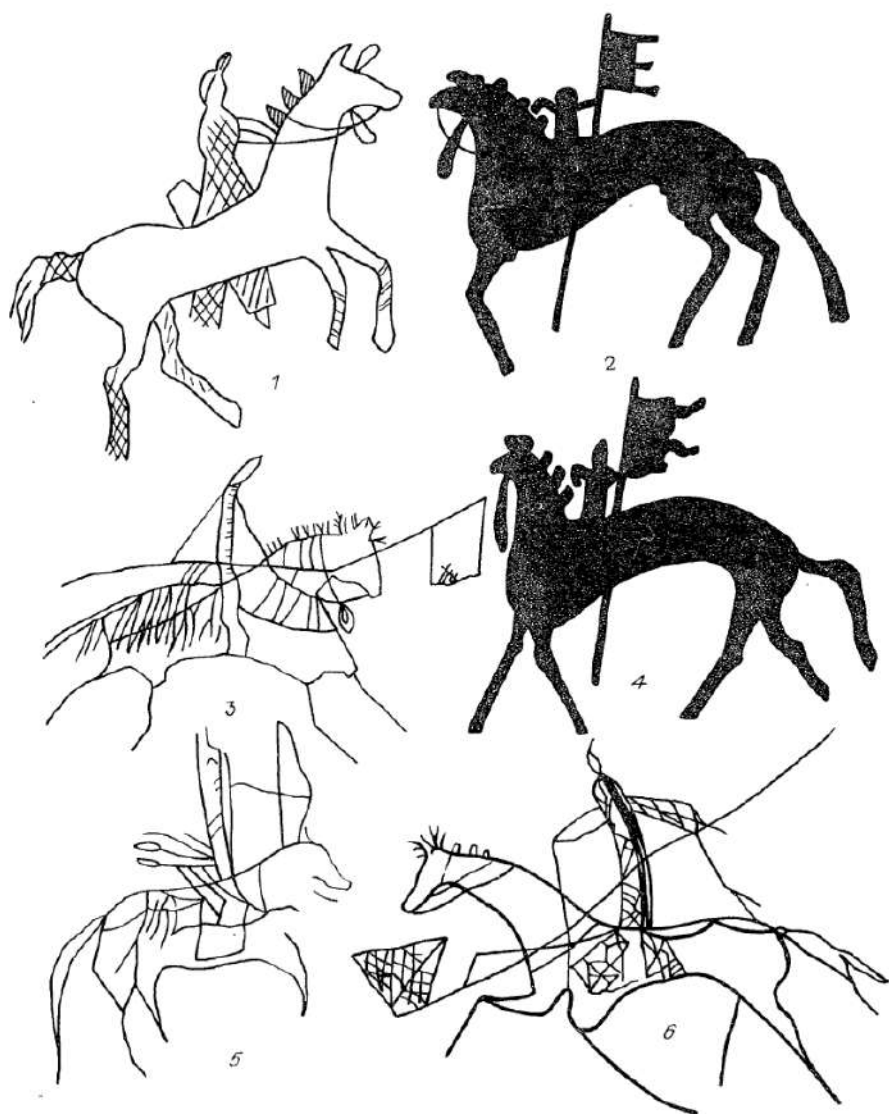

Рис. 6. Изображения курыканских воинов.

ПАЛЬМЫ

Особым видом древкового ударного оружия у курыкан были пальмы. К их числу необходимо отнести некоторые однолезвийные клинки с втульчатой рукояткой, обычно определяемые как «втульчатые ножи». По сечению клинка они относятся к одной группе трехгранных, насчитывающей один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 3 экз. из памятников: Сосновый и Лесной в Прибайкалье. Длина клинка — 7,5 см, ширина — 1,5, длина втулки — 8,5 см. Однолезвийные клинки с остроугольным острием, прямой спинкой, пологим лезвием, длинной несомкнутой втулкой и отверстием для крепления к древку (рис. 5, 7, 8, 11).

Пальмы крепились на длинное древко и применялись для нанесения колющих и рубящих ударов. Вполне вероятно, что у курыкан они появились вследствие военных действий с таежными охотничьими племенами.

Трудно сказать, применялись ли курыканами другие виды оружия, например тесла, находки которых в курыканских памятниках нередки. Однако их конструкция мало соответствует использованию для боевых целей³⁹.

Судя по всему, имеющийся набор вооружения далеко не полностью отражает средства ведения ближнего боя курыканами.

Предметы защитного вооружения в курыканских памятниках — редкая находка. Сопоставление единичных находок с образительными материалами позволяет составить представление о защитных средствах курыканского воина.

ПАНЦИРИ

По форме пластин и способу крепления их между собой курыканские панцири можно отнести к одному типу — чешуйчатых.

Тип 1. Чешуйчатые. Включает 1 экз. из памятника Балаганск в Прибайкалье⁴⁰. Представлен единичной находкой пластины прямоугольной формы со скругленными краями — 3,5х7 см. Отверстия расположены не совсем симметрично. Возможно, пластина обломана (рис. 5, 12). Покрой панциря, в известной мере, помогают понять курыканские наскальные рисунки. На одном из рисунков с Шишкинских скал изображен всадник, весь торс и плечи которого, а также штанины покрыты сетчатой или кошой штриховкой⁴¹. Возможно, что так изображен защитный доспех, включавший панцирь, прикрывавший тело воина до бедер и оставлявший свободными руки. Если это верно, то ноги воина могли быть прикрыты поножами из панцирных пластин (рис. 6, 1).

Впрочем, полной уверенности в том, что данная трактовка верна, нет, так как такой же сетчатой штриховкой покрыта задняя нога и хвост лошади на том же рисунке. Сетчатая или полосная штриховка присутствует и на рисунках всадников с Манхайского городища⁴² (рис. 6, 6).

Защитный доспех присутствует на рисунках конных копейщиков, что согласуется с возможностями использования обоих видов оружия. Лишь один панцирный всадник изображен без копья, но с колчаном.

КОЛЬЧУГИ

В единичном случае в курыканском погребении обнаружены обрывки кольчуги. Это небольшие обрывки, один из которых мог относиться к кольчужному доспеху. По имеющимся данным его трудно отнести к какому-либо типу. Учитывая место расположения и характер наскальных рисунков, можно условно выделить один тип кольчуги.

Тип 1. Кольчужная рубашка. Включает 1 экз. из памятника Куркут I, м. 38 в Прибайкалье⁴³. Форма и размеры кольчуги не устанавливаются. По реконструкции И. В. Асеева, кольчуга составлялась из колец способом крепления четыре кольца через одно⁴⁴ (рис. 5, 13).

По отношению к форме кольчуги ничего определенного сказать нельзя. Можно думать, что кольчужное покрытие защищало плечи и корпус воина до бедер, аналогично чешуйчатому панцирю.

БОЕВОЕ НАГОЛОВЬЕ

Находка обрывков кольчуги в области черепа одного из погребенных позволяет предполагать наличие у курыкан боевого наголовья в виде кольчужной сетки или бармицы к шлему⁴⁵. Рисунки воинов слишком схематичны для реконструкции. Все же из некоторых из них заметно, что боевое наголовье имеет коническую форму, с султаном наверху или на лобной части (рис. 6, 1, 6).

Этих данных недостаточно для вынесения определенных суждений о способах защиты головы воина у курыкан. По-видимому, это могли быть шлемы с кольчужными бармицами.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

Хотя имеющийся круг источников далеко не полон для того, чтобы со всей определенностью охарактеризовать вооружение курыкан, некоторые замечания по этому поводу необходимы. Достаточно разнообразный набор стрел, ориентированный по преимуществу против незащищенного панцирем противника, позволяет предполагать, что важное значение в курыканском войске имела легковооруженная конница. Курыканский всадник был вооружен сложносоставным луком, применял для стрельбы по легковооруженному противнику железные трехлопастные, двухлопастные и плоские наконечники стрел, костяные стрелы. Для пробивания брони использовались стрелы с четырехгранными железными наконечниками. Для хранения и ношения стрел служили берестяные колчаны.

В ближнем бою курыканские воины пользовались копьями и теслами. Вероятно, они должны были иметь на вооружении и рубяще-колющее оружие, хотя определенных данных на этот счет нет.

Вид	Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз	Территория	Период, ав.
СТРЕЛЫ	I	1 - 6	6×4	21	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
	II	1 - 2	6×3	4	ПРИБАЙКАЛЬЕ	IX - X
	III	1 - 8	5×2	18	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
	IV	1 - 2	6×1	3	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
	I	1	3×2	1	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI-VIII
	II	1	3×1	1	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
	III	1 - 2	5×1	4	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
Колчаны	I	1	—	2	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
Кинжалы	I	1	9×3	2	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
	II	1 - 2	9×2	7	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI - X
Копья	I	1	12×3	1	ПРИБАЙКАЛЬЕ	IX - X
Пальмы	I	1	8×2	3	ПРИБАЙКАЛЬЕ	IX - X
Панцири	I	1	—	1	ПРИБАЙКАЛЬЕ	IX - X
Кольчуги	I	1	—	1	ПРИБАЙКАЛЬЕ	VI-VIII

Рис. 7. Сводная таблица курыканского оружия.

Из защитных средств курыканскими воинами применялись чешуйчатые панцири, кольчуги и боевые наголовья. Надо полагать, панцирной кавалерии, как особого рода войск, у курыкан не существовало, а доспехи имели наиболее знатные, лучше вооруженные воины (рис. 7, 8). Наряду с конницей в курыканском войске имелись и пешие отряды, составлявшие гарнизоны крепостей с постоянным населением.

СТРУКТУРА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Военная организация курыкан практически не была предметом специального исследования. Сведения источников на этот счет очень скудны. В китайских летописях о курыканах говорится, что они имеют «5000 строевого войска»⁴⁶. С известной долей вероятности этот факт можно трактовать в пользу наличия у курыкан десятичной системы деления войска и народа. В одном из рунических текстов этот народ назван «уч-курыканы», т. е. трехплеменным. В то же время говоря о вождях курыкан, источники упоминают то одного «великого старшину», то двух «сыгиней» (вероятно, тегингов), которые «живут вместе»⁴⁷. Трудно сказать, пред-

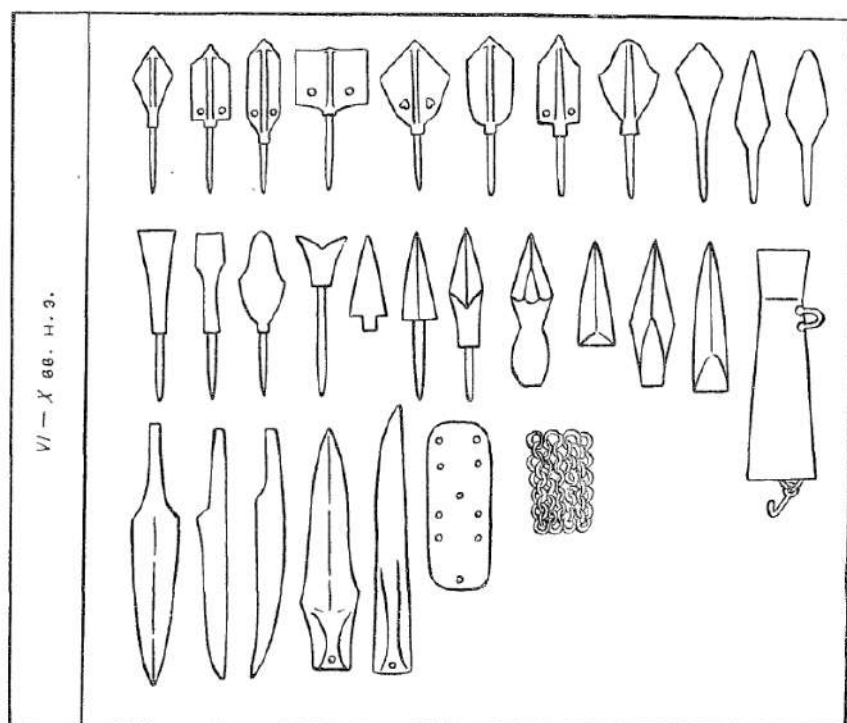

Рис. 8. Типолого-хронологическая матрица курыканского оружия.

ставляли ли курыканские земли в какой-то момент единое политическое целое. Во всяком случае, в качестве определенной военно-политической силы они противопоставляются в источниках тюркам и кыргызам. Их «великий старшина» возглавил (или направил) посольство и подарил лошадей танскому императору Тайцзуну⁴⁸. По всей вероятности, курыканское объединение надо представлять в качестве военного союза трех или нескольких племен, управлявшегося «великим старшиной» (эльтебером), которому были подчинены сыгини (тегины), правители каждого племени. В период больших внешних войн племена формировали отряды по десятичному принципу. Хотя общая численность курыканского войска выглядит сравнительно небольшой на фоне многотысячных армий центральноазиатских каганатов, она представляла собой определенную военную силу, которую приходилось учитывать в борьбе за гегемонию в степной Азии. Как самостоятельная военно-политическая сила курыканы упомянуты в числе враждебных основателю II Восточнотюркского каганата Эльтерес — карану⁴⁹. В VII в. курыканские вожди совершают попытки завязать дипломатические контакты с империей Тан. В IX в., как считается, курыканские земли попадают в зависимость от кыргызского каганата⁵⁰. Определенные сведения на этот счет имеются в рунических текстах⁵¹.

Данные по вооружению и структуре военной организации позволяют наметить в общих чертах особенности военного искусства курыкан. Преобладание в составе вооружения средств дистанционного боя позволяет предполагать, что курыканская конница была в своей массе легковооруженной, наиболее эффективно действующей в рассыпном строю, применяя лук и стрелы. Вместе с тем многочисленность изображений всадников с пиками наперевес или в исходном положении свидетельствует о действии курыканской конницы в ближнем бою. Вероятно, курыканы применяли атаку лавой. Для защиты отдельные воины использовали панцири и кольчугу. Менее устойчивой была курыканская кавалерия в рукопашном бою, во всяком случае, находки предметов вооружения не позволяют представить набор средств рукопашного боя в полном объеме (рис. 9).

Можно думать, что применение рассыпного строя и атаки лавой составляли основу тактики курыкан в условиях крупномасштабных военных действий. Наличие различных по форме знамен позволяет предполагать развитую систему сигнализации и управление войсками в ходе сражения, открывающее возможности для маневрирования. По всей вероятности, с помощью знамен подавался сигнал

Рис. 9. Реконструкция курыканского тяжеловооруженного воина.

ко второй фазе боя — атаке лавой, когда возможности управления войсками иными способами были ограничены. Флаги могли играть в разноплеменном курыканском войске роль опознавательных знаков для контингентов, сформированных из разных родоплеменных единиц. К сожалению, каких-либо сведений о военных действиях с участием курыкан источники не содержат. Характер оборонительных сооружений, приписываемых курыканам, свидетельствует об использовании ими крепостей в ходе военных столкновений местного значения. Для обороны от крупных военных соединений центральноазиатских кочевников их фортификационные сооружения не были приспособлены.

Немного можно сказать о стратегии ведения войн курыканами. Отдаленность районов расселения от основного театра военных действий в Центральной Азии, малочисленность военных сил курыкан не позволяют говорить об их активном участии в борьбе за гегемонию в степной Азии. Вероятнее всего, их стратегия по отношению к каганатам тюрков, уйгуров, кыргызов должна была быть по преимуществу оборонительной. В то же время сознавая опасность со стороны более сильных кочевых соседей, курыканы участвовали в военных коалициях, направленных против II Восточно-тюркского каганата, пытались завязать отношения с империей Тан, сопротивлялись экспансии кыргызов. Собственные экспансионистские устремления курыканских военных вождей скорее всего были ограничены подчинением окрестных таежных племен и продвижением в отдельные районы Западного Забайкалья.

Ряд исследователей отмечает близость или влияние курыкан на забайкальских кочевников низовой Селенги и Баргузинской долины⁵². Не вполне ясен вопрос о взаимоотношениях курыкан с кыргызами в эпоху великодержавия. Ученые склонны считать, что Прибайкалье в IX—X вв. было подчинено кыргызами и вошло в состав Кыргызского каганата. Действительно, в одной из рунических надписей с Уйбата говорится: «Когда брали народ Курыкан Вы были подобны клыкастому кабану Тириг бег»⁵³. А в анонимном сочинении Худуд Аа-Алам «фури» (курыканы) наряду с «кесим» (кыштымами) считаются частью кыргызов⁵⁴. В то же время в китайских источниках указывается, что границы Кыргызского каганата простирались на восток «до гулигани» (курыкан)⁵⁵, следовательно, не включали их земли. Нет прямых свидетельств кыргызского присутствия в Прибайкалье в археологических материалах.

По всей вероятности, в момент наивысшего подъема военного могущества Кыргызского каганата в середине IX в. курыканы могли признать свою номинальную зависимость от кагана кыргызов, предотвратив тем самым опасность прямого военного вторжения. Тем самым не исключено, что военные отряды курыкан принимали участие в военных действиях этого периода в составе кыргызских войск в качестве «вассальных поколений».

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО БАЙЫРКУ

Вопросы изучения военного дела кочевого населения западных районов Забайкалья в эпоху раннего средневековья пока не привлекали должного внимания специалистов. Первые результаты, имеющие научное значение в исследовании средневековых памятников Западного Забайкалья, были получены еще в конце прошлого — начале текущего столетия¹. Материалы из раскопок последующих десятилетий частично вводились в научный оборот в 50—60-е гг. и были обобщены лишь в начале 70-х гг.² Новые данные частично освещены в публикации последних лет³. Вопросы типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности средневековых памятников данного района требуют дальнейшей разработки. Трудно согласиться с включением в круг древностей изучаемого периода херексуров и отнесением их к «могилам тюркской знати» или «селенгинских уйгуров», что стало традицией в работах археологов Забайкалья⁴. Дискуссионным остается тезис о принадлежности средневековых погребений Западного Забайкалья уйгурам либо «тюркоязычным племенам»⁵. Высказано мнение о принадлежности этих могил племени байырку⁶. Неразработанность вопросов хронологии и этнокультурной принадлежности данных материалов осложняет анализ предметов вооружения из изучаемых комплексов и привлечение письменных источников по этому вопросу. Несмотря на указанные трудности, опыт обобщения данных по военному делу из исследуемого района необходим, прежде всего, в сравнительно-историческом аспекте с регионом Центральной Азии в целом. Отдельные попытки описания предметов вооружения дистанционного боя в свое время предпринимались⁷. Для анализа использованы материалы из фондов музеев Иркутска, Кяхты и Улан-Удэ. Привлечены необходимые сведения из опубликованных работ.

Комплекс вооружения кочевников Западного Забайкалья в конце I тыс. н. э. включал средства дистанционного ближнего боя и защиты.

Предметы вооружения дистанционного боя из данных памятников представлены деталями луков, стрел и колчанов.

ЛУКИ

По конструкции средневековые луки из Западного Забайкалья относятся к одной группе сложносоставных. По количеству и месту расположения накладок они подразделяются на несколько типов.

Тип I. Со срединной фронтальной, плечевыми фронтальными, концевыми боковыми и фронтальной накладками. Включает 1 экз. из памятника Харга I, м. 6 в Забайкалье⁸. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка, трапецевидная в се-

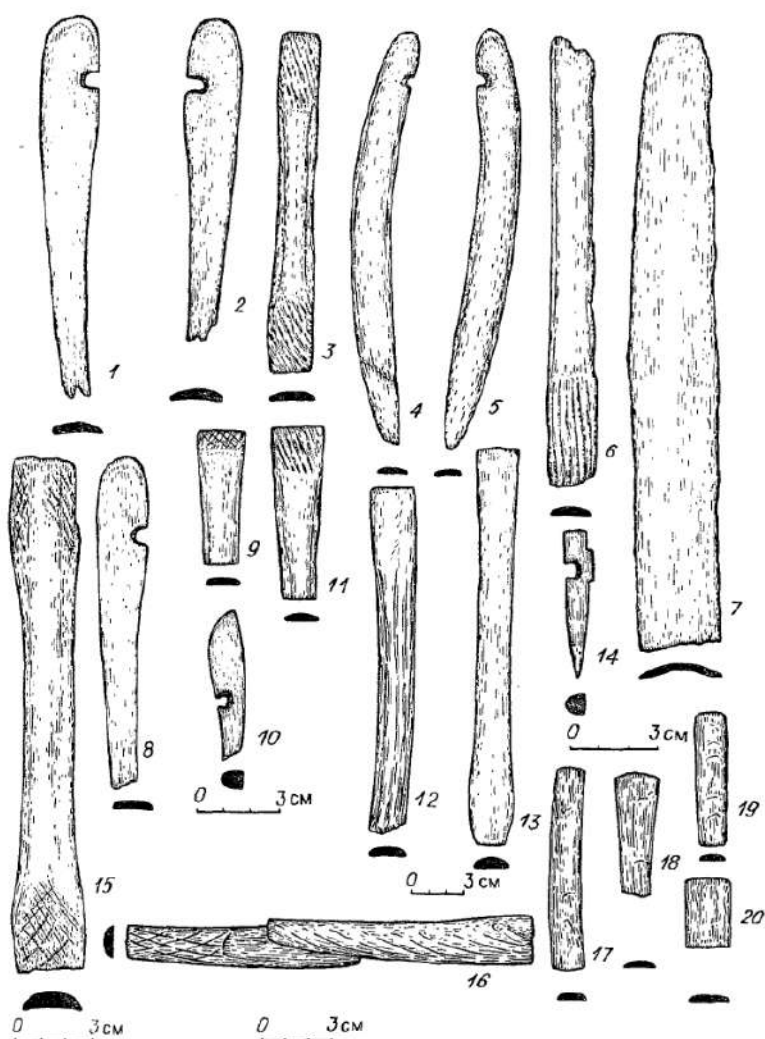

Рис. 10. Накладки луков байырку.

1, 2 — тип 2; 3—5, 9—11 — тип 1; 6, 7, 14 — тип 5; 8 — тип 3; 12, 13, 15 — тип 4; 16—20 — тип 6.

чении, узкая, длинная, с расширяющимися концами. По внутренней стороне и концам нанесена косая и сетчатая нарезка. Плечевые фронтальные накладки, трапециевидные в сечении, расширяющиеся к одному из концов. По внутренней стороне и широкому концу нанесена косая или сетчатая нарезка⁹. Концевые боковые накладки слабоизогнутые, узкие, с арочным вырезом для тетивы на конце. Концевая фронтальная накладка, полуовальная в сечении, короткая, узкая, с арочным вырезом для тетивы. Форма вырезов боковых и фронтальной накладок не совпадает между собой. Вероятно, они крепились к разным концам кибиты. Надо полагать, кибить лука имела асимметричные плечи (рис. 10, 3—5, 9—11).

Тип 2. С концевыми боковыми накладками. Включает 1 экз. из памятника Харга I, м. 1 в Забайкалье¹⁰. Размеры лука не установлены. Концевые боковые накладки прямые, узкие, с арочным вырезом для тетивы. Возможно, данная конструкция лука без срединных накладок является неполной. Вероятно, лук имел асимметричные плечи (рис. 10, 1, 2).

Тип 3. Со срединной фронтальной и концевыми боковыми накладками. Включает 1 экз. из памятника Харга I, м. 12 в Забайкалье¹¹. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Концевые боковые накладки узкие, короткие, с арочным вырезом для тетивы. Крепились они, вероятно, только на один конец кибита, что позволяет предполагать асимметричность плеч (рис. 10, 8).

Тип 4. Со срединной фронтальной накладкой. Включает 3 экз. из памятников: Хоринск, м. 9; Харга I, м. 7; Бухусан, м. 9 в Забайкалье¹². Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. О форме кибита судить сложно (рис. 10, 12, 13, 15).

Тип 5. С плечевой, фронтальной, срединной фронтальной и концевой фронтальной накладкой. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 18, к. 1 в Забайкалье¹³. Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная, узкая, с расширяющимися концами. Не вполне ясно назначение длинной плоской костяной пластины. Возможно, это срединная боковая накладка, но полной уверенности в этом нет, так как она непарная и имеет прямо срезанные концы. Концевая фронтальная накладка, полуовальная в сечении, узкая, короткая, с арочным вырезом для тетивы и прямоугольным выступом на тыльной стороне (рис. 10, 6, 7, 14).

Тип 6. Со срединными и плечевыми фронтальными накладками. Включает 1 экз. из памятника Субуктуй в Забайкалье¹⁴. Размеры не установлены. Все накладки узкие, длинные, короткие (рис. 10, 16—20).

Тип 7. Со срединными боковыми и фронтальной накладками. Включает 1 экз. из памятника Енхор в Забайкалье¹⁵. Размеры не установлены. Срединные боковые накладки широкие, со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка узкая, с расширяющимися концами.

В специальных работах имеются краткие упоминания о сложносоставных луках из памятников конца I тыс. н. э. в Западном Забайкалье. Л. Р. Кызласов отнес все луки к одному «уйгурскому типу», хотя даже по его данным забайкальский лук не имел срединных боковых накладок¹⁶. Последняя деталь существенным образом отличает забайкальские экземпляры от луков из катакомбных памятников Тувы, которые автор считает уйгурскими.

Отсутствие срединных боковых накладок, за исключением одного неясного случая, — характерная особенность забайкальских луков, отличающая их от хунно-тюркской традиции в изготовлении сложносоставного лука. Вторая особенность забайкальских луков, присущая большинству форм, — наличие длинной фронтальной накладки со слегка расширяющимися концами. По своей фор-

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	—	1	Забайкалье	IX-X
	2 	—	1	Забайкалье	VI-X
	3 	—	1	Забайкалье	IX-X
	4 	—	3	Забайкалье	IX-X
	5 	—	1	Забайкалье	IX-X
	6 	—	1	Забайкалье	IX-X
	7 	—	1	Забайкалье	IX-X

Рис. 11. Сводная таблица луков байырку.

ме эти накладки существенно отличны от хуннских и близки аналогичным формам, применявшимся в предмонгольскую и монгольскую эпоху. Третья отличительная черта западнозбайкальских луков — наличие концевых фронтальных накладок. Последняя особенность также существенно выделяет забайкальские луки из господствующей в центральноазиатских степях в I тыс. н. э. хунно-тюркской традиции (рис. 11).

Хотя материалы по средневековым лукам из изучаемого района еще не многочисленны, они весьма показательны. В предварительном плане можно заключить о становлении на данной территории во второй половине I тыс. н. э. обособленной самостоятельной традиции в технологической разработке лука, оказавшейся весьма перспективной в плане дальнейшего развития в период развитого средневековья, когда по всей степной Евразии распространяются монгольские луки с одной срединной фронтальной накладкой с расширяющимися веслообразными концами.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Наконечники стрел из средневековых памятников Западного Забайкалья по материалу изготовления делятся на два класса — железных и костяных. Железные наконечники стрел относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они распадаются на несколько групп,

Группа I. Трехлопастные наконечники. Насчитывает десять типов.

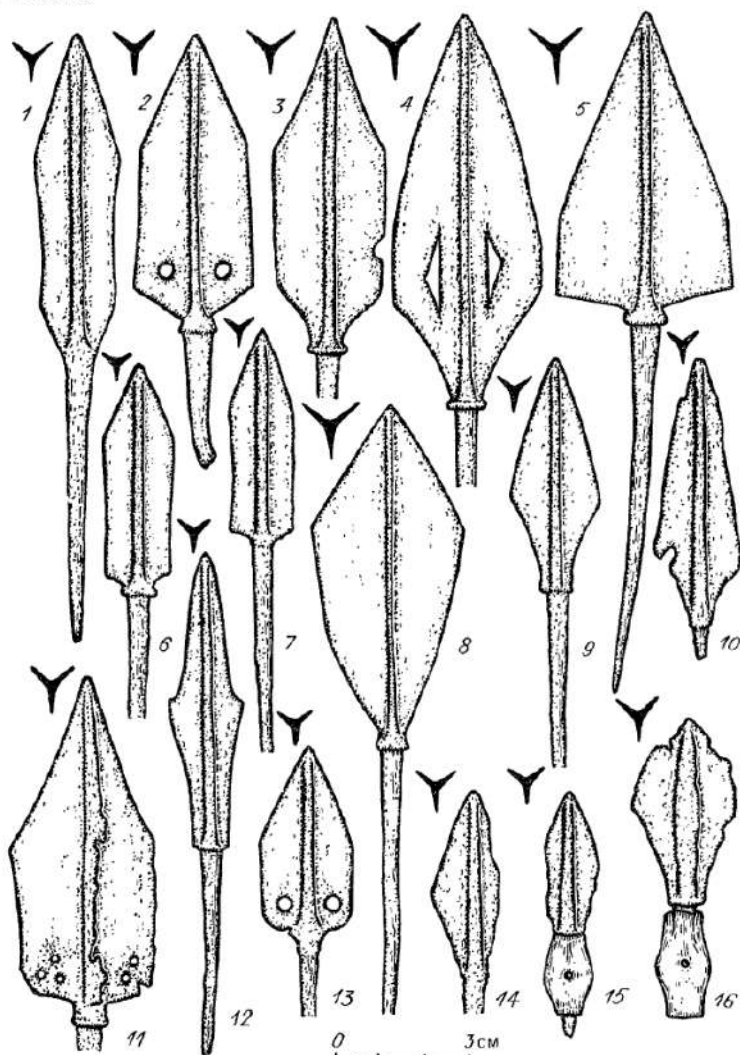

Рис. 12. Железные наконечники стрел байырку.

Группа I: 1—4 — тип 5; 5—7, 11, 13 — тип 4; 8 — тип 9; 9, 10, 14, 15 — тип 2; 12 — тип 7; 16 — тип 1.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 8 экз. из памятников: Баянгол, м. 1; Алтан, м. 1, Бухусан, м. 18, к. 1; Тапхар VI, м. 19 в Забайкалье¹⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 5 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками. В лопастях иногда имеются округлые отверстия (рис. 12, 16, 13, 15, 14, 23).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 9 экз. из памятников: Алтан, м. 2; Баянгол, м. 1; Бухусан, м. 9; Нижняя Брянь; Нижние Дурень; Мосэ-Дархи; Нюрхай; Тунка в Забайкалье¹⁸. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 5 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 12, 9, 10, 14, 15, 13, 17; 14, 25, 28).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 14 экз. из памятников: Алтан, м. 2; Бухусан, м. 18, к. 1; Нижняя Брянь; Горячинск; Кяхта; Тапхар VI, м. 19; Тунка; Харга I, м. 6 в Забайкалье¹⁹. Длина пера — 5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 6 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, удлиненной шейкой, упором (рис. 13, 5, 6, 8; 14, 16, 24).

Тип 4. Удлиненно-пятиугольные. Включает 12 экз. из памятников: Алтан, м. 1, 2, м. 9, Бухусан, м. 18, к. 1; Новый Жирим; Кяхта; Нюрхай; Тунка в Забайкалье²⁰. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 6 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками. Лопаста пера некоторых экземпляров снабжены округлыми либо фигурными отверстиями (рис. 12, 5—7, 11, 13; 13, 18; 14, 7, 8).

Тип 5. Удлиненно-шестиугольные. Включает 5 экз. из памятников: Котокель, Тунка в Забайкалье²¹. Длина пера — 7 см, ширина — 3, длина черешка — 5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками, упором. Лопаста пера некоторых экземпляров снабжены округлыми либо треугольными отверстиями (рис. 12, 1—4; 13, 12).

Тип 6. Томары. Включает 1 экз. из памятника Кяхта в Забайкалье²². Длина пера — 4 см, ширина — 3, длина черешка — 8 см. Наконечник с тупым острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками. В лопастях имеются округлые отверстия (рис. 13, 7).

Тип 7. Ярусные. Включает 2 экз. из памятников: Кяхта, Тунка в Забайкалье. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 5 см. Наконечники с остроугольным острием, обособленным бойком, выступающими крыльями, параллельными сторонами, покатыми плечиками. В лопастях одного экземпляра имеются округлые отверстия (рис. 12, 12; 13, 1).

Тип 8. Эллипсоидные. Включает 1 экз. из памятника Тунка в Забайкалье²³. Длина пера — 7 см, ширина — 2,5, длина черешка — 7,5 см. Наконечник с эллипсоидным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками. В лопастях имеются округлые отверстия (рис. 13, 14).

Тип 9. Полуовальные. Включает 1 экз. из памятника Усть-Кяхта в Забайкалье²⁴. Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 4,5 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными

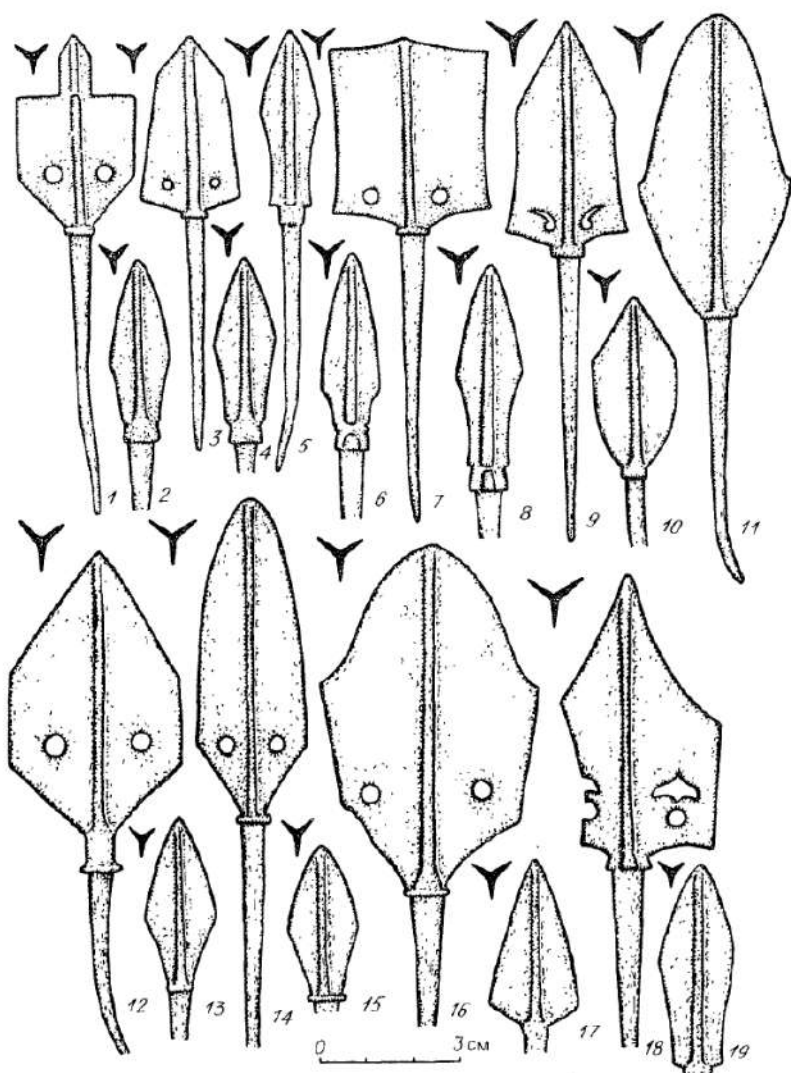

Рис. 13. Железные наконечники стрел байырку.

Группа I: 1 — тип 7; 8, 9, 18, 19 — тип 4; 5, 6, 8, — тип 3; 7 — тип 6; 10, 11, 16, — тип 10; 12 — тип 5; 13, 15, 17 — тип 2; 14 — тип 8.

ми сторонами, округлыми плечиками, упором. В лопастях имеются округлые отверстия (рис. 12, 8).

Тип 10. Овально-крылатые. Включает 2 экз. из памятников: Кяхта, Тунка в Забайкалье²⁵. Длина пера — 7 см, ширина — 4,5, длина черешка — 5 см. Наконечники с овальным острием, параллельными сторонами, округлыми или покатыми плечиками, упором. В лопастях одного экземпляра имеются округлые отверстия (рис. 13, 11, 16).

Г р у п п а II. Двухлопастные наконечники, два типа.

Тип 1. Боеголовковые. Включает 1 экз. из Забайкалья²⁶. Длина пера — 2,5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник

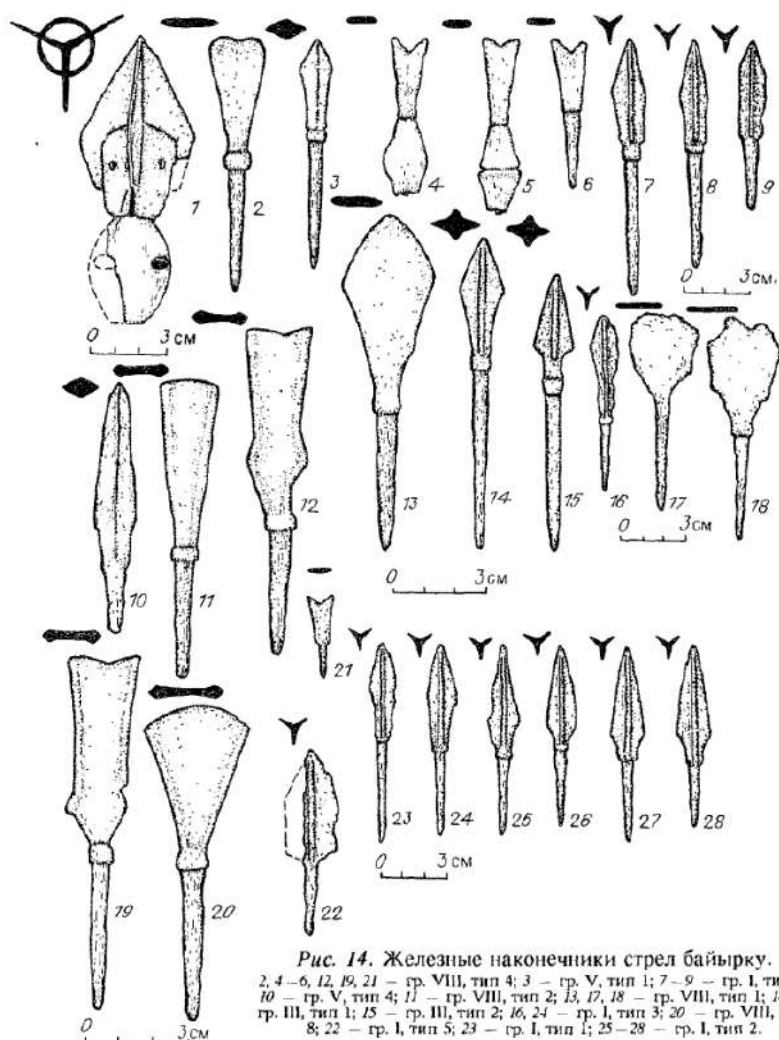

Рис. 14. Железные наконечники стрел байырку.

2, 4—6, 12, 19, 21 — гр. VIII, тип 4; 3 — гр. V, тип 1; 7—9 — гр. I, тип 4; 10 — гр. V, тип 4; 11 — гр. VIII, тип 2; 13, 17, 18 — гр. VIII, тип 1; 14 — гр. III, тип 1; 15 — гр. III, тип 2; 16, 24 — гр. I, тип 3; 20 — гр. VIII, тип 8; 22 — гр. I, тип 5; 23 — гр. I, тип 1; 25—28 — гр. I, тип 2.

с остроугольным острием, прямыми плечиками, выступающей шейкой, упором.

Тип 2. Томары. Включает 1 экз. из памятника Нижние Дурены в Забайкалье²⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 4, длина черешка — 6 см. Наконечник с тупым острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками. В лопастях имеются округлые отверстия.

Г р у п п а III. Четырехлопастные наконечники. Насчитывает три типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 16 экз. из памятников: Бухусан, м. 16, 18, к. 1; Енхор в Забайкалье²⁸. Длина пера — 5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 14, 14).

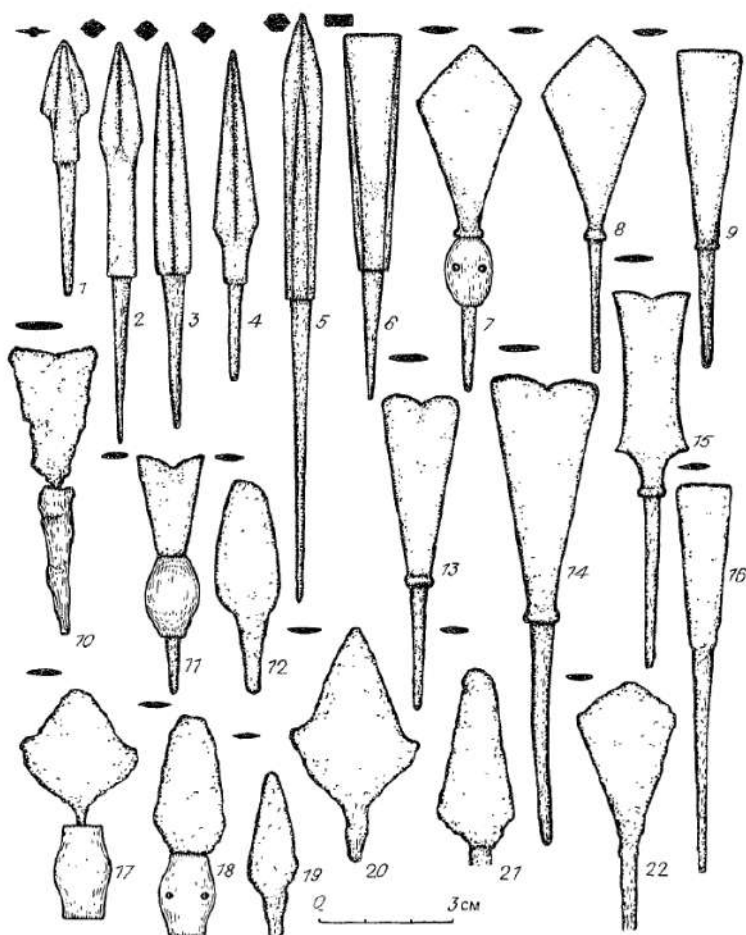

Рис. 15. Железные наконечники стрел байырку.

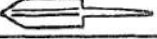
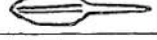
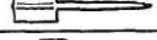
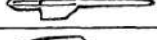

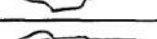

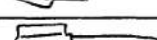
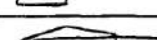
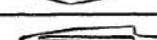

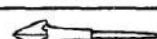

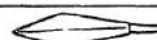

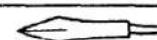

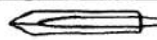

1 — гр. II, тип 1; 2, 4 — гр. V, тип 2; 3 — гр. V, тип 3; 5 — гр. VI, тип 1; 6 — гр. VII, тип 1; 7, 8, 22 — гр. VIII, тип 1; 9, 16 — гр. VIII, тип 2; 10, 11, 13, 14 — гр. VIII, тип 4; 12, 18, 19, 21 — гр. VIII, тип 6; 15 — гр. VIII, 5; 17, 20 — гр. VIII, тип 7.

Тип 2. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 16 в Забайкалье²⁹. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 14, 15).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 18, к. 1 в Забайкалье³⁰. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, удлиненной шейкой, упором.

Группа IV. Трехгранно-трехлопастные наконечники. На- считывает один тип.

Тип 1. Боеголовковые. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 18, к. 1 в Забайкалье³¹. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I Y	1 	5×3×5	8	Забайкалье	VI - X
	2 	5×2×5	9	Забайкалье	VI - X
	3 	5×1,5×6	14	Забайкалье	IX - X
	4 	5×3×6	12	Забайкалье	VI - X
	5 	7×3×5	5	Забайкалье	VI - X
	6 	4×3×6	1	Забайкалье	IX - X
	7 	5×2×5	2	Забайкалье	VI - VIII
	8 	7×2,5×7,5	1	Забайкалье	IX - X
	9 	4×2×4,5	1	Забайкалье	IX - X
	10 	7×4,5×5	2	Забайкалье	IX - X
II 	1 	2,5×1×3	1	Забайкалье	IX - X
	2 	5×4×6	1	Забайкалье	IX - X
III +	1 	5×1,5×2	16	Забайкалье	IX - X
	2 	5×1×1	1	Забайкалье	IX - X
	3 	5×1×1	1	Забайкалье	IX - X
IV 	1 	3×1×1	1	Забайкалье	IX - X
V 	1 	6×1×1	1	Забайкалье	IX - X
	2 	4×1×3	2	Забайкалье	IX - X
	3 	5×1×3	1	Забайкалье	IX - X
	4 	6×1×3	1	Забайкалье	IX - X
VI 	1 	6×1×6,5	1	Забайкалье	IX - X
VII 	1 	5×1×2,5	4	Забайкалье	IX - X

черешка — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, удлиненной шейкой, упором.

Группа V. Четырехгранные наконечники. Насчитывает четыре типа.

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
VIII	1 	7×3,5×6	10	Забайкалье	VI - X
	2 	4×1,5×4	9	Забайкалье	IX - X
	3 	5×1,5×3	3	Забайкалье	IX - X
	4 	4×2×4	9	Забайкалье	IX - X
	5 	4×1,5×4	3	Забайкалье	IX - X
	6 	3,5×2×2,5	5	Забайкалье	VI - X
	7 	3×2×2,5	2	Забайкалье	IX - X
	8 	4,7×3,5×4,5	2	Забайкалье	IX - X

Рис. 16. Сводная таблица железных наконечников стрел байырку.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 16 в Забайкалье³². Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 14, 3).

Тип 2. Босоголовковые. Включает 2 экз. из памятников: Бухусан, м. 16; Харга I, м. 7 в Забайкалье³³. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, удлиненной шейкой, упором (рис. 15, 2, 4).

Тип 3. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Хоринск в Забайкалье³⁴. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 16, 3).

Тип 4. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Харга, м. 7 в Забайкалье³⁵. Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, упором (рис. 14, 10).

Г р у п п а VI. Шестигранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные. Включает 1 экз. из памятника Нижние Дурены в Забайкалье³⁶. Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина черешка — 6,5 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками (рис. 15, 5).

Г р у п п а VII. Прямоугольные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Томары. Включает 4 экз. из памятников: Енхор; Хоринск в Забайкалье³⁷. Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина че-

решка — 2,5 см. Наконечник с тупым острием и пологими плечиками (рис. 15, 6).

Г р у п п а VIII. Плоские наконечники. Насчитывает восемь типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 10 экз. из памятников: Баянгол, м. 1; Бухусан, м. 18 к. 1; Усть-Кяхта; Енхор; Тунка; Хойцегор, м. 12 в Забайкалье³⁸. Длина пера — 6 см, ширина — 3,5, длина черешка — 6 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками (рис. 15, 7, 8, 22).

Тип 2. Томары. Включает 9 экз. из памятников: Алтан, м. 1; Нюрхай; Тунка в Забайкалье³⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечники с тупым острием и пологими плечиками (рис. 15, 9, 16).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 3 экз. из памятников: Тунка; Харга I, п. 6 в Забайкалье⁴⁰. Длина пера — 5 см; ширина — 1,5, длина черешка — 3 см. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками, удлинённой шейкой, упором (рис. 16).

Тип 4. Вильчатые. Включает 9 экз. из памятников: Алтан, м. 2; Бухусан — м. 18, к. 1; Субуктуй, Тунка в Забайкалье⁴¹. Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 4 см. Наконечники с вогнутым острием и пологими плечиками (рис. 14, 2, 4—6, 12, 19, 21; 15, 10, 11, 13, 14).

Тип 5. Двояковогнутые вильчатые. Включает 3 экз. из памятника Харга I, м. 7 в Забайкалье⁴². Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечник с вогнутым острием, вогнутыми сторонами, вогнутыми плечиками, упором (рис. 15, 15).

Тип 6. Удлиненно-ромбические. Включает 5 экз. из памятников: Баянгол, м. 1; Тунка; Хойцегор, м. 12 в Забайкалье⁴³. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2, длина черешка — 2,5 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 15, 19, 21).

Тип 7. Овально-крылатые. Включает 2 экз. из памятников: Баянгол; Тунка в Забайкалье⁴⁴. Длина пера — 3 см, ширина — 2, длина черешка — 2,5 см. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками (рис. 15, 17, 20).

Тип 8. Секторные. Включает 2 экз. из памятника Харга I, м. 7. Длина пера — 4,7 см, ширина — 3,5, длина черешка — 4,5 см. Наконечники с округлым острием и покатыми плечиками (рис. 14, 20).

Костяные наконечники стрел по форме насада делятся на два отдела — втульчатых и черешковых. Втульчатые наконечники стрел по сечению пера относятся к одной группе.

Г р у п п а I. Четырёхгранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Харга I, м. 6 в Забайкалье⁴⁵. Длина пера — 3,5 см, ширина — 1,5, высота втулки — 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками и выступающей втулкой (рис. 17, 5). Черешковые наконечники стрел по сечению пера относятся к двум группам.

Группа I. Четырехгранные наконечники. Насчитывает три типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Харга I, м. 7 в Забайкалье⁴⁶. Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 17, 3).

Тип 2. Щипастые. Включает 2 экз. из памятника Тапхар VI, м. 19 в Забайкалье⁴⁷. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием и вогнутыми плечиками (рис. 18, 3, 4).

Тип 3. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из Забайкалья. Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 18, 1).

Группа II. Трехгранные наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из памятника Харга I, м. 7. в Забайкалье⁴⁸. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 18, 5).

Тип 2. Удлиненно-пятиугольные. Включает 3 экз. из памятника Харга I, м. 7 в Забайкалье⁴⁹. Длина пера —

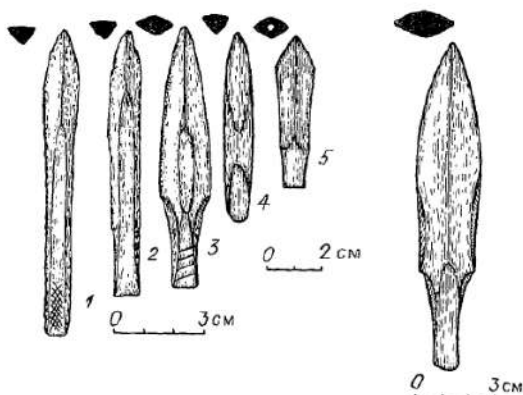

Рис. 17. Костяные наконечники стрел байырку. 1, 2, 4 — отд. II, гр. II, тип 3; 3 — отд. II, гр. I, тип 1; 5 — отд. I, гр. I, тип 1.

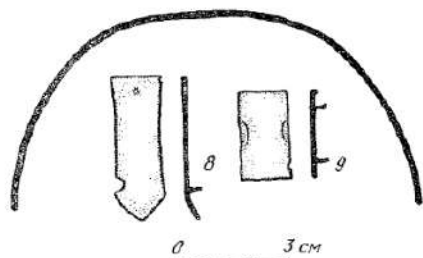
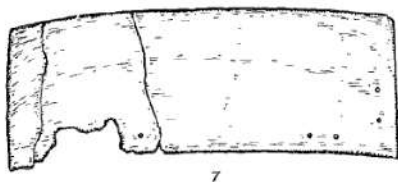
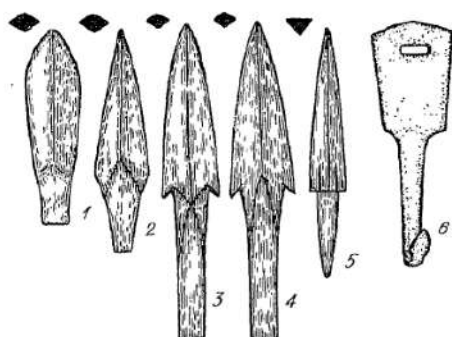

Рис. 18. Костяные наконечники стрел и принадлежности колчана байырку.

1 — отд. II, гр. I, тип 3; 2 — отд. II, гр. I, тип 1; 3, 4 — отд. II, гр. I, тип 2; 5 — отд. II, гр. II, тип 1; 6 — железный крюк; 7 — костяная накладка на горловину колчана; 8, 9 — бронзовые накладки.

5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием и параллельными сторонами (рис. 17, 1, 2, 4).

Вопросы типологии стрел из отдельных групп средневековых памятников Западного Забайкалья касались в своих работах Е. А. Хамзина, Л. Р. Кызласов и автор настоящей работы⁵⁰.

Ныне спектр раннесредневековых стрел из данного региона выглядит значительно разнообразнее, нежели это представлялось ранее. Набор железных стрел представлен восемью вариантами сечения, из них четыре группы предназначены для поражения легковооруженного противника, четыре — для пробивания брони. Из числа первых наиболее вариативны трехлопастные и плоские. Наряду с ними имеются в наборе достаточно редкие двухлопастные и четырехлопастные. Среди трехлопастных, несмотря на большое типологическое разнообразие, специфических форм нет. Все 10 типов имеют широкое распространение для всего региона Центральной Азии. Части из них бытует в течение всей второй половины I тыс. н. э., но многие формы характерны уже для IX—X вв. Определенная близость у рассматриваемого комплекса наблюдается с тюркским, киргизским, курыканским набором трехлопастных стрел. Причем совпадает не только общая конфигурация форм, но и пропорции и формы отверстий на лопастных.

В то же время двухлопастные и в особенности плоские стрелы по своему конструктивному решению более близки комплексам из Прибайкалья и Восточного Забайкалья. Представлены в Западном Забайкалье и специфические формы плоских стрел, например двояковогнутые вильчатые.

Комплекс бронзобойных стрел в Западном Забайкалье в наибольшей степени сходен с прибайкальскими и восточнозabayкальскими, хотя по числу групп и типов он значительно разнообразнее последних. От центральноазиатского и южносибирского наборов его отличает отсутствие трехгранных, ромбических и линзовидных. Единственным исключением в этом плане можно считать единственный экземпляр трехгранно-трехлопастного наконечника. Присутствует в наборе бронзобойных и специфическая шестигранная форма.

Костяные стрелы в наборе средств дистанционного боя средневекового воина-кочевника из Западного Забайкалья довольно немногочисленны и малопоказательны. Среди них имеются архаичные втульчатые и черешковые щипастые формы, и вневременные удлинненно-ромбические.

К сожалению, набор западнозabayкальских стрел, несмотря на значительное типологическое разнообразие, пока трудно распределить по хронологическим и территориальным группам, выделенным ранее в пределах данного региона. Соглашаясь с мнением предшественников, что данный набор в целом в большей мере характерен для последней трети I тыс. н. э., заметим, что многие из выделенных форм, в особенности плоского сечения, продолжают практически в неизменном виде бытовать и позднее, во II тыс. н. э.

Рассматриваемый комплекс содержит большой спектр средств поражения незащищенного панцирем противника и характерен,

надо полагать, для легковооруженного конного стрелка. Вместе с тем забайкальские всадники обладали широкими возможностями для борьбы на дистанции и с тяжеловооруженным противником, хотя и несколько уступали в этом синхронным потенциалам тюрок, кыргызов, кимаков. Многие наконечники стрел снабжались костяными свистунками. Некоторые из них не имели отверстий.

КОЛЧАНЫ

В ходе полевых работ неоднократно фиксировались находки берестяных колчанов или их деталей в средневековых памятниках Забайкалья. В ряде случаев исследователи полагают наличие кожаного колчана. К сожалению, по имеющимся описаниям о форме колчанов можно судить весьма предположительно. Судя по тому, что наконечники стрел в колчанах обращены остриями вверх, а сами футляры имели вид «берестяных труб», расширяющихся книзу, в Западном Забайкалье были распространены колчаны открытого типа, с цилиндрическим приемником и карманом. В числе принадлежностей колчанов известны костяные пластины с бронзовыми накладками и железными крючьями.

Тип 1. С карманом. Включает 3 экз. из памятников: Баянгол, м. 1; Тапхар VI, м. 19; Узкое Место, м. 1 в Забайкалье⁵¹. Размеры не установлены. От горловины одного из экземпляров сохранилась плоская костяная накладка прямоугольной формы, изогнутая дугой в соответствии с формой горловины. Вдоль длинной оси пластины расположено 5 пар отверстий, горизонтально или вертикально. Часть из них служила для крепления к берестяной основе горловины. Некоторые, видимо, расположенные по вертикальной оси могли использоваться для крепления бронзовых накладок (рис. 18, 7—9).

В могиле из Узкого Места сохранился железный колчаный крюк с плоской прямоугольной петлей и отверстием для продевания ремешка (рис. 18, 6).

Колчаны носились подвешенными к поясу с помощью ремешков, петлей и крюка.

Предметы вооружения ближнего боя в памятниках средневековых кочевников Западного Забайкалья встречаются очень редко. О многих из них можно составить только самое общее представление, ориентируясь на описание.

МЕЧИ

Находка меча в средневековом погребении из Западного Забайкалья зафиксирована в могильнике Баянгол, м. 1, где он лежал в виде «крупных кусков железа», протяженностью до 1 м от копена до костей правой руки⁵². Помимо железных обломков сохранились остатки деревянной обкладки ножен, «приставшие к концу клинка»⁵³. Это все, что известно о рубяще-колющем оружии местных кочевников в конце I тыс. н. э. Естественно, что сколько-нибудь определенно судить о его роли в военном деле местных племен невозможно, исключая констатацию, что такой вид оружия применялся в рассматриваемый период.

КИНЖАЛЫ

Находки кинжалов в средневековых памятниках Западного Забайкалья немногочисленны. По сечению пера они относятся к одной группе — трехгранных, включающей один тип.

Тип 1. Без перекрестья. Включает 3 экз. из памятников: Баянгол, м. 1; Бухусан, м. 1,19 в Забайкалье⁵⁴. Длина клинка — 12 см, ширина — 2, высота рукояти — 3,5 см. Однолезвийные прямые клинки без перекрестья, с прямым черешком. На одном из них сохранились остатки роговой обкладки рукояти (рис. 19, 3, 4).

Аналогичные однолезвийные прямые клинки использовались универсально для боевых и хозяйственных нужд.

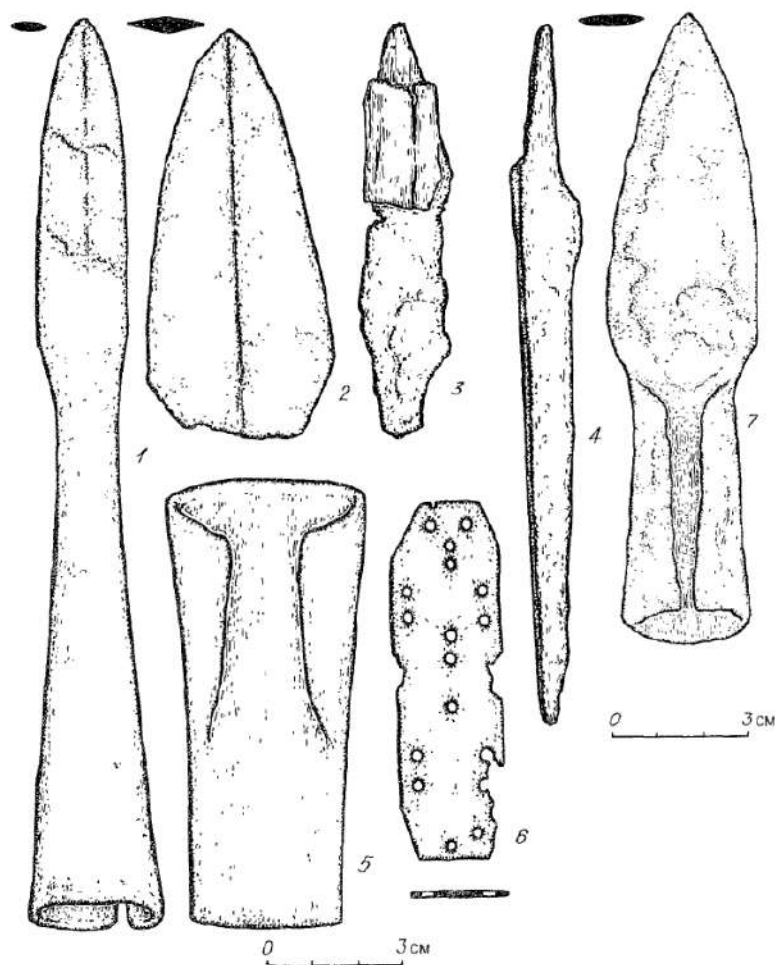

Рис. 19. Оружие ближнего боя и защиты байырку.
1, 2 — копья, 3, 4 — кинжалы; 5 — щит; 6 — панцирная пластина.

КОПЬЯ

Находки наконечников копий в средневековых материалах конца I тыс. н. э. из Западного Забайкалья немногочисленны. По сечению пера они делятся на две группы.

Г р у п п а I. Ромбические наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Тунка в Забайкалье⁵⁵. Длина пера — 9 см, ширина — 4 см. Втулка обломана. Наконечник с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 19, 2).

Г р у п п а II. Линзовидные наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-шестиугольные. Включает 1 экз. из памятника Тунка в Забайкалье⁵⁶. Длина пера — 8 см, ширина — 2, высота втулки — 11 см. Наконечник копья с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 19, 1).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Енхор в Забайкалье⁵⁷. Длина пера — 7 см, ширина — 3, длина втулки — 5 см. Наконечник с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 19, 7).

Сравнительная редкость находок наконечников копий в средневековых материалах Западного Забайкалья не позволяет судить о их роли в вооружении местных кочевников с достаточной определенностью. Вероятнее всего, копья с остроугольным узким или широким пером использовались универсально для поражения незащищенного панцирем противника и пробивания брони. В литературе есть упоминание «о костяных наконечниках копий»⁵⁸.

ТЕСЛА

Тесла обнаружены в средневековых памятниках Западного Забайкалья в единичных случаях. По конфигурации втулки они могут быть выделены в одну группу.

Г р у п п а I. С несомкнутой втулкой и плоским лезвием. Представлена одним типом.

Тип 1. С лезвием, равновеликим втулке. Включает 1 экз. из памятника Бухусан, м. 24 в Забайкалье⁵⁹. Длина лезвия — 4 см, ширина — 3,5, высота втулки — 6 см. Тесло с узким лезвием и конусовидно расширяющейся несомкнутой втулкой (рис. 19, 5).

Тесла, надо полагать, применялись универсально для боевых и хозяйственных нужд. Детали защитного вооружения в средневековых памятниках Западного Забайкалья фиксировались неоднократно. К сожалению, эти материалы остаются неизданными и труднодоступными. Поэтому судить о наличии металлического защитного покрытия у забайкальских воинов можно лишь на основании случайных находок, кратких упоминаний в специальной литературе и наскальных изображений.

ПАНЦИРИ

Находки панцирных пластин в средневековых памятниках Западного Забайкалья довольно редки. По форме пластин и способу крепления они могут быть отнесены к одному типу.

Тип I. Чешуйчатые. Включает 1 экз. из Забайкалья⁶⁰. Пластина прямоугольной формы со срезанными углами, 8 x 2,5 см. По сторонам по две пары округлых отверстий, по одной паре на концах пластины. Две пары и единичное отверстие расположены на продольной оси пластины (рис. 19, б).

Находки панцирных пластин неоднократно упоминаются в литературе, в частности в сообщениях об итоге работ Бурят-Монгольской экспедиции ИИМК на территории Западного Забайкалья. При раскопках херексуров встречались железные «пластинки от составных лат восточноазиатского типа»⁶¹. В другой работе говорится, что это «железная прямоугольная пластина, по-видимому от лат»⁶². Есть сведения и об условиях находки: «Раскопки одного каменного кургана показали, что он был целиком разграблен в древности, между камнями, однако, уцелела одна железная пластинка от лат «обычного азиатского типа»⁶³. Вероятнее всего, во всех сообщениях речь об одной и той же находке, обнаруженной в насыпи херексура. Относится ли она к разрушенному впускному погребению либо попала в насыпь по какой-либо другой причине, сейчас сказать трудно. К сожалению, в цитированных выше сообщениях не назван памятник, откуда происходит находка. Нет данных о раскопках херексуров в 1947 г. в сводке этих памятников на территории Бурятии. С известной долей вероятности можно предполагать, что под прямоугольными латными пластинами восточноазиатского или «обычного азиатского типа» имеются в виду детали чешуйчатого панциря, аналогичные описанной выше.

О форме панциря по единичным находкам судить трудно. Не могут помочь в этом отношении и наскальные рисунки и литые изображения воинов, так как детали доспеха на них неразличимы.

КОЛЬЧУГА

Остатки кольчуги в виде «кусочков окисленного железа» предположительно сохранились в могиле I Баянгольского могильника⁶⁴. Никаких данных относительно форм колец, размеров, способов крепления автор раскопок не приводит. Нет возможности судить и о форме доспеха.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

Находки предметов вооружения в сочетании с изображениями воинов позволяют в общих чертах описать комплекс средств дистанционного, ближнего боя и защиты, которыми располагали средневековые кочевники Западного Забайкалья.

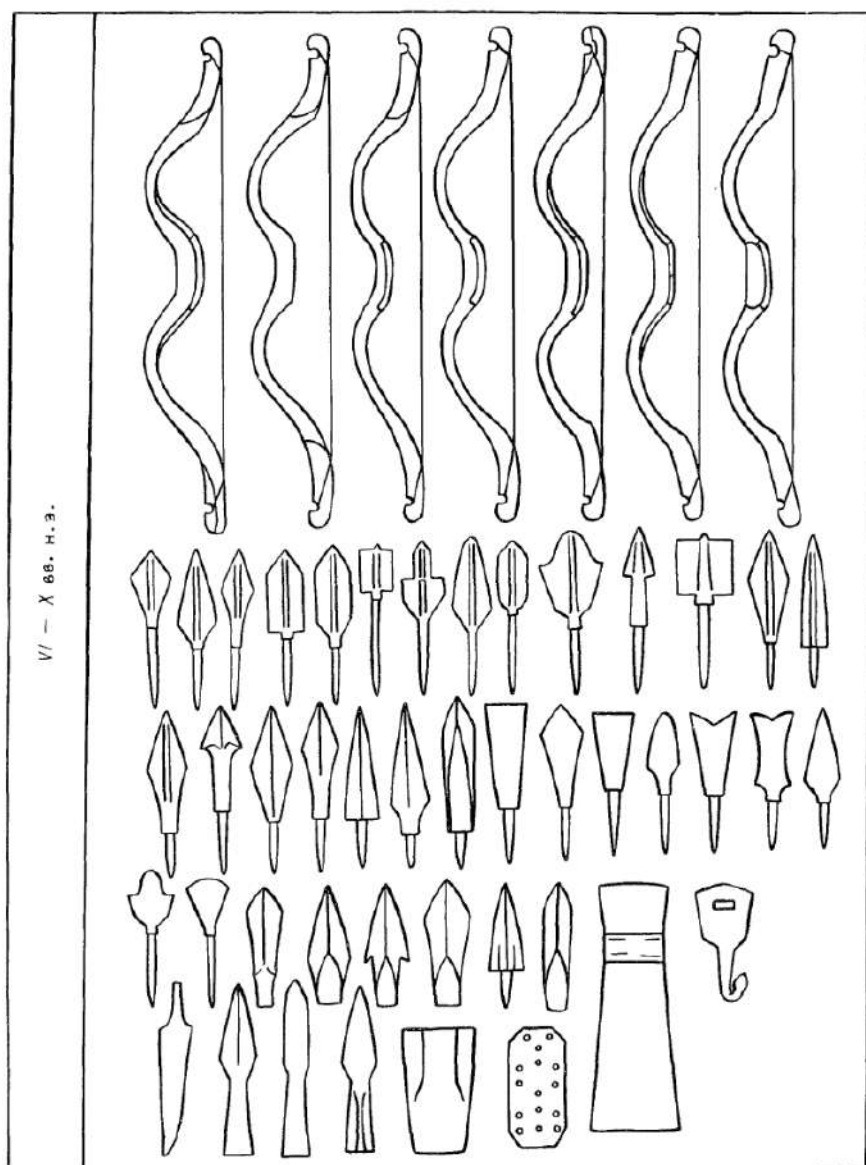
Все имеющиеся данные объединены в сводную таблицу (рис. 20). Наибольшее типологическое разнообразие в составе комплекса отличает средства ведения дистанционного боя. Обилие

Вид	Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
Луки	I	1 - 7	—	9	Забайкалье	VI-X
Стрелы	I	1 - 10	5 × 3	55	Забайкалье	VI-X
	II	1 - 2	4 × 2,5	2	Забайкалье	IX-X
	III	1 - 3	5 × 1	18	Забайкалье	IX-X
	IV	1	3 × 1	1	Забайкалье	IX-X
	V	1 - 4	4,5 × 1	5	Забайкалье	IX-X
	VI	1	6 × 1	1	Забайкалье	IX-X
	VII	1	5 × 1	4	Забайкалье	IX-X
	VIII	1 - 8	5 × 2,5	43	Забайкалье	VI-X
	I	1	3,5 × 1,5	1	Забайкалье	VI-X
	I	1 - 3	4 × 1,5	4	Забайкалье	VI-X
	II	1 - 2	4 × 1	5	Забайкалье	VI-VIII
Колчаны	I	1	—	3	Забайкалье	VI-X
Кинжалы	I	1	12 × 2	3	Забайкалье	VI-X
Копья	I	1	9 × 4	1	Забайкалье	IX-X
	II	1 - 2	8 × 2	2	Забайкалье	IX-X
Тесла	I	1	4 × 3,5	1	Забайкалье	VI-X
Панцири	I	1	—	1	Забайкалье	IX-X

Рис. 20. Сводная таблица оружия байырку.

форм лука свидетельствует об усиленной технологической разработке данного вида оружия в эпоху раннего средневековья на территории Западного Забайкалья. Восприняв обычные формы сложносоставного лука позднехуннского времени, местные кочевники создали оригинальные конструкции кибити с фронтальными срединными, плечевыми и концевыми накладками. Уже в конце I тыс. н. э. ими были освоены луки с фронтальными срединными накладками, прототип будущего монгольского лука.

Для стрельбы по легковооруженной цели забайкальские воины обладали широким спектром возможностей, которые особенно расширились в последние века I тыс. н. э., когда стали применяться разнообразные виды трехлопастных, двухлопастных, четырехлопастных и плоских наконечников. Использовались для такой цели и

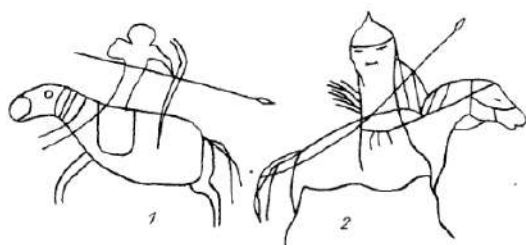
VI — X вв. н.э.

Рис. 21. Типолого-хронологическая матрица оружия байырку.

костяные стрелы. Перечисленные виды оружия характеризуют забайкальских воинов в первую очередь как легковооруженных всадников-стрелков. Отчасти это подтверждают и изобразительные материалы (рис. 21).

В то же время забайкальские всадники обладали набором средств для борьбы с тяжеловооруженным противником. В дистан-

Рис. 22. Изображения воинов байырку.

ционном бою этой цели служили бронебойные стрелы различного сечения: трехгранно-трехлопастные, четырехгранные, шестигранные, прямоугольные.

В ближнем бою использовались ударные копья, мечи или палаши, тесла. Для защиты от ударов противника служили панцири и кольчуги. На одном из рисунков можно предполагать схематическое изображение конского доспеха (рис. 22, 1).

В целом комплекс вооружения забайкальских кочевников относится к набору легких конных стрелков. Однако в его составе имеются виды оружия, принадлежавшие панцирным кавалеристам.

Надо полагать, что войско забайкальских кочевников представляло собой массу легковооруженной конницы. Лишь немногочисленные дружины военных вождей состояли из хорошо вооруженных и оснащенных средствами защиты воинов-профессионалов (рис. 23).

Данный комплекс не был единым во времени и в пространственном отношении. Однако развести его элементы по конкретным этапам эволюции к отдельным родоплеменным единицам в настоящий момент не представляется возможным.

СТРУКТУРА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Для анализа структуры военной организации кочевого населения Западного Забайкалья в эпоху раннего средневековья необходимо определить его этническую принадлежность.

Имеющиеся в литературе утверждения об отнесении отдельных групп памятников к тюркам, «селенгинским уйгурам», курыканам или родственным им племенам, «тюркоязычным племенам», «ранним монголам»⁶⁵ не могут быть приняты ввиду своей неопределенности или недостаточной обоснованности. На наш взгляд, кочевое население Западного Забайкалья, по крайней мере его степных районов, можно отнести к известным во второй половине I тыс. н. э. телесским племенам байырку (байегу), обитавшим по р. Канганьхэ (Селенге)⁶⁶. Позднее, в первой половине II тыс. н. э., они известны под названием Баргуты, населявшие берега р. Селенги в местности Баргуджин-токум⁶⁷. Баргуты упомянуты совместно с племенами кори (курыканы) и тулас (туматы)⁶⁸. В другом случае баргутами названы племена, родственные курлаутам, кунгиратам и

Рис. 23. Реконструкция тяжеловооруженного воина байырку.

эджигинам, имеющим общую тамгу и сохраняющим фратриальные отношения⁶⁹. В правлении юаньского императора Хубилая послы кури, бурку и киргизов преподносили ему в знак покорности «белоногого красноклювого кречета и белого орла»⁷⁰. Легендарные «баргуты» — жители долины р. Баргузин «известны в бурятских преданиях»⁷¹.

Отождествление средневековых насельников долины р. Селенги с байырку-баргутами хотя и не решает всех вопросов этнокультурного развития на данной территории в эпоху средневековья, все же позволяет наметить основные события военной истории и обобщить сведения по военной организации этих племен.

По данным китайских летописей байыгу, являвшиеся особым поколением тйелэ, имели «отборного войска 10 000, жителей 60 000 человек, все богатые»⁷². Помимо самих байырку в их землях «имеются живущие

(там) туземцы (гожень)», которые занимаются охотой на оленей⁷³. Хотя определенных сведений о принципах формирования войска нет, можно предполагать, что у байырку была принята десятичная система деления войска, а племя в целом могло выставить один тумен войска. Байырку делились на девять родов и управлялись, как и другие телесские племена, «правителями и старшинами»⁷⁴ (эльтеберами). В перечне телесских племен байырку упомянуты к северу... «от р. Ло имеются пугу, тунло, тейхэ, байыгу, фуло. Все носят фамилию Сыцзинь, Мэньжэнь, Дужу, Хэци, Цзйехунь, Хусйе и др. Отборного войска до 20 000»⁷⁵. В данном контексте о «фамилиях», возможно, идет речь о татулатуре военных вождей. Например, «сыцзинь» — тегин, «дужу» — тутук и т. д.

В целом военная система байырку должна была быть близка тюркскому и уйгурскому в ее низовых звеньях. В разное время байырку находились в зависимости от тюрок, сейяньто, уйгуров. Их военные отряды входили в состав войск центральноазиатских каганов. Во всех известных военных и дипломатических акциях байырку, как правило, действовали совместно с другими телесскими племенами.

Данные по военному искусству племен байырку очень фрагментарны. Частично они дополняются сведениями о телесских племенах в целом, данными о вооружении и структуре военной организации.

О телесских племенах, включая байырку, китайские источники сообщают как о искусных стрелках из лука в конном строю, т. е. легковооруженных всадниках-лучниках. Эти племена управляются старшинами, находятся в зависимости от тюрок I каганата. Кочевники отличаются жестокостью, алчностью, воюют ради грабежа⁷⁶.

Байырку вместе с другими телесскими племенами были подчинены тюркам I каганата в начале VII в. В конце 20-х гг. VII в. телесские племена во главе с Сейяньто восстали и тюркский каганат пал. Байырку оказались в подчинении у Сейяньто⁷⁷. После разгрома Сейяньтского каганата восставшими племенами в 646 г. н. э. вожди восставших, не сумев поделить власть над степью, признали верховным сюзереном танского императора. В 647 г. ко двору империи... «прибыли эльтебир уйгуров Тумиду, эльтебир племен Пугу Гэлянь Баянь, эркин племени доланьгэ Мо, эльтебир племени баегу Цзюэлиши, эльтебир племени сыцзе Усуй, а также вожди племен хунь, хусе, сицзе, аде, цибь и бай си (белые си)»⁷⁸. В результате их земли были номинально включены в состав империи Тан, поделены на округа, а вожди племен получили чиновничьи звания: «Было создано шесть дудуфу: Ханьхай — для управления уйгурами, Яньчжань — долганьге, Цзиньвэй — пугу, Юлин — баегу, Гуйлинь — тунло и Лушань — сыцзе. Одновременно создано семь округов (чжоу) для остальных семи телесских племен: Гаолань (точнее Дунгаолань — Восточный Гаолань) для расселения племени хунь, Гаоцюэ — хусе (хуса). Цзитянь — аде, Юйси — цибь, Цзилусицзе, Дайлинь — сыцзе и Чжиянь — байси»⁷⁹.

Это управление было чисто номинальным, а телесские племена сохранили прежнюю структуру власти. Такие сведения имеются в отношении уйгуров. «Племя хуэйхэ (уйгуры) стало дудуфу Ханьхай, его эльтебер Тумиду назначен великим генералом хуайхуа и одновременно ханьхайским дуду. Тумиду уже назвал себя каганом, учредил должности все, как у тюрок»⁸⁰. Попытки непосредственного вмешательства в дела телесских племен вызывали их восстания, в которых принимали участие байырку. В 660—661 гг. танский полководец Чжэн Жэньтай трижды сражался с племенами сыцзе, баегу, пугу и тунло и каждый раз одерживал победу. Преследовал их на расстоянии 100 ли, обезглавливал их вождей и возвращался назад⁸¹. В 662 г. его армия вторглась в долину р. Селенги, но нигде не встретила противника, однако понесла огромные потери от голода и мороза⁸². В результате этих военных действий танское правительство было вынуждено отказаться от претензий на реальную власть в степи в пользу уйгурского вождя Бисуду, получившего титул «наместника»⁸³.

В 697 г. началось восстание восточных тюрок, завершившееся победой и воссозданием II Восточнотюркского каганата. Байырку по-видимому, были подчинены кок-тюрьками⁸⁴. Во всяком случае они не значатся в числе племен, подвластных империи Тан, из которых в 713 г. было образовано шесть новых округов⁸⁵. Однако в удобный момент байырку восстали. В 716 г. ими был убит Капаган каган. Голова его была преподнесена в качестве почетного трофея танскому двору. «Затем пришли и подчинились пять племен — хуэйху (уйгуры), тунло, си (байси — белые си), баегу и пугу»⁸⁶. Война с тюрками продолжалась. На помощь племенам баегу, тунло, хуэйху и пугу было выделено 30 000 танских войск⁸⁷. Байырку вместе с другими телесскими племенами пришлось временно укрываться под защиту имперских войск. После разгрома тюрок и создания Уйгурского каганата байырку вошли в состав нового государства на правах союзников уйгуров. Они упоминаются в числе телесских племен в составе каганата: «уйгуров, буку (букут), хунь (кунь), байырку, тонра, сегир (секир), киби»⁸⁸. Войско «народа байырку» упомянуто вместе с отрядами токуз-татар, азов, тонгра, уч-карлуков в качестве союзников уйгурского кагана Моюн-Чура втерхинской надписи⁸⁹. О дальнейшей судьбе байырку в составе каганата данных нет. По-видимому, они сохраняли лояльность вплоть до падения государства под натиском кыргызов. Нет сведений об участии байырку в междоусобной борьбе за каганский престол между родом яглакар и эдизами в конце VIII — начале IX в. Длительный союз с уйгурами повлиял и на облик материальной культуры забайкальских племен⁹⁰.

Военное искусство байырку при наличии многих черт, присущих всем телесским племенам, включая уйгуров, обладает и некоторыми своеобразными чертами. Для байырку была характерна тактика рассыпного строя, основанная на подвижности конной массы и прицельной стрельбе из лука. В то же время наличие средств ведения ближнего боя свидетельствует о возможности байырку атаковать лавой, применяя копье, меч, тесло.

Относительная малочисленность военных сил племени в сравнении с мощными армиями тюрок и империи Тан обусловили повышенную роль в их тактике притворного бегства, маневрирования в ходе отступления, устраивание засад. Так, искусным маневрированием байырку и другие телесские племена заманили танское войско в 662 г. в долину Селенги, обрекли его на гибель, не давая решительного сражения. Благодаря нападению из засады был уничтожен отряд и погиб в 716 г. могущественный каган кок-тюрок Капаган. Байырку, как и другие племена, могли укрывать часть населения и скота в крепостях-убежищах, в труднодоступных таежных местах.

Основу их стратегии составляла активная оборона и блокирование военных сил с родственными племенами. В случае опасности байырку не гнушались признать власть более сильного государства, но отстаивали самостоятельность в своих внутренних делах.

О судьбе байырку после падения Уйгурского каганата нет определенных данных. В сообщениях о переселении пятнадцати телес-

ских племен во главе с Пантегином в Турфан байырку не упоминаются⁹¹. Нет сведений и об их подчинении кыргызам⁹² и киданям. По всей вероятности, племена байырку продолжали населять отдельные районы Забайкалья вплоть до монгольского времени, когда они стали известны под именем баргутов.

Глава третья

ВОЕННОЕ ДЕЛО ШИВЭЙ

Вопросы изучения военного дела восточнозабайкальских кочевников в результате появления значительного по объему материала из раскопок последних десятилетий обрели большую актуальность. В настоящий момент накоплен и введен в научный оборот представительный комплекс предметов вооружения из раскопок погребений средневековых кочевников¹. Большую сложность представляет расклассифицирование этих данных, которые пока датируются суммарно в пределах середины — второй половины I тыс. н. э.² Нет единства среди исследователей относительно этнокультурной принадлежности памятников рассматриваемого времени. Ряд исследователей рассматривает их как принадлежащие единому комплексу — «бурхотуйской культуре», включающий четыре локальных варианта³. Другие оспаривают это мнение⁴. Ведется дискуссия относительно принадлежности носителей данной культуры, которых считают тюркоязычными⁵ либо монголоязычными племенами — шивэй⁶. Это затрудняет привлечение данных письменных источников.

Ряд вопросов изучения вооружения кочевников Восточного Забайкалья уже рассматривался в научной литературе. Предпринят опыт описания и классификации лука и стрел⁷. Находки предметов вооружения хранятся в фондах музеев, научных институтов, лабораторий вузов Новосибирска, Улан-Удэ, Читы, Нерчинска. Значительная часть их опубликована. Для анализа привлечены материалы из коллекций и публикаций.

Комплекс вооружения забайкальских кочевников эпохи средневековья включал средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты.

Предметы вооружения дистанционного боя из восточнозабайкальских памятников представлены деталями луков, стрел, колчанов.

ЛУКИ

По своим конструктивным особенностям восточнозабайкальские луки относятся к одной группе — сложносоставных. По количеству и месту расположения накладок они могут быть отнесены к четырем типам.

Тип 1. С концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками. Включает 4 экз. из Дарасун, п. 4; Оловянная III, п. 1; Сырая Сосновая, п. 32; Чиндант I, п. 24 из памятников Восточного

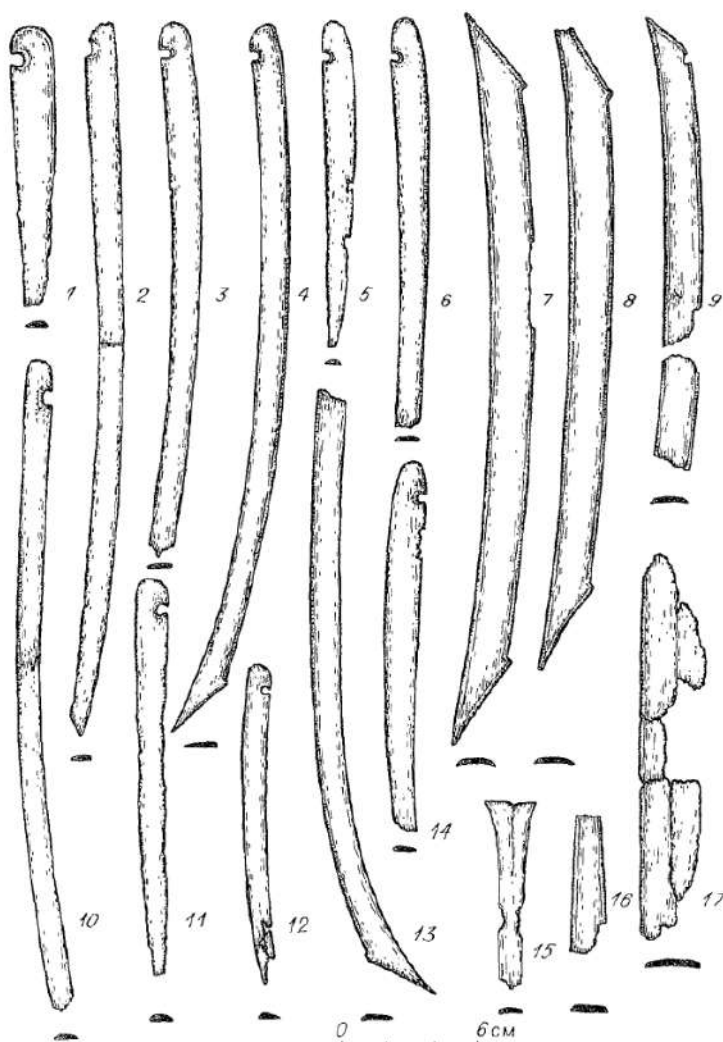

Рис. 24. Накладки луков шивэй.

1, 2, 10, 11, 17 — тип 2; 3—8, 12—14, 16 — тип 1; 9 — тип 3; 15 — тип 4.

Забайкалья⁸. Длина кибити 150—160 см. Концевые накладки длинные, узкие, с арочным вырезом для крепления тетивы, с изогнутым, косо срезанным концом, образующим выступ с внутренней стороны при переходе кибити в плечи. Срединные накладки длинные, широкие, с заостренными концами и небольшими выступами со стороны спинки. Фронтальные накладки узкие, с расширением на концах. Все накладки по внутренней стороне покрыты сетчатой нарезкой⁹ (рис. 24, 3—8, 12—14, 16).

Тип 2. С концевыми и срединными боковыми накладками. Включает 1 экз. из памятника Оловянная II, п. 1 в Восточном За-

байкалье. Длина кибити не установлена. Концевые накладки длинные, узкие, с изогнутым концом и арочным вырезом для тетивы. Срединные накладки длинные, широкие, массивные (рис. 24, 1, 2, 10, 11, 17).

Тип 3. Со срединными боковыми накладками. Включает 2 экз. из памятников: Дворцы I, п. 7 и Сухая Падь в Восточном Забайкалье¹⁰. Длина кибити не установлена. Срединные боковые накладки широкие, массивные, со скругленными концами (рис. 24, 9).

Тип 4. С фронтальной накладкой. Включает 1 экз. из памятника Тура в Восточном Забайкалье¹¹. Длина кибити не установлена. Фронтальная накладка длинная, узкая, с расширением на концах (рис. 24, 15).

Средневековые луки стали предметом специального изучения в работе Е. В. Ковычева¹². Автор отнес все известные находки к одному типу с семью накладками, тремя срединными и четырьмя концевыми, безотносительно тому, сколько конкретных находок сделано в каждом отдельном погребении с остатками лука¹³. Так, например, из 12 погребений с костяными накладками лука фронтальные накладки, по его данным, обнаружены только в трех¹⁴. Он отмечает генетическую близость рассматриваемых луков хуннским, относящимся к такому же типу, и типологическое сходство с луками из катакомбных могил Тувы¹⁵. Рассмотрен вопрос и о дальнейшей эволюции лука в данном районе. Безусловно, соображения автора имели бы значительно большую ценность, если бы он рассуждал о конструкции лука, оперируя находками конкретных форм накладок из определенных местонахождений, как это общепринято в научной литературе.

По нашему мнению, в исследуемой серии можно выделить, по крайней мере, 4 типа, исходя из приводимых в описании данных¹⁶. Такое разнообразие в известной мере коррелируется с синхронными материалами из Южной Сибири. Первые два типа с концевыми и срединными накладками большой длины близки южносибирским, в частности алтайским и верхнеобским, датируемым серединой I тыс. н. э. Луки с одной парой срединных боковых накладок характерны для времени существования Тюркских каганатов и позднее, вплоть до конца I тыс. н. э. Луки с одной фронтальной накладкой появляются в самом конце этого периода и в целом характерны уже для II тыс. н. э. Впрочем, для Восточного Забайкалья эта схема не может быть окончательно принятой до тех пор, пока не будут пересмотрены в хронологическом аспекте все средневековые комплексы, что позволит выделить обоснованные этапы развития местных культур.

Восточнозабайкальские луки с концевыми и срединными накладками, как уже было отмечено Е. В. Ковычевым, конструктивно близки хуннским и, вполне вероятно, непосредственно к ним восходят.

Видимо, в последующий период в ходе контактов и военных столкновений с тюрками местные племена заимствовали более эффективные тюркские луки с одной парой срединных накладок. А позднее, в конце I тыс. н. э., раньше многих других кочевых

племен перешли на использование лука с фронтальными накладками, для которых характерно использование костяной детали с целью повышения рефлексировующих свойств кибити.

В сведениях письменных источников о племенах шивэй, обитавших севернее оз. Далай-нор, имеются данные об употреблении лука и стрел: «Употребляют роговые луки, стрелы к которым очень длинные»¹⁷ или «Из оружия имеются роговые луки и стрелы из дерева ху. Они особенно искусны в стрельбе из лука...»¹⁸. Те же сведения приводятся у других авторов: «Из оружия имеют роговой лук, стрелы из дерева "ку". Отлично умеют стрелять из лука»¹⁹, то же самое в другом месте — «Из оружия имеют роговой лук и стрелы из дерева "ку". Мужчины отлично умеют стрелять»²⁰. Этот настойчивый рефрен о ведущей роли ручного метательного оружия в военном деле шивэйцев в свидетельствах современников должен отражать реальное положение вещей. Важно замечание о «роговых» т. е. сложносоставных, луках и большой длине древков стрел из дерева «ху» (березы), соответствующей большой величине луков первого и второго типов из нашей классификации, равнявшейся, судя по наблюдениям Е. В. Ковычева, 150—160 см²¹.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Наконечники стрел — самый распространенный вид находок предметов вооружения в средневековых материалах Восточного Забайкалья. По материалу изготовления они распадаются на два класса — железные и костяные. Железные стрелы относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера среди них выделяется пять групп.

Г р у п п а I. Трехлопастные наконечники. Представлена семью типами.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 8 экз. из памятников: Александровка, Дарасун, п. 4; Ломы, п. 1 в Забайкалье²². Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 5 см. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками и упором (рис. 25, 14, 15).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятника Улан-Сар в Забайкалье²³. Длина пера — 3 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 25, 2, 6).

Тип 3. Удлиненно-пятиугольные. Включает 2 экз. из памятника Александровка в Забайкалье²⁴. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами и прямыми плечиками (рис. 25, 12, 17).

Тип 4. Удлиненно-шестиугольные. Включает 6 экз. из памятников: Будулан, п. 3; Онохтыча, п. 3; Кункур; Улан-Сар в Забайкалье²⁵. Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами и покатыми плечиками (рис. 25, 9, 10).

Тип 5. Ярусные. Включает 2 экз. из памятника Улан-Сар в Забайкалье²⁶. Длина пера — 6 см, ширина — 3, длина черешка —

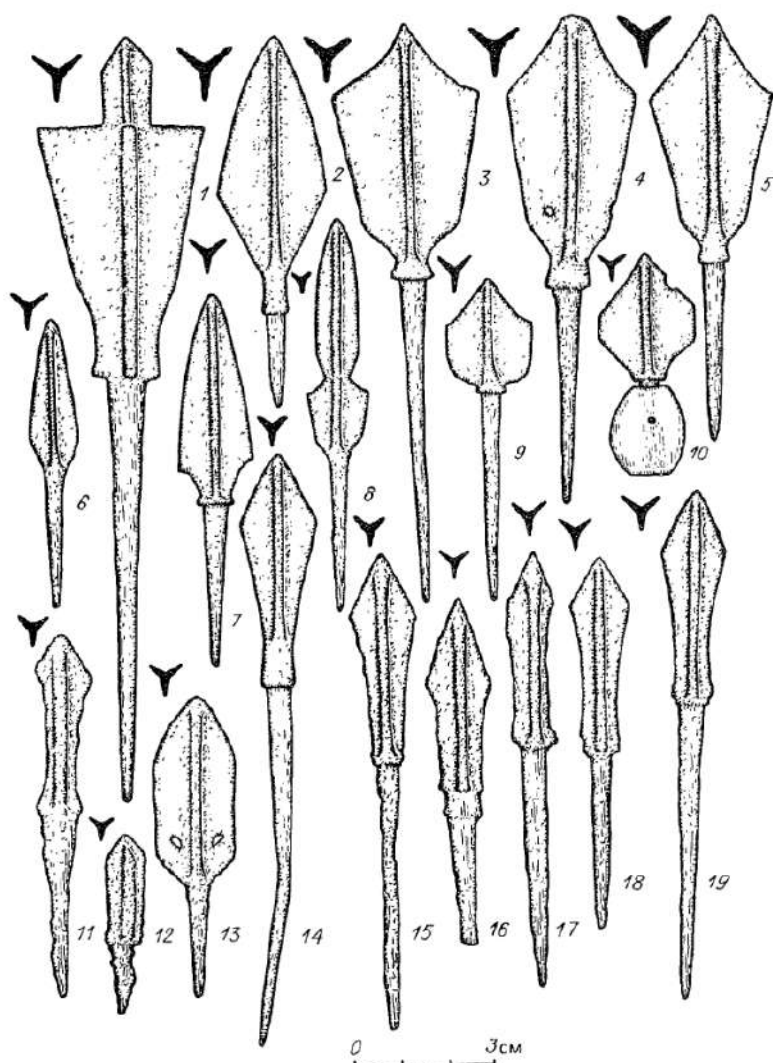

Рис. 25. Железные наконечники стрел шивэй.

Группа 1: 1, 8 — тип 5; 2, 6 — тип 2; 3—5 — тип 6; 7 — тип 8; 9, 10, 13 — тип 4; 11 — тип 7; 12, 17 — тип 3; 14—16, 18, 19 — тип 1.

6 см. Наконечники с остроугольным острием, обособленным бойком, выступающими крыльями, покатыми плечиками (рис. 25, 1, 8).

Тип 6. Пентаграммные. Включает 3 экз. из памятника Онохтыча, п. 5 в Забайкалье²⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 7 см. Наконечники с остроугольным острием, пологими сторонами и покатыми плечиками (рис. 25, 3—5).

Тип 7. Боеголовковые. Включает 1 экз. из Забайкалья²⁸. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с

остроугольным острием, прямыми плечиками и удлинённой шейкой (рис. 25, 11).

Тип 8. Удлинённо-треугольные. Включает 2 экз. из памятника Сухая Падь в Забайкалье²⁹. Длина пера — 6,5 см, ширина — 3, длина черешка — 1 см. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 25, 7).

Г р у п п а II. Двухлопастные наконечники. Представлена четырьмя типами.

Тип 1. Удлинённо-пятиугольные. Включает 3 экз. из памятников: Улан-Сар; Тополевка, п. 2; Ононск, п. 5 в Забайкалье³⁰. Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками (рис. 26, 1—3).

Тип 2. Удлинённо-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Толоча I, п. 2 в Забайкалье³¹. Длина пера — 5 см, ширина — 3, длина черешка — 4 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 26, 4).

Тип 3. Удлинённо-шестиугольные. Включает 1 экз. из Забайкалья³². Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 4 см. Наконечник с остроугольным пером, параллельными сторонами, покатыми плечиками (рис. 26, 6).

Тип 4. Овально-крылатые. Включает 2 экз. из памятника Кункур в Забайкалье³³. Длина пера — 5 см, ширина — 2,5, длина черешка — 3 см. Наконечники с округлым острием, выступающими крыльями и прямыми плечиками (рис. 26, 5).

Г р у п п а III. Плоские наконечники. Представлена девятью типами.

Тип 1. Удлинённо-треугольные. Включает 10 экз. из памятников: Кунга, п. 17; Средняя Борзя, п. 1; Бурхотуй; Улан-Сар в Забайкалье³⁴. Длина пера — 4 см, ширина — 3, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, широким пером и прямыми плечиками (рис. 26, 7—11).

Тип 2. Удлинённо-пятиугольные. Включает 8 экз. из памятников: Улан-Сар; Онохтыча, п. 2 в Забайкалье³⁵. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками (рис. 26, 12).

Тип 3. Удлинённо-шестиугольные. Включает 9 экз. из памятников: Улан-Сар; Кунга, п. 2; Голый Мыс, п. 53; Бурхотуй в Забайкалье³⁶. Длина пера — 4 см, ширина — 3, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками (рис. 26, 16, 18).

Тип 4. Удлинённо-ромбические. Включает 2 экз. из Забайкалья³⁷. Длина пера — 4 см, ширина — 2,5, длина черешка — 3 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 26, 15).

Тип 5. Асимметрично-ромбические. Включает 6 экз. из памятников Будудан, п. 3; Дарасун, п. 4; Ононск II, п. 2 в Забайкалье³⁸. Длина пера — 4,5 см, ширина — 3,5, длина черешка — 2 см. На-

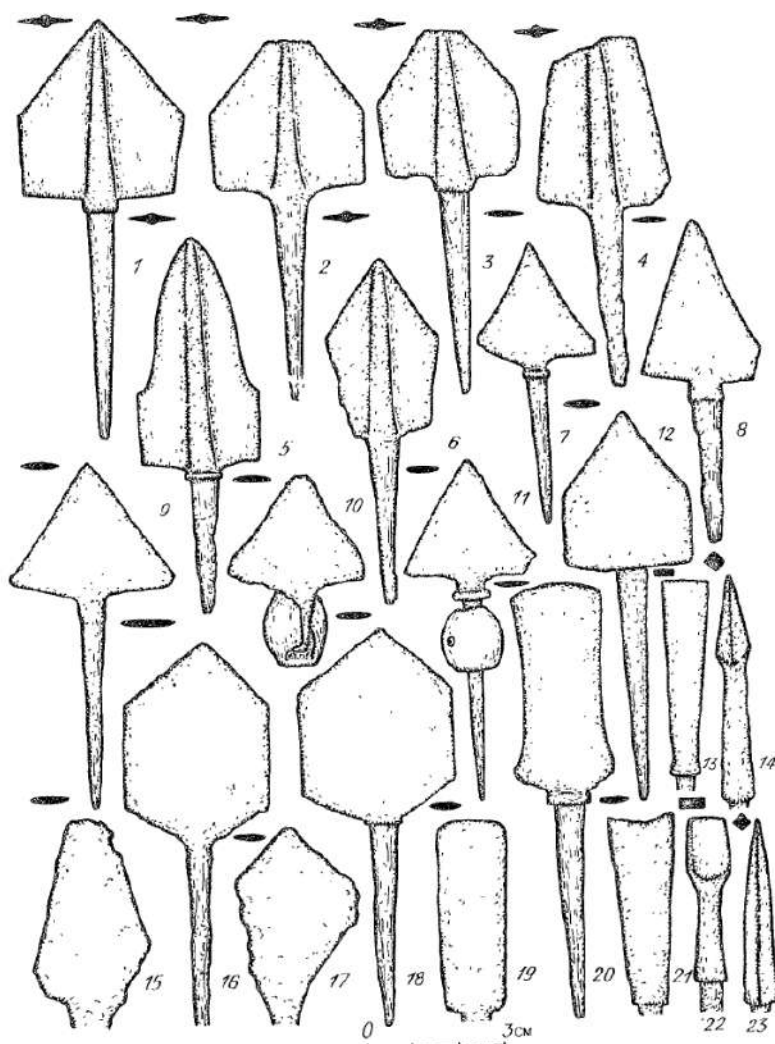

Рис. 26. Железные наконечники стрел шивэй.

1-3 - гр. II, тип 1; 4 - гр. II, тип 2; 5 - гр. V, тип 4; 6 - гр. II, тип 3; 7-11 - гр. III, тип 1; 12 - гр. III, тип 2; 13 - гр. IV, тип 1; 14 - гр. V, тип 2; 15 - гр. III, тип 4; 16, 18 - гр. III, тип 3; 17 - гр. III, тип 5; 19 - гр. III, тип 6; 20 - гр. III, тип 7; 21 - гр. III, тип 8; 22 - гр. IV, тип 2; 23 - гр. V, тип 1.

конечники с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 26, 17).

Тип 6. Томары. Включает 5 экз. из памятников: Александровка; Улан-Сар; Будулан, п. 3 (4) в Забайкалье³⁹. Длина пера — 6 см, ширина — 3, длина черешка — 3 см. Наконечники с тупым острием, параллельными или сужающимися к черешку сторонами, прямыми плечиками (рис. 26, 19).

Тип 7. Двояковогнутые томары. Включат 5 экз. из памятника Будулан, п. 3(4) в Забайкалье⁴⁰. Длина пера — 5,5 см, ширина —

2, длина черешка — 4 см. Наконечники с тупым острием, вогнутыми сторонами, прямыми плечиками (рис. 26, 20).

Тип 8. Вильчатые. Включает 5 экз. из памятников: Будулан, п. 3; Улан-Сар; Средняя Борзя, п. 1; Ононск II, п. 2 в Забайкалье⁴¹. Длина пера — 3 см, ширина 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с вогнутым острием, сужающимися сторонами, упором (рис. 26, 21).

Тип 9. Ярусные. Включает 1 экз. из памятника Дарасун, п. 4 в Забайкалье. Длина пера — 5 см, ширина — 4, длина черешка — 6 см. Наконечник с остроугольным острием, выступающими крыльями, пологими плечиками.

Г р у п п а IV. Прямоугольные. Представлена двумя типами.

Тип 1. Томары. Включает 25 экз. из памятников: Средняя Борзя, п. 1; Дворцы I, п. 7; Оловянная I, п. 1; Новоселиха, п. 4 в Забайкалье⁴². Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с тупым острием, сужающимися сторонами, упором (рис. 26, 13).

Тип 2. Боеголовковые томары. Включает 3 экз. из памятников: Онохтыча, п. 5; Чиндант I, п. 24 в Забайкалье⁴³. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечники с тупым острием, прямыми плечиками и удлиненной шейкой (рис. 26, 22).

Г р у п п а V. Четырехгранные, представлена двумя типами.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 20 экз. из памятников: Дарасун, п. 4; Оловянная III, п. 1; Чиндант I, п. 24; Средняя Борзя, п. 1; Дворцы в Забайкалье⁴⁴. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечники с остроугольным острием и упором (рис. 26, 23).

Тип 2. Боеголовковые. Включает 1 экз. из памятника Улан-Сар в Забайкалье⁴⁵. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненной шейкой, упором (рис. 26, 14).

Типологическое разнообразие железных наконечников наглядно демонстрирует сводная таблица (рис. 27).

Костяные наконечники стрел по способу насада распадаются на два отдела: втульчатые и черешковые. По сечению пера втульчатые наконечники делятся на две группы.

Г р у п п а I. Трехгранные. Представлена одним типом.

Тип 1. Шипастные с выступающей втулкой-свистункой. Включает 3 экз. из памятников: Ононск I, п. 5, 9; Оловянная I, п. 1 в Забайкалье⁴⁶. Длина пера — 3 см, ширина — 1, высота втулки — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, шипами, выступающей втулкой, образующей шарик-свистунку (рис. 28, 1—3).

Г р у п п а II. Четырехгранные. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные с выступающей втулкой-свистункой. Включает 1 экз. из памятника Онохтыча, п. 9 в Забайкалье⁴⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 1,5, высота втулки — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками, выступающей втулкой, образующей шарик-свистунку (рис. 28, 4).

Черешковые наконечники по сечению пера делятся на 4 группы.

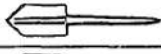

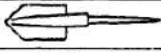
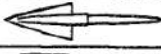
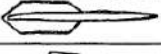

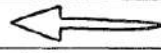
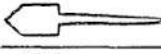

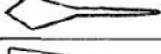

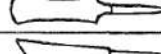

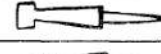

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	4×2×5	6	Забайкалье	VI - X
	2 	3×1,5×2	3	Забайкалье	VI - X
	3 	3×1×4	2	Забайкалье	VI - X
	4 	4×2×2	6	Забайкалье	VI - X
	5 	6×3×6	2	Забайкалье	VI-VIII
	6 	5×3×7	3	Забайкалье	IX - X
	7 	5×1×1	1	Забайкалье	VI - X
	8 	6,5×3×1	2	Забайкалье	VI - X
II 	1 	4×3,5×1	3	Забайкалье	IX - X
	2 	5×3×4	1	Забайкалье	IX - X
	3 	4×2×2	1	Забайкалье	IX - X
	4 	5×2,5×3	2	Забайкалье	IX - X
III 	1 	4×3×4	10	Забайкалье	VI - X
	2 	3,5×2×2	8	Забайкалье	VI - X
	3 	4×3×4	9	Забайкалье	VI - X
	4 	4×2,5×3	2	Забайкалье	VI - X
	5 	4,5×3,5×2	4	Забайкалье	VI - X
	6 	6×3×3	5	Забайкалье	IX - X
	7 	5,5×2×4	5	Забайкалье	IX - X
	8 	3×1×2	5	Забайкалье	VI - X
	9 	5×4×6	1	Забайкалье	VI - X
IV 	1 	3×1×2	25	Забайкалье	IX - X
	2 	4×1×3	3	Забайкалье	IX - X
V 	1 	4×1×2	20	Забайкалье	VI - X
	2 	5×1×3	1	Забайкалье	IX - X

Рис. 27. Сводная таблица железных наконечников стрел шивэй.

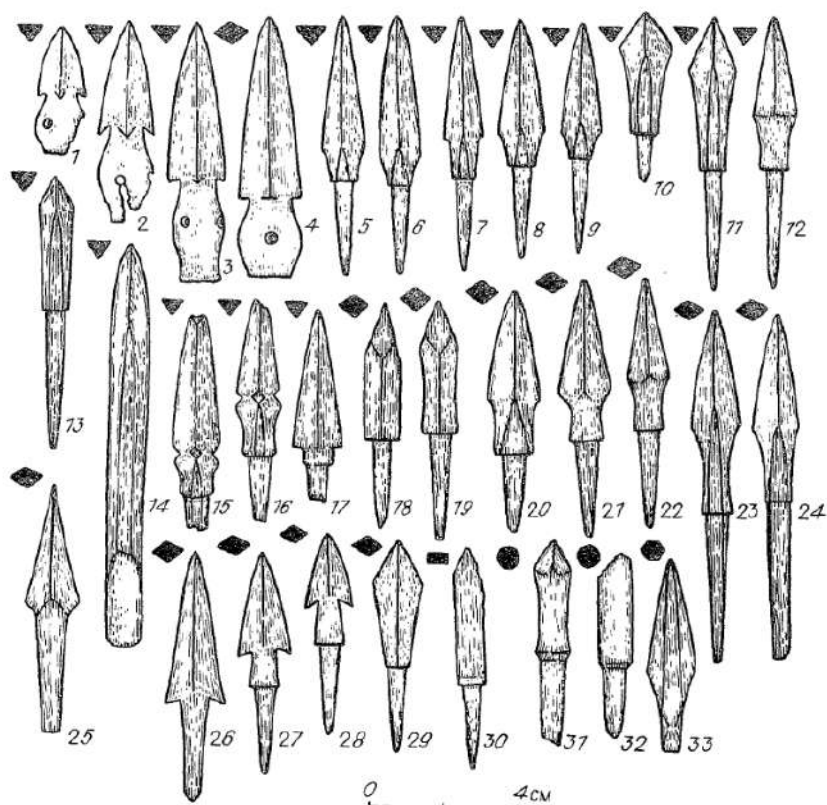

Рис. 28. Костяные наконечники стрел шивэй.

1-3 — отд. I, гр. I, тип 1; 4 — отд. I, гр. II, тип 1; 5, 6, 8, 9 — отд. II, гр. I, тип 1; 7, 12 — отд. II, гр. I, тип 3; 13, 14 — отд. II, гр. I, тип 4; 15, 16 — отд. II, гр. I, тип 5; 17 — отд. II, гр. I, тип 6; 18, 19 — отд. II, гр. II, тип 1; 20-24 — отд. II, гр. II, тип 2; 25 — отд. II, гр. II, тип 3; 26 — отд. II, гр. II, тип 4; 27, 28 — отд. II, гр. II, тип 5; 29 — отд. II, гр. II, тип 6; 30 — отд. II, гр. III, тип 1; 31, 32 — отд. II, гр. IV, тип 1; 33 — отд. II, гр. V, тип 1.

Г р у п п а I. Трехгранные. Представлена шестью типами.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 20 экз. из памятников: Дарасун, п. 4; Кунга, п. 17; Онохтыча, п. 5; Оловянная I, п. 1; Чиндант I, п. 24 в Забайкалье⁴⁸. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, выступающими шестигранным упором (рис. 28, 5, 6).

Тип 2. Асимметрично-ромбические. Включает 3 экз. из памятника Ононск I, п. 4, 5 в Забайкалье⁴⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, пологими плечиками, выступающими шестигранным упором (рис. 28, 10).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 7 экз. из памятников: Кунга, п. 2; Онохтыча, п. 2; Ононск I, п. 4; Ононск II, п. 4; Соцал; Тура в Забайкалье⁵⁰. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками и удлиненной шейкой (рис. 28, 7).

Тип 4. Удлиненно-пятиугольные. Включает 9 экз. из памятников: Онохтыча, п. 2; Токчин I, п. 2; Сухая Падь в Забайкалье⁵¹. Длина пера — 8 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами. У большинства экземпляров насад косо срезан, у отдельных наконечников имеется черешок (рис. 28, 13).

Тип 5. Ступенчатые. Включает 4 экз. из памятников: Кунга, п. 2; Ононск II, п. 4 в Забайкалье⁵². Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, выемкой-перехватом при подходе к шейке, шейкой с упором (рис. 28, 15).

Тип 6. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Дворцы I, п. 6 в Забайкалье⁵³. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 28, 17).

Г р у п п а II. Четырехгранные. Представлена шестью типами.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные. Включает 3 экз. из памятника Оловянная II, п. 1 в Забайкалье⁵⁴. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными гранями и упором (рис. 28, 18).

Тип 2. Боеголовковые. Включает 9 экз. из памятников: Дарасун, п. 4⁵⁵; Кунга, п. 2⁵⁶; Онохтыча, п. 2; Ононск I, п. 4, 5; Средняя Борзя, п. 1; Соцал; Чиндант I, п. 24 в Забайкалье⁵⁷. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, шестигранной шейкой (рис. 28, 20).

Тип 3. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятников: Кунга, п. 2; Ононск I, п. 5; Чиндант I, п. 24 в Забайкалье⁵⁸. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 28, 25).

Тип 4. Шипастые. Включает 1 экз. из памятника Ононск I, п. 5. в Забайкалье⁵⁹. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, шипами, вогнутыми плечиками (рис. 28, 26).

Тип 5. Боеголовковые шипастые. Включает 1 экз. из памятников: Средняя Борзя, к. 1; Чиндант I, п. 24 в Забайкалье⁶⁰. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, шипами, вогнутыми плечиками, шейкой (рис. 28, 27).

Тип 6. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из Забайкалья⁶¹. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и пологими плечиками (рис. 28, 29).

Г р у п п а III. Прямоугольные. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-прямоугольные. Включает 1 экз. из памятника Онохтыча, п. 5 в Забайкалье⁶². Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным пером, параллельными сторонами и упором (рис. 28, 30).

Г р у п п а IV. Круглые. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные. Включает 2 экз. из памятника Ононск I, п. 4,5 в Забайкалье⁶³. Длина пера — 3,5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными гранями и упором (рис. 28, 31).

Г р у п п а V. Шестигранные. Представлена двумя типами.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Кунга, п. 2 в Забайкалье⁶⁴. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 28, 33).

Тип 2. Удлиненно-пятиугольные. Включает 1 экз. из Забайкалья. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными гранями и упором.

Важную роль лука и стрел у шивэй подчеркивают цитированные выше письменные источники⁶⁵.

Важную работу по систематизации и классификации раннесредневековых стрел проделал в свое время Е. В. Ковычев⁶⁶. Позднее эти материалы были изданы⁶⁷. К сожалению, воспользоваться предложенной классификацией для нашего анализа невозможно ввиду того, что автор не приводит данных, из каких комплексов взяты наконечники⁶⁸, а в таблицах рисунков не указывает масштаб⁶⁹. Поэтому, взяв за основу разработку Е. В. Ковычева, нами предпринят опыт классификации стрел из раннесредневековых памятников Восточного Забайкалья с учетом данных о их местонахождении и размерах наконечников, насколько это возможно установить по работам предшественников⁷⁰. В схеме учтены музейные материалы, типологически близкие описываемым⁷¹. Исключены из рассмотрения заведомо ранние комплексы скифского⁷² и хуннского времени⁷³.

Комплекс раннесредневековых стрел Восточного Забайкалья включает пять групп железных стрел, представленных в общей сложности 25 типами, два отдела, разделяющихся на семь групп, представленных 19 типами. Подавляющее большинство типов, несмотря на значительное разнообразие форм, немногочисленно, только три из них насчитывают более десятка экземпляров. Среди железных наконечников, предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника, наличествуют трехлопастные разных форм известных по всей территории степной Азии. Отличительной особенностью комплекса является большое число типов плоских и двухлопастных форм. Не вполне ясно назначение прямоугольных в сечении наконечников. Видимо, их надо считать универсальными. Собственно бронебойных сравнительно немного. Всего два типа в одной группе — четырехгранных. Специфичны многие формы костяных наконечников. Большинство из них имеет узкое перо жесткого сечения с остроугольным острием, рассчитанное на большую глубину проникания. Они могли применяться в стрельбе по легковооруженному противнику (рис. 29).

Рассматриваемый комплекс охватывает широкий хронологический диапазон бытования и, вне сомнения, не оставался неизменным на протяжении IV—X вв. н. э., к которым он приписан⁷⁴.

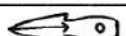

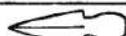

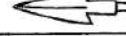

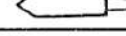

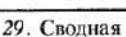
Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	3 × 1 × 2	3	Забайкалье	IV - VI
II 	1 	5 × 1,5 × 2	1	Забайкалье	IV - VI
I 	1 	3 × 1 × 2	20	Забайкалье	VI - X
	2 	4 × 1 × 4	3	Забайкалье	VI - X
	3 	4,5 × 1 × 4	7	Забайкалье	VI - X
	4 	8 × 1 × 2	9	Забайкалье	IV - VI
	5 	5 × 1 × 2	4	Забайкалье	VI - X
	6 	4 × 1 × 2	1	Забайкалье	VI - X
II 	1 	3 × 1 × 2	3	Забайкалье	VI - X
	2 	4,5 × 1 × 2	8	Забайкалье	VI - X
	3 	4,5 × 1 × 3	3	Забайкалье	VI - X
	4 	4,5 × 1 × 2	1	Забайкалье	VI - X
	5 	4 × 1 × 2	3	Забайкалье	VI - X
	6 	3 × 1 × 1	1	Забайкалье	VI - X
III 	1 	4 × 1 × 2	1	Забайкалье	VI - X
IV 	1 	3,5 × 1 × 1	2	Забайкалье	VI - X
V 	1 	3 × 1 × 1	1	Забайкалье	VI - X
	2 	4 × 1 × 1	1	Забайкалье	VI - X

Рис. 29. Сводная таблица костяных наконечников стрел шивэй.

Некоторые формы, например железные, трехлопастные асимметрично-ромбические, ярусные, удлинённо-треугольные, плоские асимметрично-ромбические и удлинённо-ромбические, находят соответствие в хуннских образцах. Вероятно, и хронологически некоторые из них, например ярусные, должны относиться к первой половине I тыс. н. э. Практически сопоставим с хуннским набор костяных наконечников стрел. В его составе имеются формы, например втульчатые трехгранные шипастые с выступающей втулкой-свистункой, четырехгранные удлинённо-треугольные с выступающей втулкой-свистункой, черешковые трехгранные удлинённо-пятиугольные, четырехгранные шипастые, босголовковые шипастые, круглые удлинённо-пятиугольные, шестигранные удлинённо-ромбические, которые относятся к первой половине I тыс. н. э. Од-

нако для вычленения данных типов из состава комплекса необходимо расклассифицирование всех материалов, ныне суммарно относимых к «бурхотуйской культуре». Основной массив железных и костяных наконечников стрел мы вслед за Е. В. Ковычевым относим ко второй половине I тыс. н. э. Если ориентироваться на хронологическую шкалу саяно-алтайских древностей, к VI—VIII вв. могут быть отнесены большинство типов железных трехлопастных и отдельные формы плоских. Однако практически все подобные конфигурации употреблялись до конца I тыс. н. э., когда стали применяться также двухлопастные, прямоугольные и четырехгранные. Среди костяных картина изменений должна быть иной, по мере роста и дифференциации железных значение первых должно было уменьшаться.

Важно отметить, что многие формы плоских наконечников стрел, известные в данном районе уже во второй половине I тыс. н. э., станут широко распространенными на всей территории Центральной Азии в первой половине II тыс. н. э. К ним относятся асимметрично-ромбические, удлинненно-шестигранные, удлинненно-ромбические, томары, вильчатые.

Забайкальские стрелы, хотя и редко, снабжались костяными шариками-свистунками. Такие, цельнорезанные с наконечником, свистунки имеются у костяных втульчатых стрел. Цилиндрические свистунки без отверстий имелись у различных железных плоских наконечников. Свистунки с округлыми и прямоугольными отверстиями имеются у трехлопастных и плоских стрел⁷⁵. Наличие свистунок без отверстий свидетельствует об их назначении в качестве муфт, предотвращающих раскалывание торцевой части древков стрел. Прямоугольные отверстия в свистунках характерны, как считается, для монгольского времени. Среди восточнозабайкальских находок они представлены в погребении № 3(4) могильника Будулан, где сопутствуют бронзовым бляхам-оправам, характерным для конца I тыс. н. э.⁷⁶

В источниках указано, что шивэйские стрелы «очень длинные»⁷⁷. Вероятно, таковыми были стрелы, соответствующие лукам первой половины — середины I тыс. н. э. с длинными накладками и большим размахом плеча кибити. При переходе к пользованию более короткими луками должна была уменьшаться длина древков стрел. По свидетельству источника, древки изготавливались из дерева «ху» (ку)⁷⁸ — березы.

КОЛЧАНЫ

Средневековые кочевники Восточного Забайкалья хранили и носили стрелы в колчанах из бересты. В большинстве памятников от них сохраняются только железные детали. По форме приемника забайкальские колчаны относятся к одной группе — цилиндрических. По форме горловины они составляют один тип.

Тип 1. Закрытые. Включает 7 экз. из памятников: Будулан, п. 3(4); Дарасун, п. 4; Онохтыча; Чиндант I, п. 24; Улан-Сар, п. 2,

5, 6 в Забайкалье⁷⁹. Все экземпляры включены в данный тип условно, так как берестяная основа приемника не сохранилась. Известное представление о его форме может дать колчан с сохранившейся частью приемника на 3 см в длину и 11 см в ширину. По данным Ю. С. Орлова, береста для колчанов снималась с чурбаков без продольного разреза⁸⁰. И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев отмечают и более обычный способ изготовления приемников из сшитых кусков бересты⁸¹. Ими выделено несколько типов колчаных крюков⁸². Наибольшее распространение имели крючья с петлей и раздвоенным концом. Реже встречаются обычные крючки с петлей и загнутым концом и пластиной вместо петли (рис. 30). Первые из них характерны для памятников кокзельской культуры и ранних комплексов древних тюрок Алтая и Тувы, поэтому их нельзя считать специфичными для Забайкалья. Скорее, в данной форме можно видеть раннюю стадию развития данной детали колчана, характерную для первой половины — середины I тыс. н. э. Крючки второго типа известны очень широко в течение всего I тыс. н. э., а пластинчатые характерны для второй половины I — начала II тыс. н. э. Не вполне ясно, каким образом стрелы помещались в приемник колчана. На некоторых планах могил они пачкой сосредоточены у ступней погребенного, т. е. можно предполагать в данном случае наличие закрытого типа колчана, в котором стрелы хранятся наконечниками вниз⁸³. В монгольскую эпоху зафиксированы случаи расположения стрел наконечниками вниз, вниз и вверх или вверх⁸⁴.

Предметы вооружения ближнего боя встречаются в памятниках средневековых кочевников Забайкалья несравненно реже, чем образцы метательного оружия. Так, например, совершенно отсутствуют предметы рубяще-колющего оружия. Это, конечно, не означает, что в рассматриваемый период ими не пользовались. Однако в материалах рассматриваемого комплекса они не представлены. Достаточно редки находки других видов оружия. Приходится признать, что комплекс оружия ближнего боя не полон.

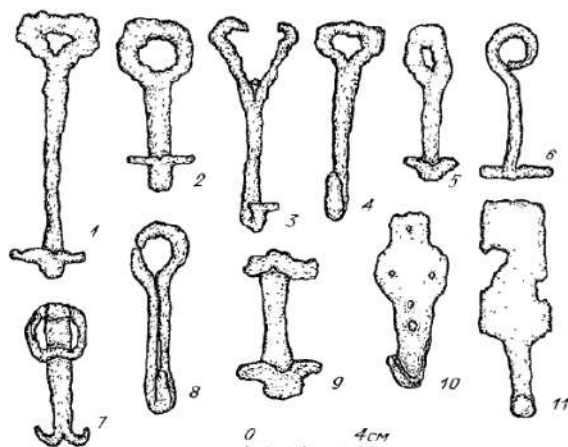

Рис. 30. Колчаные крючки шивэй.

КИНЖАЛЫ

По сечению клинка кинжалы из средневековых памятников Забайкалья относятся к двум группам.

Группа I. Ромбические. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-ромбические без перекрестья. Включает 3 экз. из памятников: Бурхотуй, п. 1; Кункур, п. 1; Совхоз-13, п. 2 в Забайкалье⁸⁵. Длина клинка — 20 см, ширина — 3, высота черенка рукояти — 6 см. Двулезвийные, ромбические в сечении клинка без перекрестья (рис. 31, 1, 6).

Группа II. Треугольные. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные без перекрестья. Включает 4 экз. из памятников: Онохтыча, п. 4; Чиндант I, п. 24; Ломы I, п. 1; Новоселиха, п. 14 в Забайкалье⁸⁶. Длина клинка — до 20 см, ширина — 2,5, высота черенка рукояти — 5 см. Однолезвийные прямые клинки с прямой рукоятью. Обычно относятся к категории хозяйственных ножей⁸⁷. Не исключая подобного применения, считаем возможным и употребление в военных целях (рис. 31, 2—5).

Кинжалы применялись для нанесения колющего удара в ближнем и рукопашном бою. В условиях тактики рассыпного строя они неприменимы. Вероятно, кинжалами пользовались при рукопашных схватках, могли добивать раненых на поле сражения и т. д.

КОПЬЯ И ДРОТИКИ

Из средневековых памятников Восточного Забайкалья известно небольшое число находок накопечников копий. К сожалению, плохая сохранность предметов затрудняет их интерпретацию. По данным И. В. Асеева, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева, известно два экземпляра дротиков и три — копий⁸⁸. По сечению пера они распадаются на две группы.

Группа I. Круглые. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из памятников: Оловянная III, п. 10; Улан-Сар, п. 9; Сухая

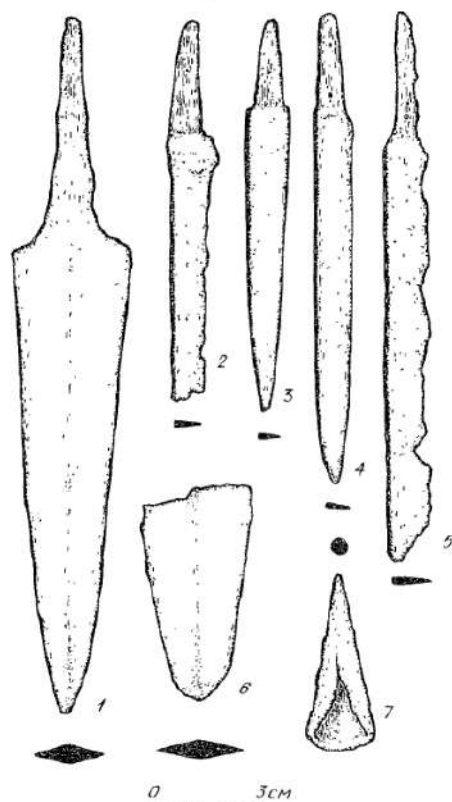

Рис. 31. Оружие ближнего боя шивэи.
1—6 — кинжалы; 7 — дротик.

Падь, п. 1 в Забайкалье⁸⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 1, высота втулки — 3 см. Наконечники с остроугольным пером, без плечиков, с конической втулкой (рис. 31, 7).

Г р у п п а II. Четырехгранные. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 3 экз. из памятников: Оловянная I, п. 2; Соцал, п. 6; Сухая Падь, п. 1. Длина наконечника с втулкой — 22 см, ширина втулки — 3 см. Наконечники с остроугольным узким пером, плечиками, конической втулкой.

Наконечники дротиков и копий крепились к древкам с помощью гвоздей. Длина древков метательных дротиков не превышала длину вытянутой руки⁹⁰. Древковое колющее оружие не могло употребляться всадниками в дистанционном бою. Метательные и ударные копья свидетельствуют о наличии у забайкальских кочевников навыков ближнего боя.

В средневековых памятниках Забайкалья присутствуют отдельные детали защитного доспеха.

ПАНИЦИРИ

По форме пластин и способу крепления средневековые панцири Забайкалья относятся к одному типу.

Тип 1. Чешуйчатые. Включает 15 экз. из памятников: Дворцы I, п. 3, 5, 7; Сухая Падь, п. 1; Бурхотуй, п. 2; Сырая Сосновая, п. 32; Могильная, п. 61; Ульхова мельница, п. 3; Улан-Сар, п. 5, 6; Оловянная III, п. 1; Онохтыча, п. 5; Ломы I, п. 1; Толоча, п. 1; Кункур в Забайкалье⁹¹. Форма, размеры пластин, количество и расположение отверстий на них существенно различаются. Большинство из них прямоугольной формы, 6 x 3 см, с прямым верхним и округлым нижним краем, снабжены тремя отверстиями вдоль верхнего, двумя — вдоль нижнего края, двумя парами отверстий по сторонам и одним в центре (рис. 32, 1). Близкие им по конфигурации, но хуже сохранились панцирные пластины (рис. 32, 6). Другая группа — длинные узкие пластины с округлым нижним краем. Точные размеры и количество отверстий из-за фрагментарности пластин не устанавливаются⁹² (рис. 32, 10). Интересны наборы из 2—4 пластин, позволяющие наметить способ крепления — внахлест по горизонтали справа налево, или наоборот, и по вертикали сверху вниз. Данный ламеллярный способ крепления характерен преимущественно для чешуйчатых панцирей различного покроя. Вероятно, правы И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, утверждая со ссылкой на находки в погребениях небольшого числа пластин, что «сплошного защитного панциря», типа рубахи с рукавами и подолом, «...у местного населения в I тыс. н. э. не существовало»⁹³. Возможно, доспех состоял из нагрудника, защитного жилета и подола, аналогично одной из форм киданьских панцирей⁹⁴. В этом случае пластины-чешуйки составляли основную площадь защитного покрытия, а узкие пластины — окантовку (рис. 32, 11).

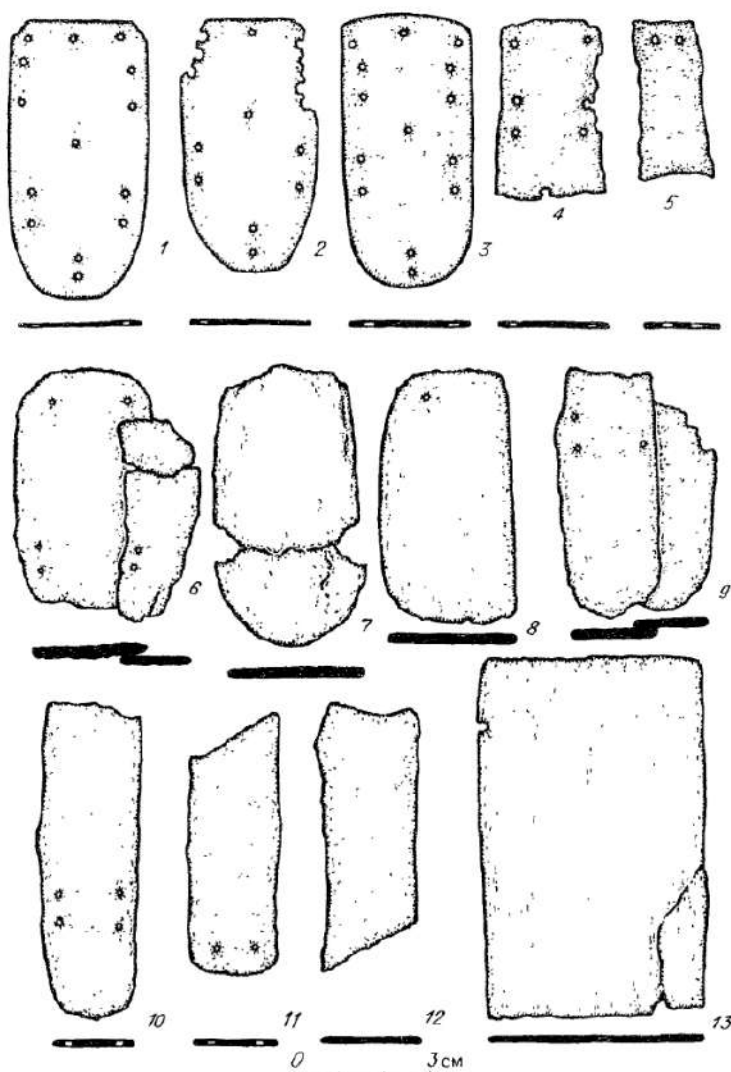

Рис. 32. Пластины панцирей и защитных поясов шивэй.

Поэтому трудно согласиться с мнением что пластины... «чаще всего прикрывали лишь наиболее важную часть человеческого тела — область грудной клетки, вытягиваясь узким защитным пояском слева направо»⁹⁵. Важный факт, заслуживающий специального внимания, — значительное количество памятников, в которых найдены детали панциря, свидетельствующий в пользу того, что кавалерия из местных племен должна была быть устойчива в ближайшем бою. Хронология забайкальских панцирей охватывает всю вторую половину I тыс. н. э.

ЗАЩИТНЫЕ ПОЯСА

В отдельных памятниках зафиксированы железные пластины пояса, служившие целям защиты. По способу соединения с основой они относятся к одному типу.

Тип 1. Пластины. Включает 2 экз. из памятников: Голый Мыс, п. 20; Чинданти I, п. 3 в Забайкалье. Размеры пластин — от 6 x 7 до 5 x 8 см. Длина набора из Голого Мыса, состоявшего из

Вид	Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
Луки	I	1 x 4	160	8	Забайкалье	VI - X
Стрелы	I	1 x 8	4,5x2	27	Забайкалье	VI - X
	II	1 x 4	5x2,5	7	Забайкалье	VI - X
	III	1 x 9	5x3	51	Забайкалье	VI - X
	IV	1 x 2	3,5x1	28	Забайкалье	VI - X
	V	1 x 2	4,5x1	21	Забайкалье	VI - X
	I	1	3 x 1	3	Забайкалье	IV - VI
	II	1	5x1,5	1	Забайкалье	IV - VI
	I	1 x 6	5x1	44	Забайкалье	IV - X
	II	1 x 6	4x1	18	Забайкалье	VI - X
	III	1	4x1	1	Забайкалье	VI - X
	IV	1	3,5x1	2	Забайкалье	VI - X
	V	1 x 2	3,5x1	2	Забайкалье	VI - X
Колчаны	I	1	—	7	Забайкалье	VI - X
Кинжалы	I	1	20x3	3	Забайкалье	VI - X
	II	1	20x2,5	4	Забайкалье	VI - X
Копья	I	1	22x3	3	Забайкалье	VI - X
Дротики	I	1	4x1	2	Забайкалье	VI - X
Панцири	I	1	—	15	Забайкалье	VI - X
Пояса	I	1	42	2	Забайкалье	IV - VI

Рис. 33. Сводная таблица оружия шивэй.

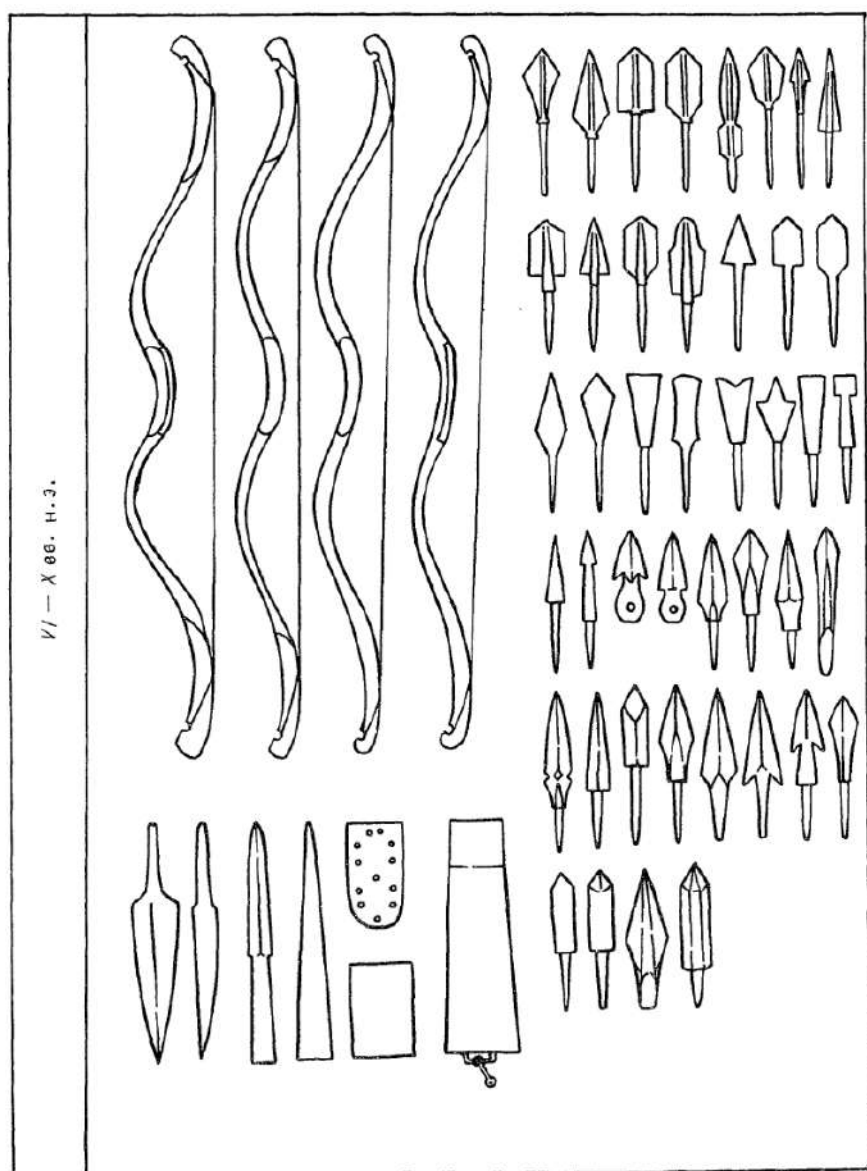

Рис. 34. Типолого-хронологическая матрица оружия шивзй.

7 пластин, по данным Ю. С. Орлова, «ок. 35 см»⁹⁶, хотя семь пластин впритык друг к другу должны были составлять минимум 42 см. Судя по всему, они крепились к кожаной основе пояса вертикально (рис. 32, 13).

Защитные пояса — архаичная для эпохи средневековья система предохранения тела воина от поранения. Применя-

лись они, по всей вероятности, не позже первой половины — середины I тыс. н. э. и с распространением нагрудных и чешуйчатых панцирей необходимость в их использовании отпала.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

В составе комплекса вооружения средневековых кочевников Восточного Забайкалья преобладают средства ведения дистанционного боя. Местными воинами применялись разные типы лука и широкий спектр железных и костяных стрел, подавляющая часть из которых была предназначена для поражения незащищенного панциря противника. Можно полагать, что в восточнозабайкальском войске в эпоху раннего средневековья преобладали конные легковооруженные лучники. Вместе с тем воины данного района располагали известным набором бронебойных стрел, имели на вооружении кинжалы, копья, дротики, были защищены доспехами. Хотя в целом данный набор нельзя признать полным, включение в его состав отдельных видов ближнего боя, панцирбойных стрел и средств защиты свидетельствует об умении местных кочевников противостоять тяжеловооруженному противнику, устойчивости шивэйской кавалерии в дистанционном бою и при сближении с неприятелем (рис. 33, 34).

Данный комплекс не был стабильным на протяжении рассматриваемого периода. К концу I тыс. н. э. наблюдается рост защитных средств и оружия, рассчитанного на пробивание брони (рис. 35).

Рис. 35. Реконструкция тяжеловооруженного воина шивэй.

Вопрос о структуре военной организации кочевых племен Восточного Забайкалья пока может быть только поставлен и намечены пути его решения, так как не все ясно с этнокультурной атрибуцией рассматриваемых археологических комплексов. Если принять точку зрения о принадлежности этих материалов известным по летописным сведениям племенам шивэй⁹⁷, то структура их военной организации может быть представлена в следующем виде. Шивэйские племена, происхождение которых современники связывали с динлинами, но считали этнически близкими киданям и мохэ, делились на пять территориальных групп. Каждое из них было самостоятельно по отношению к другому и делилось в свою очередь на отдельные кочевья. В источниках подчеркивается, что у шивэй нет «единого государя», только вожди отдельных племен. В каждом из 25 кочевий южных шивэй вожди именовались «юй мофуманьдо», у северных шивэй помимо вождей — цинь мохэдо — в каждом кочевье имелось по три «помощника вождя» — мохэфу. В период I тюркского каганата шивэйские племена находились в подчинении у тюрков, ...«поэтому тюцзюэсцы всегда управляли ими с помощью трех тутуней (тутуков)»⁹⁸.

Позднее у шивэй известно 17 великих (крупных) вождей, называвшихся мохэфу, правивших по наследству, но подчинявшихся тюркам⁹⁹. По мере ослабления тюрков шивэйские вожди пытались вести себя самостоятельно, завязывать отношения с другими кочевыми объединениями. В правление Бильге-кагана шивэй, известные у тюрков под названием «токуз-татар», объединились с огузами и попытались освободиться от зависимости, но потерпели поражение¹⁰⁰.

В VIII—IX вв. шивэй делились на 9 кочевий и занимали земли на юге, поблизости от границ империи Тан. В этот период ко двору империи являлись и посылали послов: «шивэйский главноуправляющий Хэцзесу во главе 10 человек, Дашэн Дуачэн во главе 30 человек, «великий старшина» (вождь) Далэ¹⁰¹. Те же 9 племен, известные под названием «девяти татар», фигурируют в памятнике Могон-Шине-Усу, в качестве врагов уйгуров и союзников «восьми огузов»¹⁰².

Судя по этим данным, татарские (шивэйские) племена длительное время выступали в качестве вассалов тюрков и уйгуров, вероятно, поставляли в их армии вспомогательные войска и неоднократно пытались освободиться. Хотя они и не имели единого правителя, в ходе длительной борьбы постепенно консолидировались и могли выступать совместно. Как свидетельство зарождения десятичной системы деления войска можно считать упоминания о численности их посольства по 1—3 десятка людей. Численность более крупных отрядов неизвестна. В период подчинения I тюркскому каганату шивэй могли формировать племенные ополчения. Позднее при II тюркском и Уйгурском каганате, надо полагать, единое ополчение формировало объединение 9 татарских племен.

Данные по вооружению забайкальских кочевников позволяют реконструировать некоторые черты их военного искусства.

Несомненно, что на протяжении всего периода середины — второй половины I тыс. н. э. основу войска забайкальских кочевников составляла легкая конница, действующая рассыпным строем. Наличие защитных поясов, при отсутствии находок наступательного оружия ближнего боя, не позволяет сколько-нибудь определенно судить о возможностях конницы в ближнем бою. Судя по конструкции лука, дистанция прицельной стрельбы была достаточно велика. Есть мнение об использовании шивэй в этот период крепостей-убежищ. О «городах», вероятно крепостях-убежищах, у шивэй есть упоминание в письменных источниках¹⁰³. После включения шивэй в пределы каганата тюрков на них определенно сказались влияние последних. Видимо, вспомогательные войска из шивэй строились по десятичному принципу. На вооружении появились луки упрощенного типа со срединными боковыми накладками, некоторые типы тюркских трехлопастных стрел. Вошли в обиход чешуйчатый панцирь, копье. Шивэйская конница смогла обрести известную устойчивость в ближнем бою. Наряду с рассыпным строем могла применяться атака лавой. В ближнем бою нашли применение метательные и ударные копья. Должны были быть на вооружении и другие виды оружия ближнего боя. Некоторые элементы вооружения шивэйцев могли быть заимствованы у этнически родственных киданей.

В VIII—IX вв. шивэй в союзе с огузами, кумохи(си) или самостоятельно проводят военные мероприятия против тюрков, уйгуров, совершаются набеги на пограничные районы империи Тан. В этот период расширяются масштабы их военных операций, появляются элементы самостоятельной военной стратегии, главное в которой заключалось в стремлении освободиться от зависимости от кочевых империй. В крупных военных сражениях VIII—IX вв., ставших известными в письменных свидетельствах современников, шивэй неизменно терпят неудачи от войск тюрков под предводительством Бильге-кагана, уйгуров под предводительством кагана Моюн-чура, кыргызов под предводительством министра Або в 847 г. В этом сказались, вероятно, недостаточная организованность и худшая вооруженность шивэй в сравнении с воинами тюркоязычных каганатов Центральной Азии. В X в. шивэй были покорены киданями и вошли в состав их государства, поставляя вспомогательные контингенты в войско киданьских императоров.

По мнению ряда исследователей, в составе племен шивэй во второй половине I тыс. н. э. становится известным под именем мэнью-шивэй племя монголов, сыгравшее в дальнейшем столь заметную роль в военной истории.

**ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(XI—XIV вв. н. э.)**

На рубеже I и II тыс. н. э. в Центральной Азии складывается новая этническая и культурная ситуация, определившая историческое развитие региона на последующие века. Они характеризуются военным и политическим преобладанием монголоязычных племен, которые активно расселяются из восточных районов центральноазиатских степей на запад, постепенно вытесняя, поглощая и ассимилируя тюркоязычные племена.

Начало этому расселению положило продвижение киданей в Центральной Азии в X в. н. э. Вслед за киданями в степи Центральной Монголии продвигаются родственные кочевые племена татар, монголов и др. (рис. 1).

Этнокультурные перемены совпали с существенными изменениями в военном деле. Непрерывная линия эволюции вооружения протекала в направлении образования новых форм, специализации и дифференции, роста видового и типологического разнообразия, перехода от одних общеупотребительных типов к другим. В то же время продолжает совершенствоваться централизованная военно-административная десятичная система деления войска и народа, достигшая своего логического завершения в военной организации монголов. Возрастает профессионализм и боевая выучка основной массы войск. В армии киданей и монголов, наряду с конницей, формируемой из числа кочевых племен, широко используются вспомогательные отряды, набираемые из покоренных оседлых народов.

Основные характерные черты военного искусства кочевников Центральной Азии в эпоху развитого средневековья продолжают и развивают достижения военной традиции предшествующего времени. В тактике боя доминирует рассыпной строй, широко применяется лава. Возрастает роль стратегического маневра, мобильности ведения боевых операций, специализация родов войск. Существенным достижением монгольской эпохи было овладение кочевниками осадной техникой и приемов взятия крепостей. Это позволило монголам сокрушить оборону многих оседло-земледельческих государств.

Значительно возросли масштабы войн и стратегические цели завоеваний. При Чингисхане и его преемниках они приобрели трансконтинентальный характер. Военная стратегия монголов предусматривала завоевание всей известной им эйкумены.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КИДАНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В работах по военному делу азиатских кочевников эпохи развитого средневековья неоднократно подчеркивалась важная роль военного искусства киданей для всего последующего развития военного дела в кочевом мире¹. Основой для анализа военного дела киданей и кара-киданей послужили сведения информативных письменных источников². В меньшей степени проанализированы находки предметов вооружения из киданьских памятников. Хотя памятники киданьской культуры активно исследуются на территории Маньчжурии, результаты этих раскопок не всегда доступны³. Памятники, относимые к киданьской культуре на территории Монголии и Забайкалья, отличаются известным своеобразием⁴. Эти районы составляли периферию империи Ляо, которую населяли родственные киданям племена монголоязычных кочевников. В материалах киданьских городищ, жертвенных мест, погребений Монголии и Забайкалья имеются находки предметов вооружения. Хотя представительность предметных серий невелика и не охватывает всех видов вооружения, анализ имеющихся данных позволит составить известное представление о военном деле киданей и родственных им монголоязычных племен, обитавших в Центральной Азии в начале II тыс. н. э. Важную информацию по вооружению, структуре военной организации и военному искусству содержат письменные источники. Внешний облик киданьских воинов передают изображения на киданьских фресках и китайских миниатюрах.

Вещественные источники, использованные для анализа и написания настоящей главы, хранятся в фондах музеев, научных учреждений, вузов Новосибирска, Читы, Улан-Батора. Используются и опубликованные письменные источники и изобразительные материалы.

Задача обобщения данных по всему комплексу вопросов военной истории и военного дела киданей периода существования империи Ляо — дело будущего.

Комплекс вооружения киданей в Центральной Азии включал средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты. Оружие дистанционного боя представлено луками и стрелами.

Согласно «Законам организации войск в государстве Дайляо», содержащимся в династийной истории «Ляо-ши», каждый киданьский воин должен был иметь по 4 лука, включая простые и сложносоставные⁵. На изображениях киданьских воинов имеется рисунок сложносоставного лука с натянутой тетивой в налучье⁶. Лук имеет круто загнутый конец, выгнутое плечо, прямую середину. К сожалению, в центральноазиатских материалах каких-либо находок деталей лука не обнаружено, что не позволяет включить луки в сводную классификацию киданьского оружия.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

В памятниках киданьской культуры Забайкалья, Монголии, Маньчжурии неоднократно находили наконечники стрел. По материалу изготовления они делятся на два класса — железных и костяных. Все железные наконечники стрел относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они делятся на группы, по форме пера — на типы.

Г р у п п а I. Трехлопастные наконечники. Насчитывает один тип.

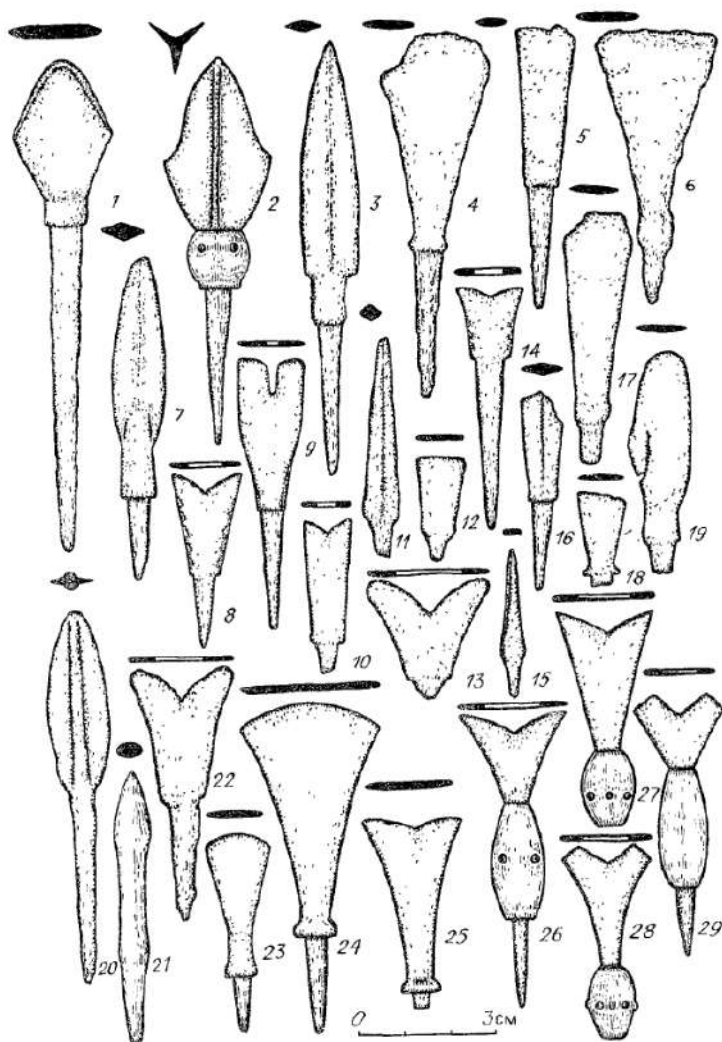

Рис. 36 Железные наконечники стрел киданей.

1 — гр. VII, тип 1; 2 — гр. I, тип 1; 3, 7 — гр. V, тип 1; 4, 23, 24 — гр. VII, тип 2; 5, 8—10, 13, 14, 22, 25—29 — гр. VII, тип 4; 6 — гр. VII, тип 3; 11 — гр. III, тип 1; 16 — гр. V, тип 2; 19 — гр. VII, тип 5; 15 — гр. VII, тип 6; 20 — гр. II, тип 1; 21 — костяной наконечник гр. I, тип 1.

Тип I. Овально-крылатые. Включает 1 экз. из памятника Шаан-хот в Монголии⁷. Длина пера — 4 см, ширина — 2,5, длина черешка — 4,5 см. Наконечник с овальным острием, выступающими крыльями, пологими плечиками. На черешке костяной шарик-свистунка с отверстиями (рис. 36, 2).

Г р у п п а II. Двухлопастные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип I. Эллипсоидные. Включает 1 экз. из памятника Бутиха в Забайкалье⁸. Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечник с овальным острием и пологими плечиками (рис. 36, 20).

Г р у п п а III. Четырехгранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип I. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 0,8, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 36, 11).

Г р у п п а IV. Прямоугольные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип I. Томары. Включает 1 экз. из памятника Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии¹⁰. Длина пера — 6 см, ширина — 1,8, длина черешка — 6 см. Наконечник с тупым, обломанным острием и пологими плечиками (рис. 37, 2).

Г р у п п а V. Ромбические наконечники. Насчитывает два типа.

Тип I. Боеголовковые. Включает 2 экз. из памятников: Малый Улистай и Средне-Шайкино в Забайкалье¹¹. Длина пера — 6 см, ширина — 1,2, длина черешка — 2,5 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, короткой шейкой, упором (рис. 36, 3, 7).

Тип 2. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье¹². Длина пера — 2,5 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечник с тупоугольным обломанным острием, пологими плечиками, упором (рис. 36, 16).

Г р у п п а VI. Линзовидные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип I. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии¹³. Длина пера — 7 см, ширина — 3, длина черешка — 7 см. Наконечник с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 37, 1).

Г р у п п а VII. Плоские наконечники. Насчитывает шесть типов.

Тип I. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Ршаан-Хад в Монголии¹⁴. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2,

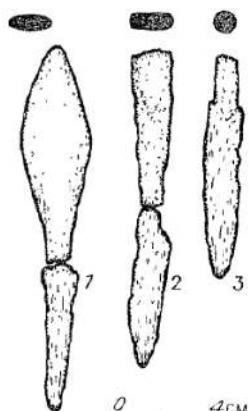

Рис. 37. Железные наконечники стрел киданей.

1 — гр. VI, тип I; 2 — гр. IV, тип I; 3 — черешок наконечника.

длина черешка — 7 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками, упором (рис. 36, 1).

Тип 2. Секторные. Включает 3 экз. из памятников: Малый Улистай в Забайкалье¹⁵; Хусынао, Данцзы в Маньчжурии. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 3 см. Наконечники с округлым острием, пологими плечиками, упором (рис. 36, 4, 23).

Тип 3. Томары. Включает 4 экз. из памятников: Малый Улистай, Средне-Шайкино в Забайкалье¹⁶. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2, длина черешка — 1 см. Наконечники с тупым острием, пологими плечиками, упором (рис. 36, 6).

Тип 4. Вильчатые. Включает 12 экз. из памятников: Малый Улистай, Средне-Шайкино, Кара в Забайкалье¹⁷; Хусынао, Данцзы, в Маньчжурии. Длина пера — 2 см, ширина — 2, длина черешка — 2 см. Наконечники с вогнутым острием, пологими плечиками, упором. На плечиках у отдельных экземпляров нанесены косые насечки. Некоторые экземпляры снабжены костяными шариками-свистунками с отверстиями и выступами или без отверстий (рис. 36, 8, 10).

Тип 5. Боеголовковые эллипсоидные. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье¹⁸. Длина пера — 4 см, ширина — 1,5, длина черешка — 1 см. Наконечник с округлым острием, пологими плечиками, выделенной боевой головкой, короткой шейкой, упором (рис. 36, 19).

Тип 6. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье¹⁹. Длина пера — 2,5 см, ширина — 0,5, длина черешка — 1 см. Наконечник с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 36, 15).

Костяные наконечники стрел относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они делятся на группы, по форме пера — на типы.

Г р у п п а I. Ромбические наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Боеголовковые. Включает 1 экз. из памятника Кара в Забайкалье²⁰. Длина пера — 4,5 см, ширина — 0,8, длина черешка — 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой и удлиненной шейкой (рис. 36, 21).

Набор железных наконечников стрел центральноазиатских киданей неполон. Однако он отличается своеобразием и может дать известное представление о возможностях прицельной стрельбы киданьских лучников в дистанционном бою. В составе рассматриваемого комплекса более половины групп наконечников — бронейбойные и универсальные. Среди небронейбойных наконечников преобладают плоские, насчитывающие 6 типов, в то время как типы трехлопастных и двухлопастных единичны. Выделенные особенности характерны для комплексов стрел культур восточной части Центральной Азии. В наибольшей степени близок киданьскому комплексу стрел шивэй, для которых также было характерно преобладание плоских наконечников при меньшем разнообразии трехлопастных и двухлопастных, а среди бронейбойных — преобладание

четырёхгранных и прямоугольных. Такое сходство не удивительно, если учесть этнокультурное родство шивэй и киданей. Имеются и некоторые отличия, обусловленные хронологическими и территориальными несоответствиями. Отличительной чертой киданьского набора стрел, по всей вероятности, нужно считать преобладание в составе неброневых плоских вильчатых, томаров, секторных. Хотя подобные формы в начале II тыс. н. э. получают широкое распространение в кочевых культурах Центральной Азии, в составе комплексов стрел большинства культур они малочисленны, уступая другим формам, прежде всего асимметрично-ромбическим. Киданьский комплекс в этом отношении своеобразен²¹ (рис. 38). Преобладание в его составе плоских и гранёных наконечников, вероятно, было связано с постоянными контактами в военной области между киданями и тунгусо-маньчжурскими этносами и государствами Дальнего Востока, для которых характерны те же группы стрел. Зависимые от киданей монголоязычные племена северной периферии киданьской державы пользовались в незначительном количестве и костяными стрелами, хотя костяные наконечники были весьма характерны для шивэй и продолжали применяться таежными племенами в начале II тыс. н. э.

Вместе с железными стрелами иногда встречаются костяные шарики-свистунки с отверстиями или выступами, или же без отверстий. Для киданей характерны свистунки удлинённо-цилиндрической формы. Снабжались свистунками преимущественно плоские вильчатые стрелы, что подтверждает их боевое назначение. Древки стрел делали из берёзы. В источниках подчёркивается важность прицельной стрельбы в тактике ведения конного боя киданями. Каждый киданьский воин, отправляясь в поход, должен был иметь при себе 400 стрел²². В сражениях атакующие отряды киданей осыпали войска противника «тучами стрел».

Киданьские воины хранили и носили стрелы в колчанах, о форме которых можно судить по миниатюрам²³. На рисунках изображены колчаны прямоугольной формы, уплощённо-цилиндрические в сечении. Поверхность колчана покрыта мехом, а горловина отделана хвостом пушного зверя. Возможно, сами колчаны изготавливались из кожи, натянутой на каркасную основу. Днище колчана не обшивалось мехом. Стрелы в колчанах хранились наконечниками вниз. Судя по изображениям не менее половины древка стрелы с оперением выступало наружу из горловины колчана. Колчаны подвешивались к поясу с правого бока лучника. Причем, крепились непосредственно к поясному ремню с помощью какого-либо приспособления, петли или крючка, без портупейных ремешков. Носился колчан в наклонном положении, днищем вперед, горловиной назад. Такая манера противоположна обычному способу расположения колчана у средневековых кочевников горловиной вперед, днищем назад. Вероятно, при стрельбе стрелы приходилось доставать правой рукой через левое плечо, аналогично способу, практикуемому при ношении колчана за спиной.

Предметы вооружения ближнего боя в памятниках киданьской культуры в Центральной Азии встречаются очень редко. Нет среди

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	4×2,5×4,5	1	Монголия	X - XII
II 	1 	4×1,5×4	1	Забайкалье	X - XI
III 	1 	4×0,8×1	1	Забайкалье	X - XI
IV 	1 	6×1,8×6	1	Монголия	X - XII
V 	1 	6×1,2×2,5	2	Забайкалье	X - XI
	2 	2,5×1×2	1	Забайкалье	X - XI
VI 	1 	7×3×7	1	Монголия	X - XII
VII 	1 	3,5×2×7	1	Монголия	X - XII
	2 	5×2×3	3	Забайкалье Маньчжурия	X - XII
	3 	3,5×2×1	4	Забайкалье	X - XI
	4 	2×2×2	12	Забайкалье Маньчжурия	X - XII
	5 	4×1,5×1	1	Забайкалье	X - XI
	6 	2,5×0,5×1	1	Забайкалье	X - XI

Рис. 38. Сводная таблица железных наконечников стрел киданей.

находок рубяще-колющего оружия. Однако в письменных источниках упоминается, что каждый киданьский воин должен был иметь меч²⁴. Мечи имеются на изображениях киданьских воинов²⁵. Изображены длинные прямые клинки с перекрестьем, концы которого загнуты в сторону лезвия или рукояти, прямой рукоятью с округлым навершием. Мечи носились в ножнах с обоями и наконечниками. Ножны крепились к поясу с левого бока воина в наклонном положении рукоятью вперед. Причем верхняя петля ножен пристегивалась непосредственно к поясному ремню.

КИНЖАЛЫ

Находки кинжалов встречаются в памятниках киданьского времени в Центральной Азии. По сечению клинка они относятся к одной группе, представленной двумя типами.

Г р у п п а I. Трехгранные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 7 экз. из памятников: Малый Улистай, Средне-Шайкино в Забайкалье²⁶; Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии. Длина клинка — 12 см, ширина — 1,5, высота рукояти — 4 см. Однолезвийные прямые клинки с остроугольным острием, упором для обкладки рукояти. У одного из клинков замечен выступ навершия на черенке. Некоторые экземпляры сохранились в обломках (рис. 39, 1).

Тип 2. С выгнутой спинкой. Включает 1 экз. из памятника Ршаан-Хад в Монголии²⁷. Длина клинка — 6 см, ширина — 1,2 см. Черен рукояти и верхняя часть клинка обломаны. Однолезвийный прямой клинок с остроугольным острием и выгнутой спинкой (рис. 39, 4).

По данным Ляо Ши, нож входил в обязательный набор оружия и снаряжения киданьского воина²⁸. Однолезвийные клинки колюще-режущего действия могли использоваться универсально: в рукопашном бою, для добивания раненых, в походном быту.

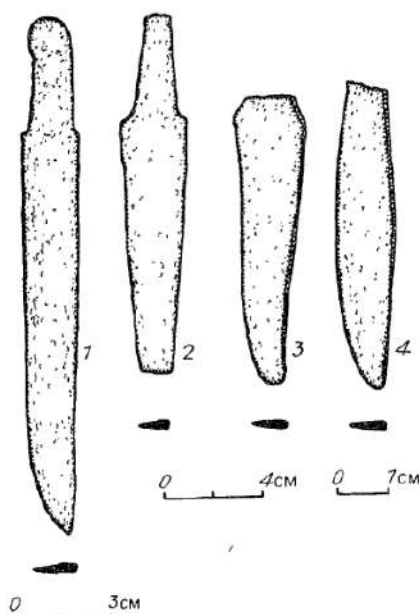

Рис. 39. Кинжалы киданей.

КОПЬЯ

Наконечники копий очень редко встречаются в памятниках киданьского времени на территории Центральной Азии. По сечению пера они относятся к одной группе, представленной одним типом.

Г р у п п а I. Трехгранно-трехлопастные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии²⁹. Длина пера — 15 см, ширина — 2,5, длина втулки — 20 см. Наконечник с остроугольным острием, долами на трех гранях, узкими плечиками, длинной шейкой, длинной втулкой со швом (рис. 40, 1).

Согласно «Законам организации войск в государстве Дайляо», каждый киданьский воин должен был иметь на вооружении «длин-

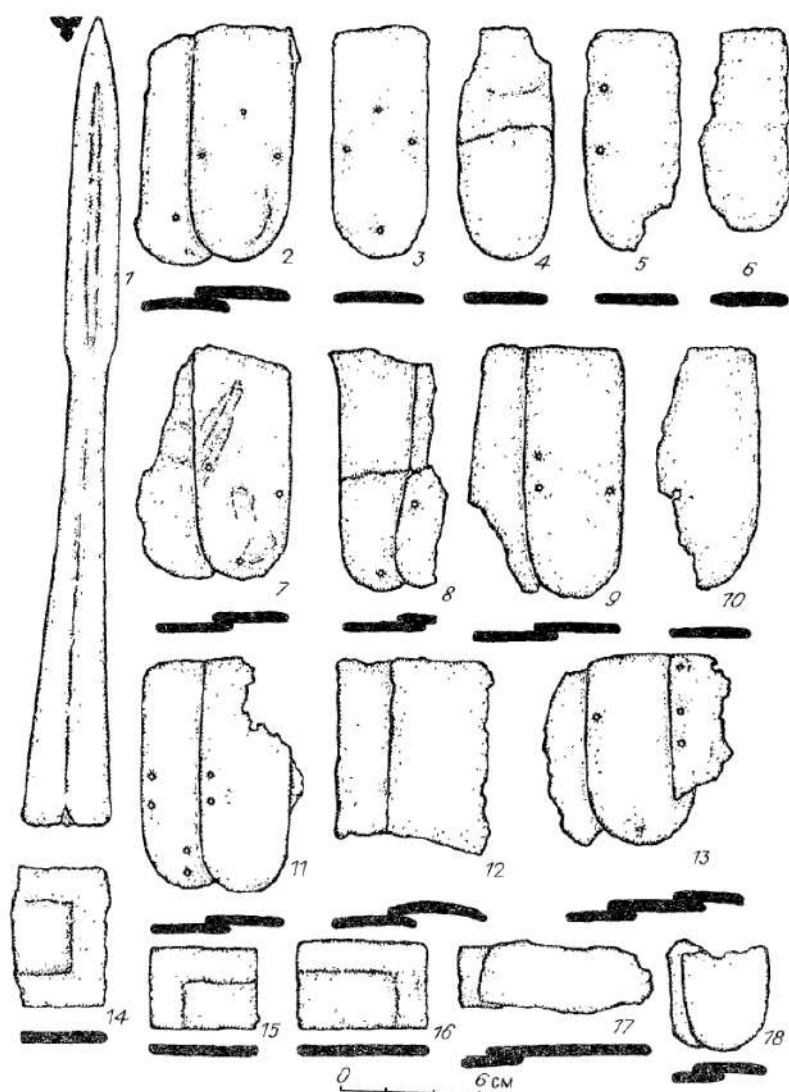

Рис. 40. Наконечник копья и панцирные пластины киданей.
1 — копье, 2—18 — панцирные пластины.

нос копье»³⁰, предназначенное для нанесения колющего удара. Особенно эффективным было применение этого оружия панцирными всадниками при атаке плотно сомкнутым строем.

Киданьские воины, помимо «длинных копий», имели на вооружении и «короткие копья»³¹. Обычно под ними принято понимать метательные дротики. Однако, судя по имеющимся изображениям киданьских воинов, это был совершенно иной вид оружия с коротким древком и длинным массивным обоюдоострым наконечником³². Это оружие, предназначенное для нанесения колющих и ру-

блещущих ударов в ближнем бою, правомерно назвать «пальмой». На рисунках воины держат пальму в правой руке за нижнюю часть древка. Наконечник пальмы имеет остроугольное острие, удлинено-ромбическое перо и пологие плечики. Наконечник почти равен по длине древку. Общая длина пальмы превышает длину вытянутой руки воина и равна длине меча.

В источниках упоминаются и другие виды оружия, которые имелись у киданьских воинов: булавы, алебарды, топоры, абордажные крючья³³. На памятниках киданьского времени в Центральной Азии эти предметы пока не найдены.

Предметы защитного вооружения неоднократно встречались в материалах киданьских памятников. Весьма ценным источником для изучения данного вида оружия являются сведения летописей и изобразительные материалы. Анализ защитного вооружения киданей, включая панцири, шлемы и конский доспех, содержится в работах М. В. Горелика³⁴. Автор на основе письменных и изобразительных данных охарактеризовал основные виды киданьского защитного оружия, реконструировал внешний облик киданьских панцирных воинов, оценил роль тяжеловооруженной кавалерии в киданьском войске и место киданьского доспеха в становлении защитных средств монголоязычных кочевников. Находки предметов вооружения из памятников киданьского времени в Центральной Азии позволяют дополнить имеющиеся представления о средствах защиты киданьских воинов.

ПАНЦИРИ

В памятниках киданьской культуры обломки панцирных пластин — частая находка. В жертвенниках встречаются отдельные пластины и их фрагменты. Во впускном погребении обнаружен относительно полный панцирный набор. Пластины весьма различны по форме.

По характеру расположения они относятся к трем отделам, по сечению к одной группе, представленной несколькими типами.

Отдел I. Ламеллярные. Группа I. Плоские пластины. Насчитывает пять типов.

Тип 1. Прямоугольные с округлым краем. Включает 58 экз. из памятников: Средне-Шайкино в Забайкалье; Ршаан-Хад, Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии³⁵. Длина пластин — 9 см, ширина — 3 см. Пластины с прямым верхним краем, параллельными сторонами, округлым нижним краем. Количество и расположение отверстий варьируют даже в пределах одного комплекса. В составе хиргист-хоолойского панцирного набора сохранились фрагменты по 2—4 соединенных между собой в горизонтальный ряд пластины. Многие пластины сохранились в обломках (рис. 40, 2).

Тип 2. Прямоугольные. Включает 4 экз. из памятника Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии³⁶. Длина пластин — 4 см, ширина — 6 см. Широкие пластины подпрямоугольных очертаний. Сохранились в обломках (рис. 41, 14).

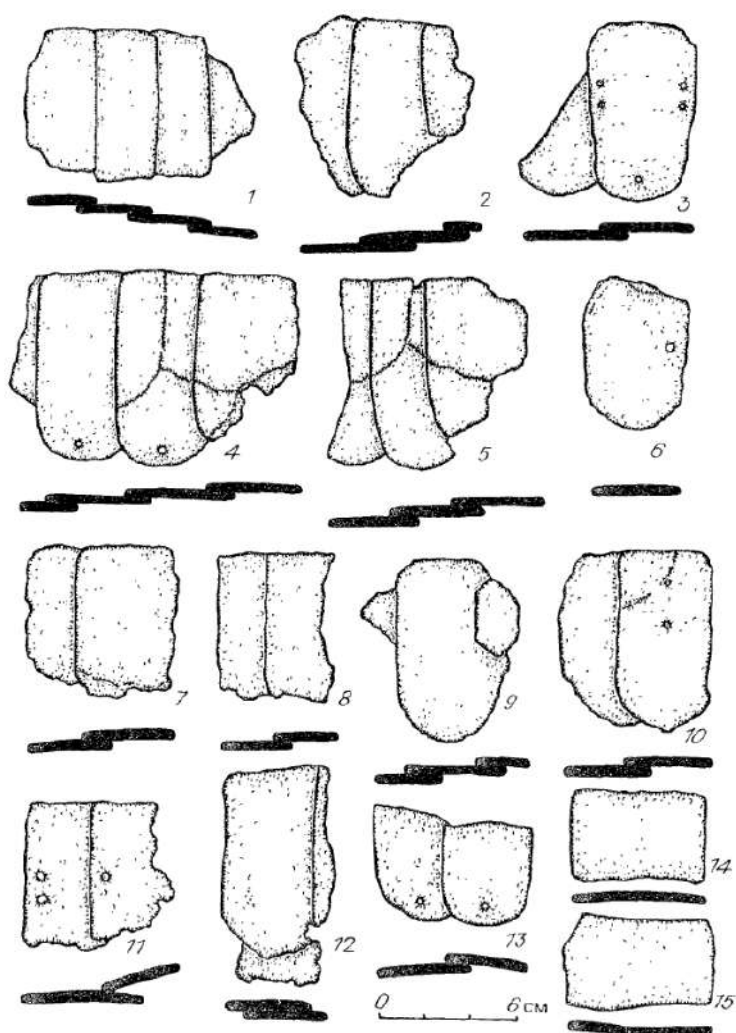

Рис. 41. Панцирные пластины киданей.

Тип 3. Прямоугольные с окантовкой по краям. Включает 3 экз. из памятника Цогт-Хиргист-хоолой, м. 3, п. 7 в Монголии³⁷. Длина пластин — 6 см, ширина — 4,5 см. Прямоугольные широкие пластины с окантовкой с внутренней стороны (рис. 40, 14).

Тип 4. Прямоугольные с зубчатым краем. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье³⁸. Длина пластин — 7 см, ширина — 1,5 см. Длинная узкая пластина с ребристым краем на одной из длинных сторон (рис. 42, 10).

Тип 5. Прямоугольные узкие. Включает 3 экз. из памятника Ршаан-Хад в Монголии. Длина пластин — 3,5 см, ширина — 1,2 см. Короткие узкие прямоугольные пластины (рис. 42, 1).

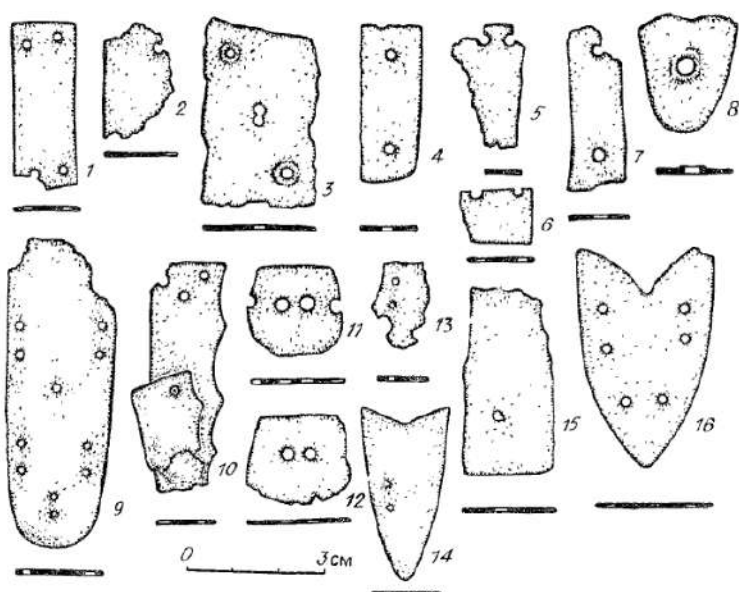

Рис. 42. Панцирные пластины киданей.

Отдел II. Чешуйчатые. Группа I. Плоские пластины. Насчитывает один тип.

Тип 1. Стреловидные. Включает 2 экз. из памятника Кара в Забайкалье³⁹. Длина пластин — 4,5 см, ширина — 2,5 см. Пластины с вогнутым верхним и приостренным нижним краем (рис. 42, 16).

Отдел III. Пластиначатые. Группа I. Плоские пластины. Насчитывает три типа.

Тип 1. Полуовальные. Включает 1 экз. из памятника Ршаан-Хад в Монголии. Длина пластины — 3 см, ширина — 2 см. Пластина с овальным нижним краем. Верхняя часть обломана (рис. 42, 8).

Тип 2. Прямоугольные. Включает 1 экз. из памятника Ршаан-Хад в Монголии. Длина пластины — 4 см, ширина — 2,5 см. Пластина прямоугольной формы (рис. 42, 3).

Тип 3. Трапециевидные. Включает 1 экз. из памятника Средне-Шайкино в Забайкалье. Длина пластины — 4 см, ширина — 2 см. Пластина с прямым нижним краем, полого сужающимися к верхнему краю сторонами. Верхний край обломан (рис. 42, 15).

Из-за фрагментарности некоторых пластин отнесение их к тому или иному типу в значительной мере условно. Некоторые обломки пластин не поддаются идентификации. Судя по изображениям и реконструкции М. В. Горелика, киданьский панцирь относился к типу жилета с двухчастным подолом⁴⁰. Вариантами данного типа являлись удлиненные жилеты с двухчастным подолом и наплечниками или обычный жилет с двухчастным подолом и наплечниками. Все панцири имели ламеллярную систему крепления, основанную на скреплении пластин ремешками в горизонтальный ряд и соединении рядов между собой, параллельно пластина к пластине. Одна-

Отдел	Группа	Тип	Тип доспеха	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	I 	1 	1 Жилет с подолом	9×3	58	Забайкалье Монголия	X - XII
		2 	1 Жилет с подолом	4×6	4	Монголия	X - XII
		3 	1 Жилет с подолом	6×4,5	3	Монголия	X - XII
		4 	2 Длинноп. жилет	7×1,5	1	Забайкалье	X - XI
		5 	1 Жилет с подолом	3,5×1,2	3	Монголия	X - XII
II 	I 	1 	3 Куяк	4,5×2,5	2	Забайкалье	X - XI
III 	I 	1 	3 Куяк	3×2	4	Монголия	X - XII
		2 	3 Куяк	4×2,5	1	Монголия	X - XII
		3 	3 Куяк	4×2	1	Забайкалье	X - XI

Рис. 43. Сводная таблица панцирных пластин киданей.

ко ряды соединялись по-разному. В некоторых случаях верхние ряды слегка перекрывали нижние, в других, наоборот, нижние ряды перекрывали верхние.

Среди находок центральноазиатских панцирей киданьского времени к типу жилета с подолом может относиться цогт-хиргист-хоолойский экземпляр. Судя по сохранившимся фрагментам, это был панцирь ламеллярной системы крепления, причем ряды пластин перекрывали друг друга сверху вниз. В составе панцирного набора два варианта прямоугольных пластин с округлым нижним краем, различающиеся по длине. Более короткие пластины, вероятно, входили в состав жилета, длинные — в состав подола. Не вполне ясно назначение прямоугольных пластин и прямоугольных пластин с окантовкой. Возможно, они окаймляли или усиливали жилет (рис. 43).

Пластины от аналогичного панциря найдены в среднешайкинском жертвеннике.

Прямоугольные пластины с зубчатым краем входили в состав разных типов панцирей⁴¹. На собственно киданьских доспехах они не зафиксированы. Однако близкие киданьским панцири типа длиннополого жилета с наплечниками, составленные из пластин с зубчатым краем, применялись в Китае⁴². Вероятно, пластина от такого панциря найдена в Среднешайкинском жертвеннике. Судя по этой находке, данный тип панциря был известен киданям.

Стреловидные пластины, несколько иных пропорций, нежели из жертвенника Кара, зафиксированы на памятнике раннего средневековья в Западной Сибири⁴³. Судя по конструкции, они могли входить в состав чешуйчатого панциря типа куяка.

Узкие прямоугольные пластины с двумя-четырьмя отверстиями по краям из Ршаан-Хадского жертвенника зафиксированы в памятниках раннего средневековья в Забайкалье и Южной Сибири⁴⁴. Они характерны для панцирей типа нагрудник с подолом, где применялись для окантовки основной площади защитного покрытия. Вполне вероятно, что они могли применяться и в составе киданьского панциря-жилета с двухчастным подолом.

Полуовальные пластины и пластины подпрямоугольной формы с отверстиями для заклепок могли применяться в составе пластинчатого панциря-куяка. Такие пластины известны в раннесредневековых памятниках Западной Сибири⁴⁵. Судя по находкам подобных пластин в Ршаан-Хадском жертвеннике, такие панцири были известны и киданям.

Типологическое разнообразие панцирей из памятников киданьского времени в Центральной Азии подтверждает мнение исследователей о высоком уровне развития защитного вооружения у киданей. Причем находки панцирных пластин позволили установить, что кидани применяли значительно больше разных типов панцирей, чем было известно по рисункам.

ШЛЕМЫ

В отличие от панцирных пластин, находки шлемов очень редки в памятниках киданьского времени в Центральной Азии. В памятниках империи Ляо шлем обнаружен лишь однажды в купольной гробнице императорского зятя в Данцзы в Маньчжурии. Эта находка и изображения шлемов проанализированы М. В. Гореликом, отметившим ряд характерных особенностей киданьских шлемов⁴⁶. Близкие по конструкции шлемы известны из Центральной Азии. По конструкции купола они относятся к одной группе, представленной одним типом.

Г р у п п а I. Четырехпластинчатые с накладными пластинами. Насчитывает один тип.

Тип 1. Сфероконические. Включает 2 экз. из памятников: Мунсумон в Монголии; Данцзы в Маньчжурии⁴⁷. Размеры не установлены. Шлемы со сфероконическим куполом, составленным из четырех пластин, соединенных накладными пластинами с фестонча-

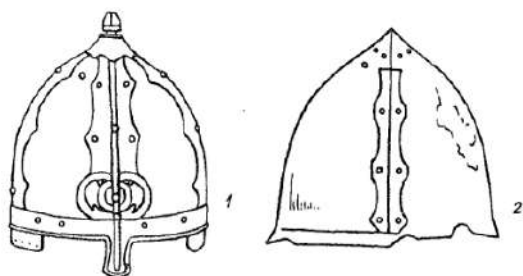

Рис. 44. Шлемы киданей.

На рисунках шлемов навершия уплощенные без выступов. Накладная пластина данцзынского шлема украшена в нижней части двумя вписанными окружностями. По нижнему краю шлемы были стянуты кольцевым обручем. Обруч данцзынского шлема имеет боковые выступы для крепления бармицы и наносник — выступ над переносицей. По краю обруча идет ребро. Обруч прикреплен к шлему заклепками. Пластины обручей имеют ровные края или фестончатый верхний край. У мун-сумонского шлема обруч не сохранился. Края пластин купола имели в нижней части полосу, слегка отогнутую наружу, к которой крепился обруч (рис. 44).

Шлемы на изображениях имеют пластинчатые бармицы, составленные из четырех рядов пластин, скрепленных ламеллярно, с наложением рядов сверху вниз и снизу вверх⁴⁸. В лицевой части шлема бармица уменьшается до одного ряда. Данцзынский шлем имел бармицу, крепившуюся к боковым и задней сторонам шлема с помощью выступов.

Киданьские панцирные всадники вступали в бой верхом на лошадях, защищенных конским доспехом. Конструкция киданьского конского доспеха проанализирована М. В. Гореликом на материалах изображений киданьских воинов⁴⁹. Конский доспех включал оголовье, нашейник, попону. Оголовье состояло из налобной пластины, ламеллярных пластинчатых нащечников и пластинчатого веерообразного гребня. Нашейник состоял из пластин, соединенных ламеллярно с перекрытием верхними рядами нижних. Он прикрывал шею и грудь лошади спереди, до уровня колен передних ног. Нашейник соединялся завязками на гриве лошади. Попона была трехчастной. Две части прикрывали бока лошади, третья — круп. Попона состояла из ламеллярно соединенных пластин, верхние ряды которых перекрывали нижние. Задняя часть попоны имела выступы, прикрывавшие колени задних ног лошади и лопасть, прикрывавшую хвост. Конский доспех подбит мягкой подкладкой. Поверх попоны укреплено седло со стременами.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

Комплекс вооружения киданей по письменным и изобразительным источникам проанализирован в ряде работ. М. В. Гореликом реконструирован внешний облик киданьского тяжеловооруженного воина времени существования империи Ляо⁵⁰.

Вид	Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
Стрелы	I	1	4×2,5	1	Монголия	X - XII
	II	1	4×1,5	1	Забайкалье	X - XI
	III	1	4×0,8	1	Забайкалье	X - XI
	IV	1	6×1,8	1	Монголия	X - XII
	V	1 - 2	4,5×1,2	3	Забайкалье	X - XI
	VI	1	7×3	1	Монголия	X - XII
	VII	1 - 6	3,5×1,5	22	Забайкалье Монголия Маньчжурия	X - XII
	I	1	4×0,8	1	Забайкалье	X - XI
Кинжалы	I	1 - 2	12×3	8	Забайкалье Монголия	X - XII
Копья	I	1	15×2	1	Монголия	X - XII
Панцири	I	1 - 3	—	7	Забайкалье Монголия	X - XII
Шлемы	I	1	—	2	Монголия Маньчжурия	X - XII

Рис. 45. Сводная таблица оружия киданей.

Автор подчеркивает широкое распространение панцирной защиты в киданьском войске⁵¹.

Новые материалы, хотя и не содержат принципиально новых данных, позволяют уточнить имеющиеся представления.

Киданьский воин имел на вооружении луки простой и сложно-составной форм, по 4 лука на каждого. Луки носились в налучьях из кожи. Воин мог стрелять по цели стрелами с трехлопастными, двухлопастными и плоскими небронебойными железными наконечниками. Для пробивания брони применялись четырехгранные прямоугольные, ромбические, линзовидные наконечники. На северной периферии киданьской державы воины иногда пользовались костяными наконечниками. Стрелы хранились в кожаных колчанах. В ближнем бою воин мог использовать копье, палму, меч, булаву. В рукопашном бою — кинжал. Воины были защищены сфероконическими шлемами, ламеллярными панцирями-жилетами с подолом и длиннополыми жилетами, чешуйчатыми куяками и пластинчатыми куяками (рис. 45, 46). Доспехом было защищено тело боевого коня.

Таким был набор вооружения панцирных всадников, из которых состояли отряды императорской гвардии-ордо. Вещественные источники подтверждают сведения о широком распространении панцирного доспеха у киданей. Однако вряд ли вся разноплеменная киданьская армия времени существования империи Ляо была

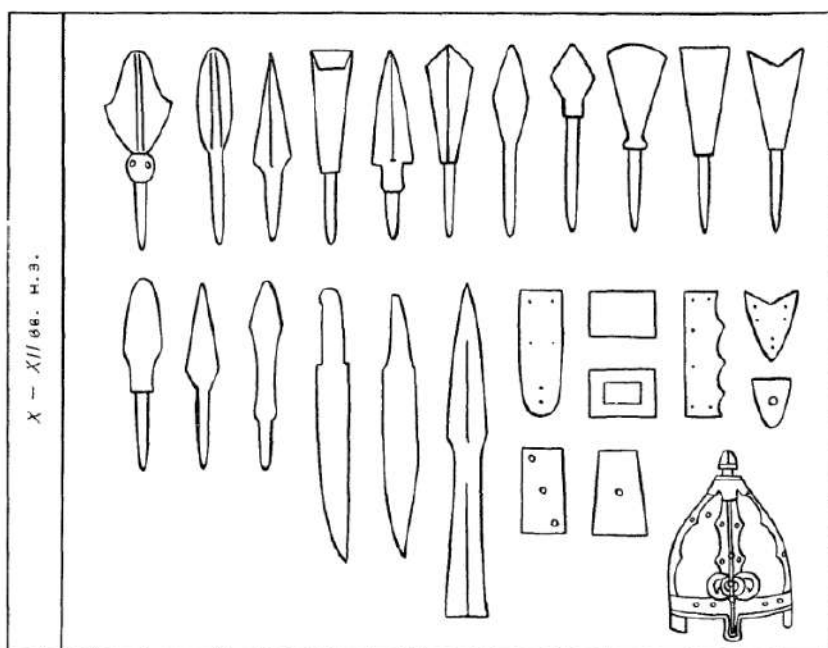

Рис. 46. Типолого-хронологическая матрица оружия киданей.

вооружена одинаково. Воины из пограничных гарнизонов, из вспомогательных отрядов, формируемых из покоренных племен, были вооружены иначе. О необходимости борьбы с маневренным легковооруженным противником свидетельствует и спектр типологического разнообразия киданьских стрел, большая часть которого была ориентирована для стрельбы по незащищенному панцирем противнику. В источниках упоминаются легковооруженные конные отряды киданей (рис. 47, 48).

Представляется вероятным, что в Монголии и Забайкалье киданьские воины составляли гарнизоны пограничных крепостей и состояли из тяжеловооруженных воинов. Вспомогательные отряды в этих землях формировались из местных монголоязычных и тюркоязычных племен: татар (дада) и цзубу (уйгуров). Воины вспомогательных войск были легковооруженными конными лучниками. В составе войск империи Ляо имелись отряды пехоты из покоренных бохайцев и китайцев. Однако в центральноазиатских владениях киданей эти отряды, по-видимому, не использовались для пограничной службы и военных действий.

СТРУКТУРА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Структура военной организации киданей в империи Ляо довольно подробно исследована В. Е. Ларичевым и Л. В. Тюрюминой⁵². Имеются замечания об организации войск

у киданей и в других работах⁵³. Письменные источники содержат немало ценных сведений о военной организации киданей.

Хотя племена киданей известны в качестве отдельного этнического образования с IV в.н.э., длительное время они не играли сколько-нибудь заметной роли в военной и политической истории Центральной Азии. В середине I тыс. н.э. кидани распадались на отдельные роды и кочевья, во главе которых стояли вожди — мофухэ и чуфу. В военных событиях этого периода киданьские вожди нередко действовали самостоятельно: совершали набеги на пограничные районы Китая, подчинялись той или иной династии, воевали друг с другом⁵⁴. В VI в. кидани были покорены тюрками I каганата и управлялись тюркским наместником — тутуком Паньчжи. В VII в.

н.э. кидани делились на восемь кочевий. Во главе каждого из них стоял дажень — вождь, но имелся и общий правитель из рода Дахэ. В случае военных действий необходимо было согласие всех кочевий. Киданское войско в этот период насчитывало «43 тысячи превосходных воинов»⁵⁵. В конце VII в. один из правителей киданей Цзиньме провозгласил себя ушан каганом. Однако в начале VIII в. н.э. кидани вновь попали в зависимость от тюрков II каганата. В это же время они «изъявляли покорность» и династии Тан, являясь «двоеданцами». У киданей упоминаются отряды легковооруженных всадников. В 30-е годы VIII в. кидани вновь перешли на сторону тюрков. Вероятно, под влиянием тюрков киданьские вожди стали именовать сыззинями (иркинами, тегинами). Упоминаются среди вождей киданей также селифа (эльтеберы). В этот период у киданей было уже «более 100 вождей кочевий»⁵⁶. В VIII—IX вв. кидани подчинялись уйгурам. Киданьский правитель получил от уйгуров государственную печать. Уйгуры смогли нанести пораже-

Рис. 47. Изображения киданьских воинов — тип 1.

Рис. 48. Реконструкция тяжелооруженного киданьского воина.

ние киданям даже в 842 г., после падения каганата⁵⁷. Какая-то часть уйгуров переселилась на киданьские земли.

На протяжении всего периода раннего средневековья кидани враждовали с родственными племенами кумохи и шивэй. Усиление киданей началось в конце IX в., когда во главе киданей стал ван Сиэрчи. В правление его преемника Циньдэ кидани подчинили «все мелкие кочевья» монголоязычных племен, даданей, кумохи и шивэй⁵⁸.

Усиление власти военного вождя способствовало тому, что прежний порядок смены вождя через три года был нарушен вождем Елюем Амбагянем, устранившим от власти род Дахэ и провозгласившим себя ваном. Усиление киданей способствовало росту численности армии, которая в X в. насчитывала уже 300 (500) тыс. воинов⁵⁹. Елюй Амбагянь совершил в начале X в. два похода, покорив

степные племена Центральной Азии. Однако основное направление военной политики киданей было ориентировано на взаимоотношения с Китаем, где в этот период происходила частая смена династий. Преемнику Амбагяня Дэгуану удалось активно вмешаться в китайскую междоусобицу и возвести на престол своего ставленника Ши Цзинтана из династии Поздняя Цзинь, находившейся в зависимости от киданей. В 937 г. Дэгуан провозгласил свое государство империей Дайляо. В состав киданьского государства вошли 16 северных областей Китая. В 947 г. Дэгуан занял столицу Китая и объявил себя китайским императором⁶⁰.

Войско киданей империи Ляо состояло из императорской гвардии — ордо, военных отрядов племен, вспомогательных отрядов, отрядов пограничных войск. Особые подразделения составляли отряды телохранителей императора и высших чиновников.

Ордо — тяжелооруженная конная гвардия — формировалась по внеплеменному принципу из наиболее храбрых и надежных воинов киданей. Первоначально численность гвардии составляла 2 тыс. воинов, в период расцвета империи достигла 100 тыс. человек. В состав гвардии начали включать иноплеменников — цзубу,

китайцев, бохайцев, других народов, даже военнопленных⁶¹. Такая политика вела к постепенному истощению людских ресурсов и ухудшению боеспособности главной ударной мощи войска. Племенные ополчения, составлявшие основу киданьского войска в доимперский период, продолжали сохранять свое значение. Однако по своей надежности и, вероятно, вооруженности они уступали гвардии.

Гарнизоны опорных пунктов-крепостей составлялись из воинов ордо. Пограничные войска — из племенных отрядов. В пределах каждой военно-административной единицы имелись подразделения постоянно находящихся в строю. Численность пограничных войск достигала 100 тыс. воинов.

Вспомогательные отряды формировались из покоренных народов. Из них составляли отряды пехотинцев: лучников, копьеносцев и меченосцев, катапультеров. Численность вспомогательной армии достигала нескольких сотен тысяч человек. Каждая семья обязана была дать в армию двух мужчин. Вспомогательные отряды использовались при осаде городов, прокладке дорог, опустошении сельскохозяйственных угодий на вражеской территории⁶².

Отряды телохранителей императора и высших сановников, включая «непоколебимое войско» численностью в 1000 воинов, формировались из числа самых опытных и храбрых воинов, нередко знатного происхождения. «Непоколебимое войско», охранявшее императора, формировалось из членов рода Елюй⁶³. Вероятно, эти отряды были вооружены самым лучшим оружием.

Все отряды делились на подразделения по азиатской десятичной системе по 5, 10, 50, 100 воинов. Все взрослое мужское население в возрасте от 15 до 50 лет империи было приписано к армии и занесено в специальные военные книги⁶⁴. По указу о мобилизации каждый воин должен был явиться на сборный пункт в полном вооружении, со снаряженным боевым конем, запасом провианта и фуражом. Мобилизацию осуществляли чиновники-сиваны и начальники крепостей — тунцзюни. Сигналом о мобилизации служили серебряные бирки-пайцзы с надписями «Следует спешить», рассылаемые с курьерами сиванам и тунцзюням на императорские заставы⁶⁵. После сбора войск чиновники извещали императора о готовности. На сборном пункте осуществлялись проверка явившихся по спискам, производился смотр войск. Император посылал на сборные пункты военачальников с половиной золотой бирки в виде рыбки. При соединении половины бирки военачальник принимал собранное подразделение. Каждый отряд получал свои знамена и барабаны. Отряды направлялись в пункт назначения. По прибытии устраивался общий смотр войск. Император назначал главнокомандующего центром и командующих флангами — дутуней и их помощников-дуцзяней. Наиболее крупные военные кампании возглавлял сам император. Если император не выступал в поход лично, то назначал главнокомандующего — юваньсувая. Главнокомандующему вручались символы военной власти — обоюдоострый меч и знамена⁶⁶.

Собранные войска разбивались на отряды по 600—700 воинов, 10 отрядов составляли одну колонну — дао, 10 колонн — 1 фланг-мьянь. Тридцать тысяч отборных воинов включались в походное «охранное императорское войско». Три тысячи воинов, вооруженных копьями, составляли авангард армии. Выделялись специальные «передовые отряды» по 100 воинов и разведгруппы по 10 воинов, действовавшие впереди и по флангам продвигавшейся армии. Во главе каждого отряда ставились командиры. Формировался особый отряд из представителей разных племен для распространения дезорганизующих слухов в стане противника⁶⁷. Своим военным отрядам и крупным воинским соединениям кидане давали названия: «железные коршуны», «армия орлов», «армия соколов», «армия тигров», «армия драконов»⁶⁸.

Центральноазиатские области киданьской империи входили в район Шамофу, который осуществлял контроль над землями к северу от пустыни Гоби. «Здесь были созданы: западное управление главного воеводы-усмирителя; охрана из племени аовэй, управление военного инспектора по реке Люйцзюй; управление генерал-губернатора Даоталина; различные военные отряды для усмирения племен дадань, мэngu, диле»⁶⁹.

Племена дадань, юйцзюэли обязаны были выставять «более тысячи всадников» во вспомогательные войска.

Часть северных и восточных племен, зависимых от киданей, входили в район Чанчунь, созданный для «усмирения» нюйчжэнь и шивэйцев. Здесь были созданы: управление главнокомандующего пешими и конными войсками в области Хуаньгун; управление сяньвэнь пеших и конных войск в области Сяньчжоу; управление главного военного инспектора северо-восточного направления⁷⁰.

Племена шивэй и нюйчжэнь обязаны были выставять по тысяче всадников во вспомогательные войска.

По-видимому, опорными пунктами данной системы военного управления на местах были киданьские крепости в Монголии и Забайкалье.

В период падения империи Ляо эти районы явились одним из последних очагов сопротивления чжурчжэньскому завоеванию. После крушения империи Ляо кидани частью подчинились империи Цзинь, частью ушли с Елюем Даши в Восточный Туркестан, где создали каракиданьское государство⁷¹.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

В период раннего средневековья военные отряды киданей, состоявшие из легковооруженных всадников, применяли на поле боя тактику рассыпного строя. Военная стратегия киданей сводилась к набегам на земледельческие области Китая, на соседние кочевые племенные союзы. Кидани периодически попадали в вассальную зависимость от тюрок, уйгуров, империи Тан.

Политическое возвышение киданей началось со второй половины IX в., когда с разгромом Уйгурского каганата кыргызами кидани лишились грозного врага в степях Центральной Азии. Кидань-

ские ваны Сизэрчи и Циньдэ подчинили родственные племена даданей, сисцев и шивэйцев⁷². В состав киданьского воинства вошла часть уйгуров, бежавших от кыргызского разгрома. Это значительно увеличило военные силы киданей. Киданьская гвардия-ордо вооружается тяжелыми защитными доспехами, обретает устойчивость в ближнем бою.

Наличие этого мощного постоянного тяжеловооруженного войска стало основой господства киданей над соседними кочевыми племенами. Опираясь на войско, Елюй Амбагянь смог утвердить централизованную власть, создать военно-административную систему, создать киданьское государство⁷³. С созданием мощной военной машины тактика боя и стратегия войн претерпели решающие изменения. Киданьские полководцы предпочитали широкий маневр, глубокое проникновение в тылы противника, высоко ценили внезапность нападения. Перед сражением киданьские воины облачались в доспехи, пересаживались на свежих заводных коней. Решающей атаке предшествовала тщательная разведка, выяснявшая примерную численность вражеского войска, характер построения противника, рельеф местности, возможные пути к отступлению. Киданьское войско стремилось окружить построение противника. Первую линию атаки составляли легкие лучники, вторую — воины, вооруженные мечами и копьями, третью — тяжеловооруженные воины. Сражение начиналось атакой лучников, осыпавших войско врага «тучей стрел». Для усиления психологического эффекта атакующие издавали громкие крики, сливавшиеся в сплошной гул, либо атаковали молча под грохот лошадиных копыт. Если противник не выдерживал и бросался в бегство, кидани преследовали бегущих и довершали разгром. Если же вражеские воины держались стойко, отряды атакующих меняли друг друга. Такие атаки велись непрерывно по 2—3 дня до изнеможения противника. Кидани пытались сломить противника и тем, что, привязав к хвостам лошадей метлы, напускали на вражеские войска тучи пыли. Отступающего врага кидани преследовали, стремясь вновь и вновь навязать ему сражение на выгодных для себя условиях. При поражении киданьское конное войско рассеивалось, чтобы через некоторое время «собраться вновь»⁷⁴.

Небольшие отряды киданей, составленные из легких всадников, совершали ночные рейды в тыл врага, внося панику. Кидани устраивали засады, стремясь атаковать противника внезапно.

Большим мастером такого рода военных хитростей был полководец Елюй Сюю, одержавший несколько побед над сунскими войсками за счет внезапных нападений⁷⁵. Вместе с тем необходимо отметить, что стрельба из лука, по-видимому, преобладала среди средств ведения атаки.

Киданьские войска умели осаждать и штурмовать крепости. Они стремились захватывать укрепления с ходу за счет внезапности и стремительности нападения. Если атака сходу не удавалась, выделялся отряд для осады, и остальное войско продолжало продвижение в глубь вражеской территории. Войска осаждающих подразделялись на три отряда, занимая стратегически важные пункты

по периметру крепостных стен. Конные дозоры следили за воротами крепости. Перед штурмом кидани сгоняли окрестное население засыпать рвы. Для разрушения стен использовались катапульты и тараны. Осадную технику обслуживали китайцы из вспомогательных войск. При штурме кидани гнали впереди своих воинов военнопленных, которые должны были под страхом смерти первыми взбираться на стены, а вслед за ними, по трупам, шли на штурм сами кидани⁷⁶.

Кидани умели и оборонять крепости, делать вылазки, вести защиту стен. Ими создана сеть фортификационных сооружений в Маньчжурии, Монголии, Забайкалье⁷⁷. В основном это равнинные крепости с квадратной и прямоугольной планировкой, земляными стенами, угловыми башнями, двумя-четырьмя воротами. В некоторых из них имеются цитадели. Стены крепостей не всегда окаймлены рвами.

На территории Маньчжурии дворы крепостей застроены, т. е. это укрепленные города. В Монголии дворы крепостей нередко лишены построек, т. е. это укрепленные военные пункты — крепости-убежища. Отличительные особенности имеет фортификация крепости Коктуй в Забайкалье и Улугчийн-хэрэм в Монголии⁷⁸. Первая имеет округлый в плане двор, кольцевую стену и ров, внутри двора — квадратную цитадель. Вторая имеет двор сложной полигональной в плане конфигурации, охватывающей подножие, склон и гребень скальной гряды. Стены этой крепости сложены из камня.

Гарнизоны крепостей состояли из киданьских воинов, китайцев и бохайцев. В ходе военных действий под защиту крепостей уходили и подразделение полевой армии.

Военное искусство киданей имперского периода унаследовало многие традиционные формы военного дела кочевников. В войнах с Китаем кидани стремились использовать преимущество в мобильности своих конных армий, ведя наступление сразу по нескольким направлениям, перерезая коммуникации противника, расчлняя оборону, проникая глубоко в тыл вражеской территории. Моделью такого наступления являлись облавные охоты. Еще до начала решающих сражений киданьские войска наносили противнику большой урон, опустошая его страну, внося панику, дезорганизуя тыл⁷⁹. Опыт грабительских набегов предшествующих веков позволил киданям организовывать походы без обеспечения войск продовольствием и фуражом, которые захватывались на вражеской территории. Киданьская армия одновременно обеспечивала себя и наносила ущерб противнику.

Организация наступления приурочивалась к осени, времени сбора урожая. Кидани стремились проводить скоротечные кампании, чтобы к зиме вернуться в свои земли.

Кидани придавали большое значение психологической стороне военного дела. Воспитанию храбрости и беспощадной жестокости воинов способствовали различные религиозные церемонии, расстрел военнопленных как жертвоприношение за успех предстоящей кампании перед началом войны. Высокому престижу военной деятельности способствовала система военных отличий, парадность во-

инского церемониала. В то же время в армии существовала суровая воинская дисциплина, проступки жестоко карались⁸⁰.

Большое значение придавали кидани моральному подавлению, запугиванию противника, благодаря чему с исключительной жестокостью относились к противнику, населению покоренных областей в период ведения военных действий. В источниках имеются свидетельства многочисленных разрушений, опустошений вражеской территории, истребления военнопленных, глумления над обычаями покоренного народа. Одновременно кидани охотно принимали в свои ряды перебежчиков⁸¹.

Подобная «тактика» не всегда приносила успех, нередко вызывая возмущение и ожесточенное сопротивление населения покоренной страны.

Стратегия ведения войн киданями была перманентно наступательной. Они стремились подчинить, «усмирить» все соседние кочевые племена, покорить и присоединить земледельческие страны. Такая линия приносила успех в течение полутора столетий. Киданьские правители строили амбициозные планы мирового господства⁸². Однако по мере роста территории империи Ляо, втягивания киданьского населения в постоянные войны, отрыва от хозяйственной деятельности, людские ресурсы киданьского этноса были истощены и империя пала под ударами чжурчжэней. Вероятно, сыграло свою роль и «повреждение нравов» киданьской знати⁸³, ассимиляция в ханьской среде.

Многие традиции военного искусства киданей были унаследованы кара-киданами, чжурчжэнями, монголами.

Глава вторая

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛОВ

Благодаря грандиозным масштабам монгольских завоеваний в Евразии в XIII в., военная деятельность монголов поражала воображение и привлекала пристальное внимание современников и участников событий, позднейших историков военного искусства и исследователей истории стран, воевавших с монголами. Различные стороны военного дела монголов — производство вооружения, принципы формирования войска, особенности тактики и стратегии монгольской армии, события военной истории монголов — нашли довольно подробное освещение в письменных источниках, принадлежавших как самим монголам и иностранцам на монгольской службе, так и путешественникам, послам, летописцам других стран и народов. Эти данные неоднократно становились объектом специального изучения со стороны военных историков.

Одним из первых в отечественной науке обратился к изучению данной темы М. Иванин¹. Он рассмотрел систему комплектования войск по десятичному принципу: состав армии, состоявший из двух родов войск, легкой и тяжелой конницы; способы подготовки и ве-

дения войны; тактику осады крепостей; использование осадной техники; характер гарнизонной службы; способы преодоления водных преград и др. Довольно скупо описывает М. Иванин вооружение монголов, которое «состояло из лука, стрел, секиры, пики, к коим приделывались крючья для стаскивания с седла неприятельских всадников, кожаных и железных касок, щитов, кирас и проч.»². Судя по приводимым сведениям, основным источником для М. Иванина послужило сочинение Плано Карпини, хотя он упоминает и другие работы, например труды о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина). В своей книге М. Иванин, по существу, пересказывает содержание сведений из «Истории монголов», не углубляясь в анализ.

Такой же компилятивной была и работа М. Маркова «История конницы»³, в которой автор активно использовал труды предшественников, основанные на наблюдениях Плано Карпини и В. Рубрука.

Многих исследователей привлекала личность основателя монгольской империи Чингисхана, в особенности его военная и политическая деятельность. О военных аспектах деятельности Чингисхана, о его роли в создании монгольского государства и регулярной армии, о его военной политике писали в своих трудах Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, П. И. Кафаров, К. Д'Оссон, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. Н. Березин, Г. Вернадский, Ю. Н. Рерих⁴ и др. Наиболее полная сводка данных письменных источников о военном деле монголов содержится в труде Ю. Н. Рериха «История Средней Азии»⁵. Автор использовал для реконструкции военной системы монголов монгольские, китайские, персидские и европейские источники. В его работе рассмотрена структура военной организации монголов, система построения войска и управления военными делами, вооружение монгольских воинов, служба снабжения и тыла, стратегия и тактика монголов, роль Чингисхана в создании монгольской армии и военных успехах монголов⁶. Ю. Н. Рерих, в отличие от ряда предшественников, не просто излагает и комментирует сведения источников, а предлагает свои объяснения и оценки событий. Так он считал, что монголы уступали своим противникам по численности, но превосходили боеспособностью: «Малочисленные отряды монгольской конницы одерживали блестящие победы не числом сабель, но правильной стратегической мыслью своих вождей, прекрасной тактической подготовкой, маневренностью, железной дисциплиной, выносливостью людей и коней»⁷. Он очень высоко оценивал военное искусство монголов и полководческие способности Чингисхана. «Походы Чингисхана имеют выдающееся значение для военной истории. Не будет преувеличением сказать, что они создали эпоху в истории военного искусства. Многие в тактике монголов XIII в. настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения. Впервые в истории Среднего и Дальнего Востока военные операции велись хорошо организованными и обученными войсками. Этой регулярной организацией монгольских войск объясняется легкость их побед над противником, который часто был более многочислен-

ным»⁸. «Многое в этой тактике было заимствовано монголами от своих предшественников — хуннов, жуань-жуаней, тюрков, но многое, несомненно, принадлежит национальному творчеству монголов и было впервые введено их гениальным вождем Чингисханом»⁹.

Наряду с вводом в научный оборот и анализом письменных источников, начиная с 90-х гг. XIX в. все большее значение приобретает расширение круга вещественных и изобразительных источников. Могины «поздних кочевников», часть из которых была позднее отнесена к монгольской культуре, раскапывали в Забайкалье и Прибайкалье Ю. Д. Талько-Гринцевич, Б. Э. Петри, Г. Ф. Дебец, Г. П. Сосновский, А. П. Окладников, П. П. Хороших¹⁰. Первые опыты классификации средневековых материалов и отнесение некоторых из них к монгольскому времени принадлежит Ю. Д. Талько-Гринцевичу, Г. Ф. Дебецу, Г. П. Сосновскому и А. П. Окладникову¹¹. В 40—50 гг. изучение памятников монгольского времени в Забайкалье было продолжено А. П. Окладниковым и Е. А. Хамзиной¹². А. П. Окладниковым исследовались петроглифы монгольского времени в Забайкалье и Монголии¹³. С. В. Киселев исследовал «древнемонгольские» города Забайкалья и Монголии¹⁴, Л. Р. Кызласов — Тувы¹⁵. В 50-е гг. развернулось изучение памятников монгольской культуры на территории Монголии. Памятники монгольского времени исследовались Ц. Доржсурэном, Х. Пэрлээ и др. В 1970 г. Е. А. Хамзиной были обобщены материалы Западного Забайкалья, выделены памятники монгольского времени¹⁶. Эта работа стала в дальнейшем ориентиром для создания периодизации средневековых памятников Прибайкалья И. В. Асеевым¹⁷ и Восточного Забайкалья Е. В. Ковычевым¹⁸ и В. Ф. Немеровым¹⁹. Исследованием памятников Прибайкалья в последние десятилетия занимались В. В. Свинин и М. А. Зайцев²⁰, Забайкалья — П. Б. Коновалов, И. И. Кириллов, С. В. Данилов, Н. В. Именохоев²¹. В Монголии раскопки столицы Монгольской империи проводились Н. Сэр-Оджавом и В. Е. Войтовым²². Монгольские могилы этого периода исследовались Д. Навааном, Д. Баяром, Г. Мэнэсом, В. В. Волковым, А. П. Окладниковым, И. В. Асеевым, Ю. С. Худяковым, Ю. А. Плотниковым²³ и др. В результате многолетних исследований памятников в Забайкалье и Монголии собрана значительная коллекция предметов вооружения, относящаяся к монгольскому времени, что создало основу для обобщения имеющихся данных. В 80-е гг. автором настоящей работы были введены в научный оборот находки некоторых категорий предметов вооружения из музейных собраний Читы, Иркутска, Улан-Батора, Мурэна²⁴. Значительную серию среди них составили наконечники стрел монгольского времени. Анализ отдельных комплексов оружия монголов начался в 60-е гг. Серия находок предметов вооружения дистанционного и ближнего боя из раскопок монгольской столицы Каракума была описана С. В. Киселевым и Н. Я. Мерпертом²⁵. Наблюдения авторов были использованы А. Ф. Медведевым для идентификации «татаро-монгольских» стрел в памятниках Восточной Европы²⁶. Анализ материалов по вооружению монгольского времени из Восточного Забайкалья посвящен ряд работ. Главную трудность

в изучении этих данных представляет их нерасчлененность в хронологическом и культурном отношении, так как существующие периодизации приборайкальских и забайкальских памятников не дают четких ориентиров для этого. Поэтому в работе И. В. Асеева, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева весь рассматриваемый материал I и II тыс. н. э. дан суммарно²⁷. В статье В. Ф. Немерова объединены материалы монгольской культуры с находками из памятников тунгусоязычного населения Восточного Забайкалья²⁸. Ряд авторов выделяет памятники «ранних монголов» X—XII вв. н. э.²⁹. Другие считают невозможным расчленить памятники XI—XIV вв. н. э.³⁰, третьи полагают, что все имеющиеся материалы относятся к монгольскому времени, а памятники XI—XII вв. н. э. еще не обнаружены³¹. В 80-е гг. были написаны студенческие работы по эволюции отдельных видов и комплексов вооружения средневекового населения Западного³² и Восточного Забайкалья³³.

В 70—80-е гг. ряд работ, посвященных реконструкции защитного вооружения монгольских воинов, был опубликован М. В. Гореликом³⁴. Наряду с привлечением сведений письменных источников и некоторых вещественных находок, автор широко привлекает изображения монгольских воинов, прежде всего персидские и китайские миниатюры, использует позднесредневековые панцири и шлемы из музейных собраний. В работах М. В. Горелика реконструированы различные типы защитного металлического и неметаллического вооружения монголов, преимущественно эпохи чингисидов, с привлечением данных с очень широкой территории от Восточной Европы и Передней Азии до Японии³⁵. М. В. Горелик считает возможным использование для реконструкции защитного вооружения единой, по его мнению, «культуры чингисидов», материалы разных кочевых культур монгольского времени. В принципе, подобный подход правомерен, так как все кочевые племена Евразии входили в состав монгольских государств, возглавляемых потомками Чингисхана. Однако это не исключает региональных особенностей вооружения в зависимости от конкретного состава армий различных улусов. Вряд ли правомерно все особенности синкретичных культур государств чингисидов, в том числе их вооружения, связывать исключительно с монголами. Наоборот, с момента включения в состав Монгольского государства многих иноэтнических племен и народов монгольское войско становится разноплеменным, в его состав мобилизуются воины оседлых государств, включаются целые отряды китайцев, чжурчженей, тангутов, русских и др. Едва ли такое войско можно считать собственно монгольским, а особенности его вооружения и военного искусства связывать только с монголами. Конечно, организующая роль монголов была в армиях улусов чингисидов определяющей, но войска каждого из них должны были существенно различаться по составу контингента, характеру вооружения и особенностям военного искусства.

В настоящем исследовании мы не ставим своей задачей оценку последствий монгольских завоеваний для всей Евразии, определение вклада монголов в развитие военного искусства на всем пространстве, занятом монгольскими улусами. Наша цель — охарак-

теризовать комплекс вооружения, структуру военной организации и особенности военного искусства монголов в Центральной Азии с момента зарождения государственности до выхода на мировую арену военной истории. На базе имеющихся данных можно проследить развитие военного дела у монголов до того, как оно трансформировалось в военную сферу деятельности государств чингисидов. Проблематика, связанная с изучением военной деятельности монголов во всемирном масштабе, очень широка, она заслуживает специального исследования и не будет рассматриваться в данном разделе.

Как указывалось выше, несмотря на предпринимавшиеся попытки оценки вооружения монголов на материалах Забайкалья и в целом Евразии в контексте с оружием других этносов эпохи средневековья, имеющиеся данные, прежде всего вещественные источники, еще не обобщены и не проанализированы в достаточной мере, не выявлена специфика военного искусства монголов в сравнении с другими кочевыми этносами. В настоящем исследовании привлекаются предметы вооружения из раскопок и сборов с территории Монголии, Тувы, Прибайкалья, Западного и Восточного Забайкалья, из памятников монгольского времени, относящихся к собственно монгольской культуре: погребений, поселений, городищ, хранящиеся в коллекциях музеев, научных и учебных учреждений Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Кяхты, Ховда, Улан-Батора, Мурэна, Улангома. Используются также публикации. Анализируются изображения монгольских воинов и сведения письменных источников. Комплекс вооружения монгольского воина включал средства дистанционного, ближнего боя и защиты.

В монгольских памятниках наиболее частой находкой являются предметы вооружения дистанционного боя и снаряжения: детали луков, стрел, колчанов.

ЛУКИ

Монгольские луки относятся к одной группе — сложносоставных. По количеству и местоположению накладок среди них выделяется несколько типов.

Тип 1. Со срединной фронтальной накладкой. Включает 17 экз. из памятников: Анга III, м. 6; Ольхон, м. 1; Усть-Талькин, м. 18, 59 в Прибайкалье³⁶; Варварина Гора, п. 8; Енхор, п. 37; Зугмара, п. 2; Кибалино, м. 11, 14; Малая Кулинда, п. 4, 5, 13; Падь Сухая; Подчерная, п. 2, 4; Тапхар VI, м. 3, 9; Хоринск; Ярикто, п. 1 в Западном и Восточном Забайкалье³⁷; Мурэн в Монголии. Размеры лука не установлены. Срединные фронтальные накладки длинные, широкие, массивные, с расширяющимися концами. Длина накладок от 15 до 25 см, ширина до 3 см. Расширяющиеся концы накладок нередко бывают неодинаковой длины. Один конец значительно длиннее другого. По внутренней стороне накладок нанесена сетчатая или линейная нарезка для приклеивания к деревянной основе кибиты³⁸ (рис. 49; 50, 1, 5).

Тип 2. Со срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладками. Включает 9 экз. из памятников: Бегул, Усть-Талькин,

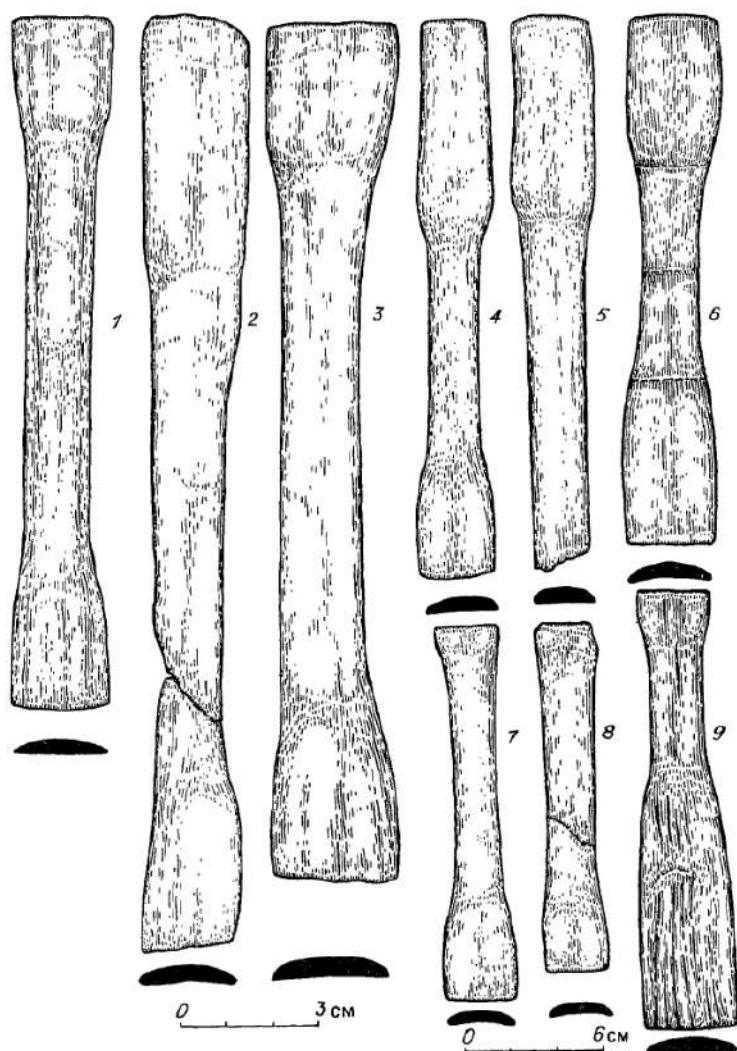

Рис. 49. Накладки луков монголов — тип I.

м. 2 в Прибайкалье³⁹; Енхор, п. 23; Зугмара, п. 5, 7; Малая Кулинда, п. 6; Токчин, п. 1; Чиндант, п. 2 в Западном и Восточном Забайкалье⁴⁰; Керулен, п. 3 в Монголии⁴¹. Длина достигает 120 см⁴². Срединные фронтальные накладки длинные узкие и широкие, с расширяющимися концами. Длина накладок — 18—27 см, ширина 2,5—3 см. Расширяющиеся концы бывают различной длины. Плечевые фронтальные накладки длинные, узкие и широкие, с одним сужающимся концом. Длина накладок — 9—27 см, ширина — 1—2,5 см. Судя по тому, что плечевая накладка крепилась лишь на одно плечо кибити, луки данного типа были асимметричными (рис. 50; 2, 3; 51, 3, 5, 6).

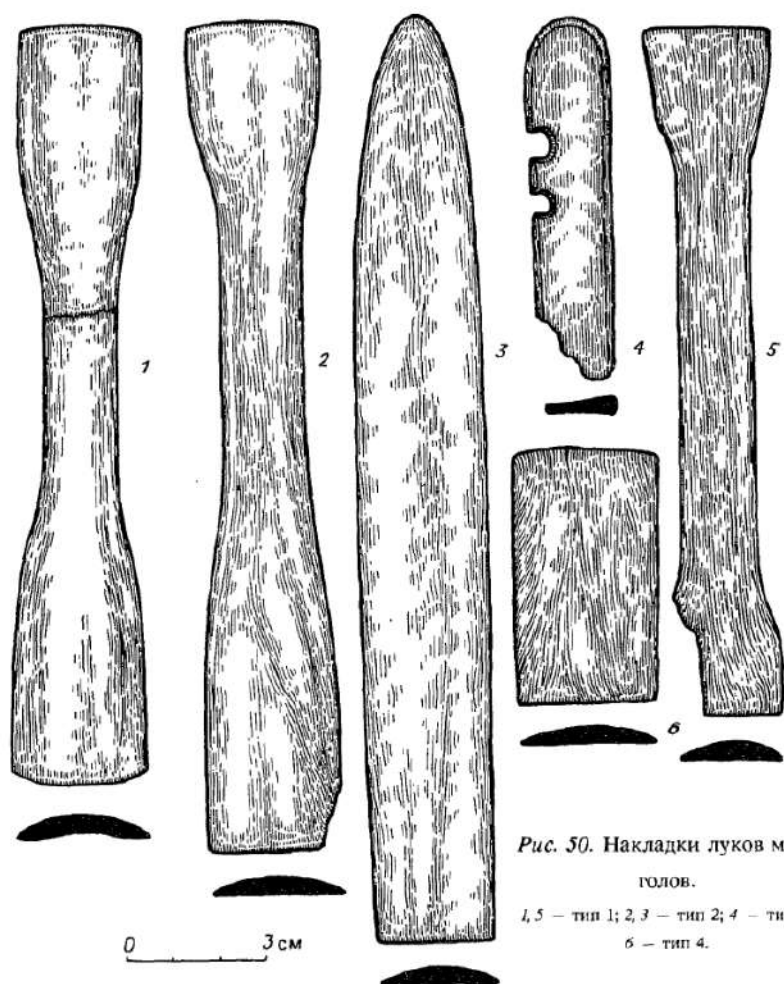

Рис. 50. Накладки луков монголов.

4, 5 — тип 1; 2, 3 — тип 2; 4 — тип 3;
6 — тип 4.

Тип 3. С концевым вкладышем. Включает 1 экз. из памятника Усть-Талькин, м. 70 в Прибайкалье⁴³. Размеры лука не установлены. Концевой вкладыш с округлым концом и двумя арочными вырезами для крепления тетивы. Нижний конец обломан. Луки данного типа были асимметричными (рис. 50, 4).

Тип 4. С концевым вкладышем, плечевыми и срединной фронтальной накладками. Включает 4 экз. из памятников: Онкули, п. 3; Оловянная II, п. 1; Монды, п. 1 в Западном и Восточном Забайкалье⁴⁴. Размеры лука не установлены. Концевые вкладыши короткие, с округлым или тупоугольным концом, арочным вырезом для тетивы, длиной — 4,5—7,5 см, шириной — 2 см. Плечевые фронтальные накладки длинные и короткие, широкие, длиной от 3,5 до 15,5 см, шириной — 3 см. Срединные фронтальные накладки длинные, широкие, с расширяющимися концами, длиной — 14,5—20 см, шириной — 2,5 см. Судя по наличию одного концево-

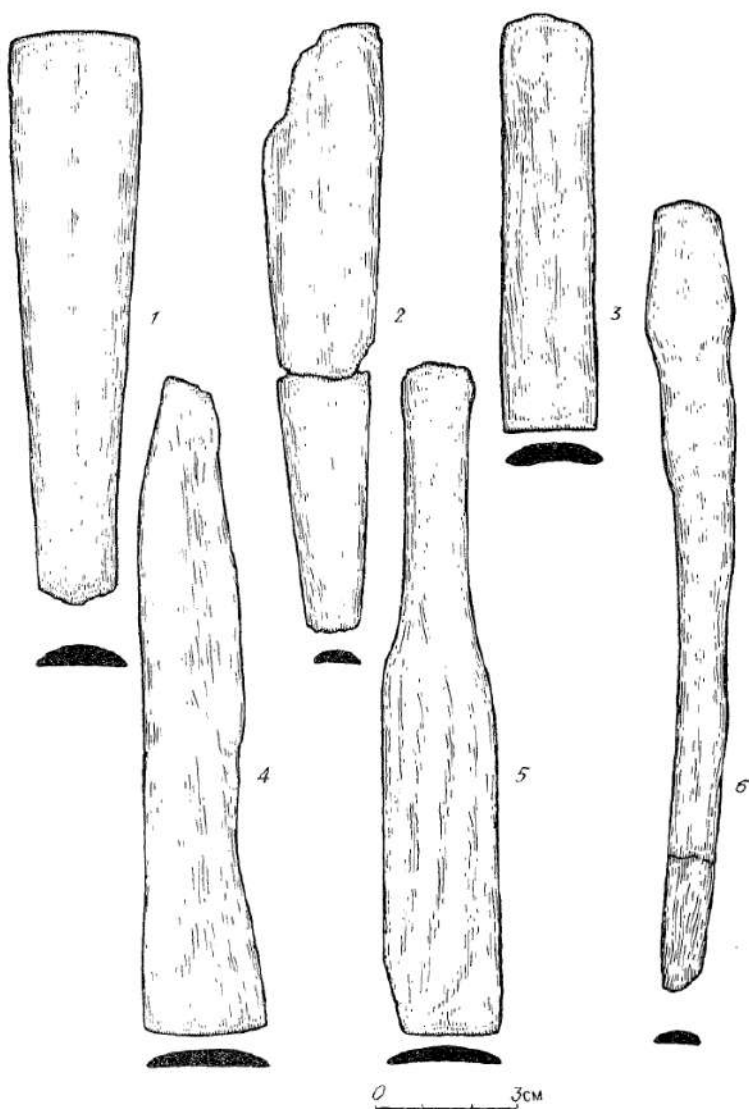

Рис. 51. Накладки луков монголов.

1, 4 — тип 1; 2, 3, 5, 6 — тип 2.

го вкладыша и плечевой накладки, луки данного типа были асимметричными (рис. 50, 6).

Широкое распространение луков у монгольских воинов отражено в письменных и изобразительных источниках. По сведениям И. де Плано Карпини, монгольские воины должны были иметь «два или три лука, или по меньшей мере один хороший»⁴⁵.

Вопросы эволюции монгольских луков рассматривались в научной литературе в общем контексте с развитием данного оружия в

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
	1 	—	17	Прибайкалье Забайкалье Монголия	XI - XIV
	2 	120	9	Прибайкалье Забайкалье Монголия	XI - XIV
	3 	—	1	Прибайкалье	XIII - XIV
	4 	—	3	Прибайкалье Забайкалье	XIII - XIV

Рис. 52. Сводная таблица монгольских луков.

Центральной Азии. Наибольшее внимание исследователей привлекали луки первого типа со срединной фронтальной «веслообразной» накладкой, которые зачастую именуются луками «монгольского типа», и их распространение прямо связывается с влиянием монголов⁴⁶. Данный тип считается последней завершающей стадией развития кочевнического лука. Правда, представления о форме и составе накладок у отдельных ученых весьма различаются. А. А. Гаврилова считала, что луки данного типа имели помимо срединной фронтальной накладки концевой вкладыш⁴⁷, Л. Р. Кызласов — две срединные боковые накладки⁴⁸, Е. В. Ковычев — одну концевую накладку⁴⁹. Сама эволюция, результатом которой явились луки со срединными фронтальными накладками, рассматривалась А. А. Гавриловой как процесс технологического совершенствования, протекавший путем уменьшения количества накладок⁵⁰, а Д. Г. Савиновым — как унификация форм, присущих разным культурам⁵¹. Предпринятый анализ материалов из памятников, приписываемых монгольским племенам первой половины II тыс. н. э., показывает, что в XI—XII вв. н. э. у монгоязычных кочевников Прибайкалья и Забайкалья бытовало два основных типа лука: со срединными фронтальными и плечевыми фронтальными накладками (рис. 52). Оба типа бытовали в Западном и Восточном Забайкалье со второй половины I тыс. н. э. Однако с первых веков II тыс. н. э. они становятся общераспространенными для всей территории Центральной Азии, в чем проявился процесс универсализации отбора наиболее эффективных для соответствующего набора стрел и средств защиты, форм лука и процесс унификации общераспространенных типов во всем историко-культурном регионе. У самих монголов в XIII—XIV вв. н. э. безусловно преобладали луки со срединными фронтальными накладками. Вместе с тем они располагали и другими типами луков, у которых имелись плечевые накладки и концевые вкладыши. Некоторые из них просуществова-

ли в трансформированном виде вплоть до этнографической современности. Таким образом процесс технологического усовершенствования луков в кочевой среде в монгольское время нельзя считать завершенным. Наряду с известными формами, у монголов появляются новые модификации, часть из которых не выдержала испытания временем. Одновременно наиболее распространенные у монгольских лучников формы широко распространяются и заимствуются представителями подвластных племен.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Наконечники стрел являются наиболее широко распространенным видом находок предметов вооружения средневековых монголов. Они известны на всех территориях, где обнаружены памятники монгольской культуры. Они встречаются в погребениях, в культурном слое поселений и городищ, в жертвенниках.

Монгольские наконечники стрел подразделяются по материалу изготовления на два класса: железных и костяных. Железные наконечники относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они делятся на группы, по форме пера — на типы.

Г р у п п а I. Трехлопастные наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлиненно-шестиугольные. Включает 1 экз. из памятника Будулан, п. 4 в Восточном Забайкалье⁵². Длина пера — 7,5 см, ширина — 2, длина черешка — 6 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками. На черешке костяная биконическая свистунка с прямоугольными отверстиями (рис. 53, 2).

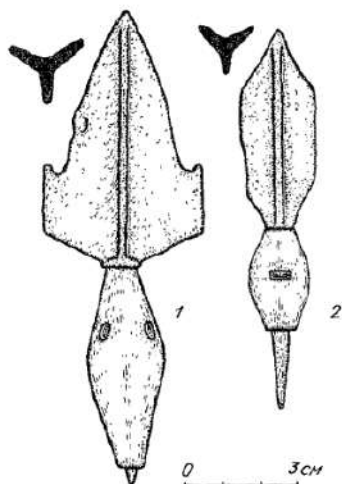

Рис. 53. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа I: 1 — тип 2, 2 — тип 1.

Тип 2. Овально-крылатые. Включает 2 экз. из памятников: Малая Кулинда, п. 18; Онкули, п. 3 в Западном и Восточном Забайкалье⁵³. Длина пера — 7 см, ширина — 4,5, длина черешка — 6 см. Наконечники с остроугольным острием, выступающими краями, покатыми плечиками. На черешках костяные биконические свистунки с овальными отверстиями, расположенными параллельно и перпендикулярно черешку (рис. 53, 1).

Г р у п п а II. Плоские наконечники. Насчитывает 18 типов.

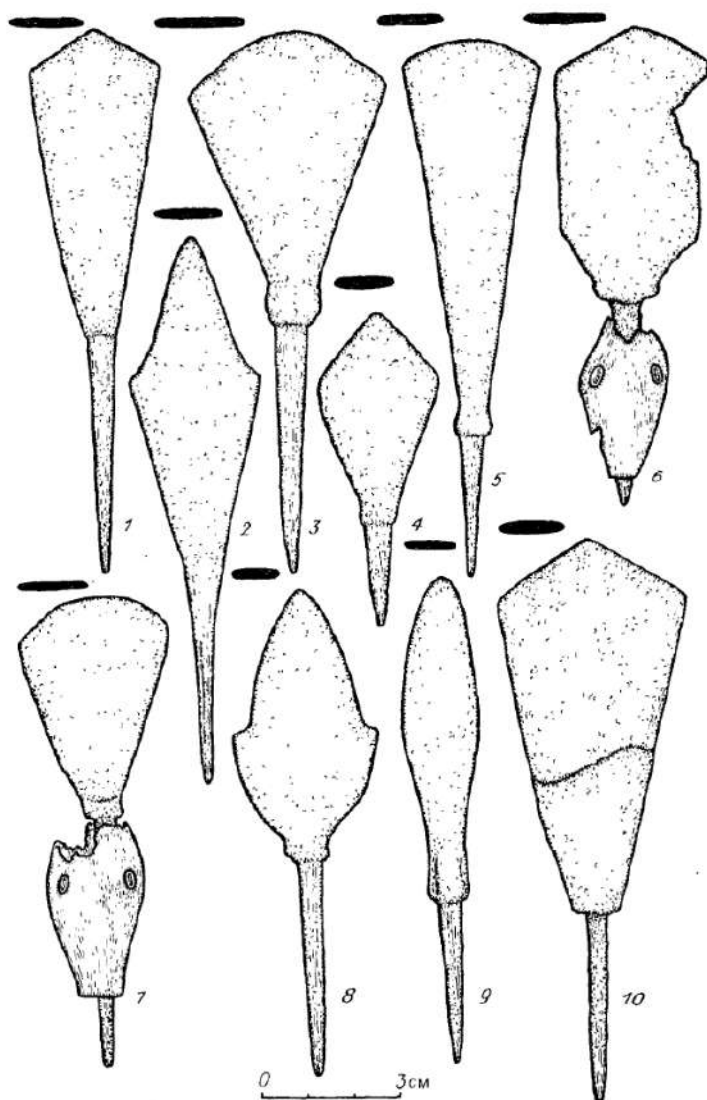

Рис. 54. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа II: 1, 4, 10 — тип 1; 2, 8 — тип 8; 3, 5, 7 — тип 7; 6 — тип 16; 9 — тип 14.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 128 экз. из памятников: Ольхон, м. 1; Мальта, Усть-Талькин, м. 2, 10; Тунка в Прибайкалье⁵⁴; Амаголон, Будулан, п. 3; Варварина Гора, Зугмара, м. 3; Кайлайстуй, Кибалино, м. 14; Малая Кулинда, п. 2, 13, 20; Мосэ-Дархи; Новый Жирим; Ононск II, п. 2; Тарбагатай; Хоринск; Цырик-Нарасун; Чинданти I, м. 2 в Западном и Восточном Забайкалье⁵⁵; Каракорум; Керулен, п. 1, 3; Улангом в Монголии⁵⁶; Ден-Терек в Туве⁵⁷. Длина пера — 6 см, ширина — 4, длина че-

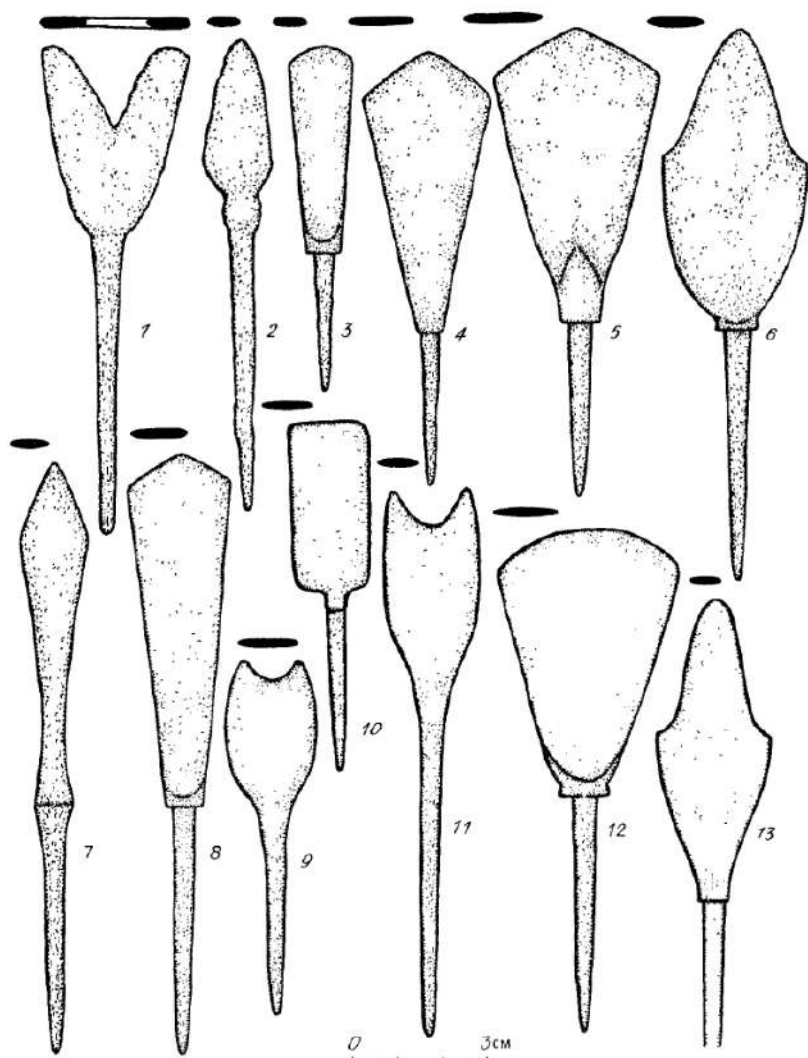

Рис. 55. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа II: 1, 9, 11 — тип 6; 2, 7 — тип 4; 3, 12 — тип 7; 4, 5, 8 — тип 1; 6, 13 — тип 8; 10 — тип 2.

решка — 7 см. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с округлыми отверстиями (рис. 54, 1, 4, 10; 55, 4, 5, 8; 56, 1, 5, 7, 8, 10—12; 57, 5, 7, 8; 58, 3, 4, 11; 59, 1—3, 60, 5; 61, 1).

Тип 2. Томары. Включает 29 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 20; Тунка в Прибайкалье⁵⁸; Аргада; Будулан, п. 4; Кибалино, п. 14; Копчил, Малая Кулинда, п. 2, 19; Мосэ-Дархи; Тапхар, Чинданти I, п. 2 в Западном и Восточном Забайкалье⁵⁹; Каракорум в Монголии⁶⁰. Длина пера — 8,5 см, ширина — 5, длина

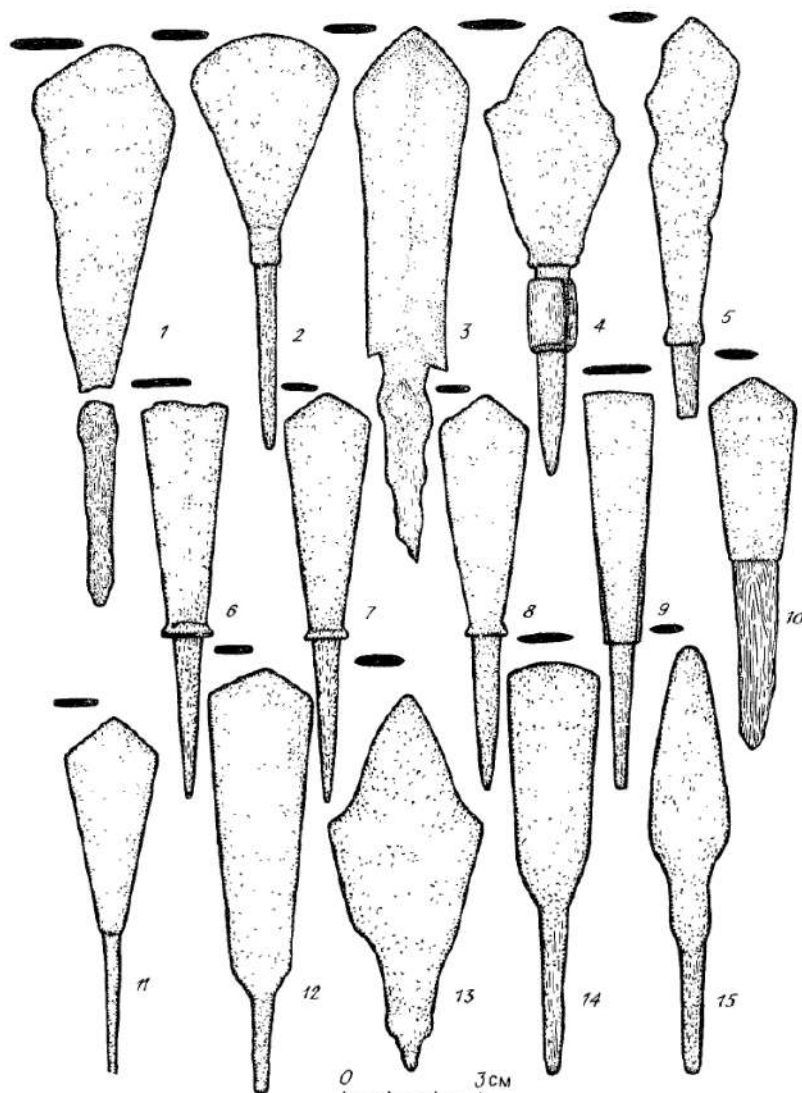

Рис. 56. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа II: 1, 6-8, 10-12 — тип 1; 2, 14 — тип 7; 3 — тип 8; 4, 13 — тип 8; 6, 9 — тип 2; 15 — тип 14.

черешка — 9 см. Наконечники стрел с тупым острием, пологими плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с прямоугольными отверстиями (рис. 55, 10).

Тип 3. Пентаграммные. Включает 4 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 21; Тунка в Прибайкалье⁶¹; Малая Кулинда, п. 20 в Восточном Забайкалье⁶². Длина пера — 6 см, ширина — 4,5, длина черешка — 9 см. Наконечники с тупо-

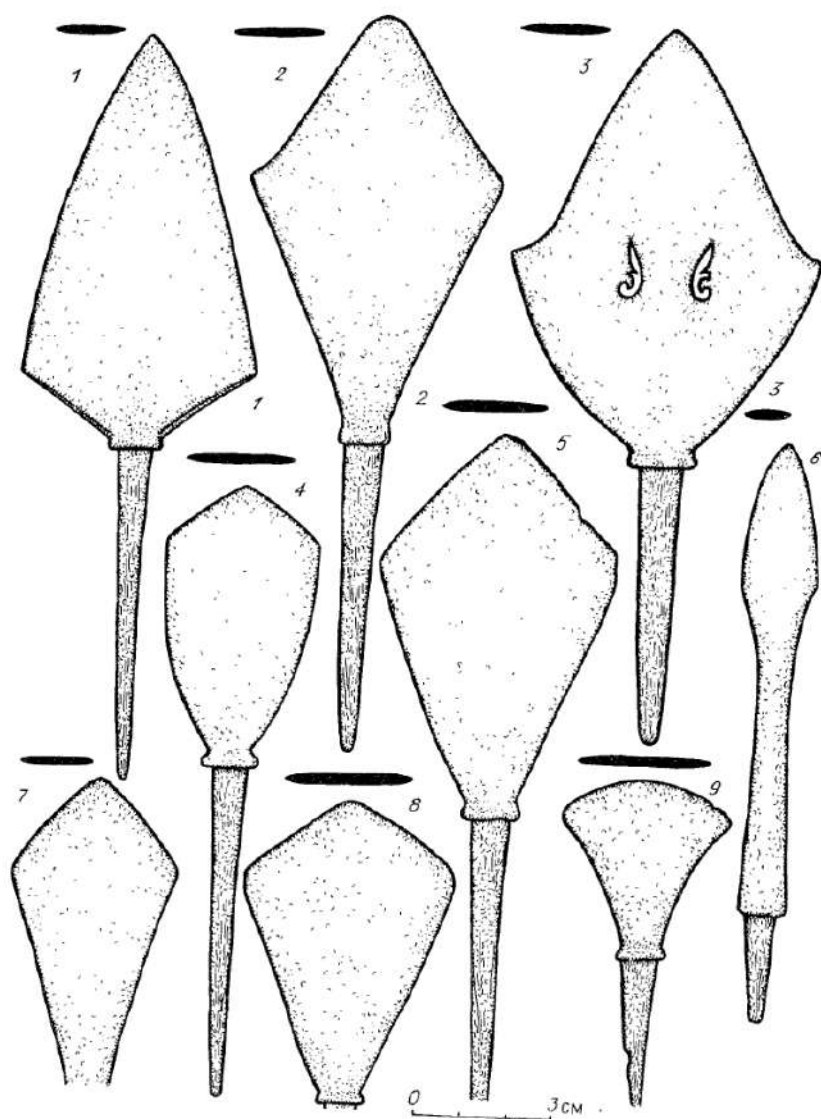

Рис. 57. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа II: 1 — тип 10; 2, 3 — тип 8; 4 — тип 9; 5, 7, 8 — тип 1; 6 — тип 4; 9 — тип 7.

угольным острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с прямоугольными отверстиями (рис. 58, 2).

Тип 4. Боеголовковые. Включает 43 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 2, 21; Тунка в Прибайкалье⁶³; Кибалино, п. 14; Малая Кулинда, п. 10, 13; Мосэ-Дархи; Хоринск, Цырик-Нарасун в Западном и Восточном Забайкалье⁶⁴; Каракорум, Ховд

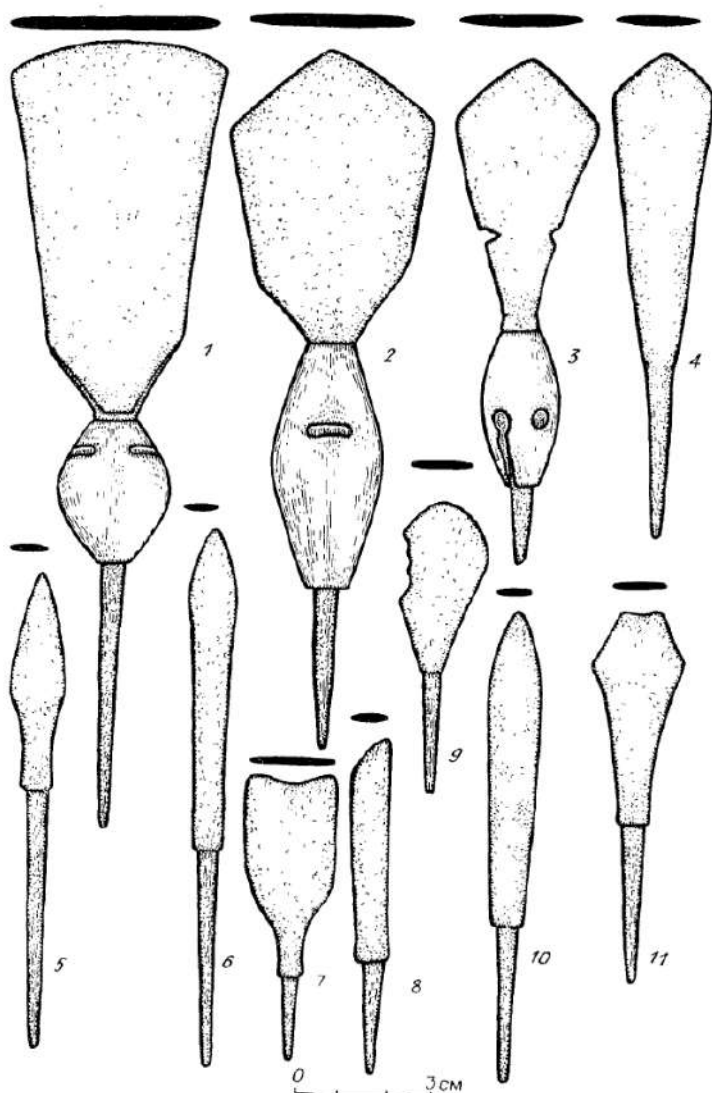

Рис. 58. Монгольские железные наконечники стрел.

Группа II: 1, 9 — тип 7; 2 — тип 3; 3, 4, 11 — тип 1; 5, 6 — тип 4; 7 — тип 6; 8 — тип 8; 10 — тип 17.

в Монголии⁶⁵. Длина пера — 7 см, ширина — 1, длина черешка — 6 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлинённой шейкой, упором (рис. 55, 2, 7).

Тип 5. Срезни. Включает 2 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 21 в Прибайкалье⁶⁶; Цырик-Нарасун в Западном Забайкалье⁶⁷. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 2,5 см. Нако-

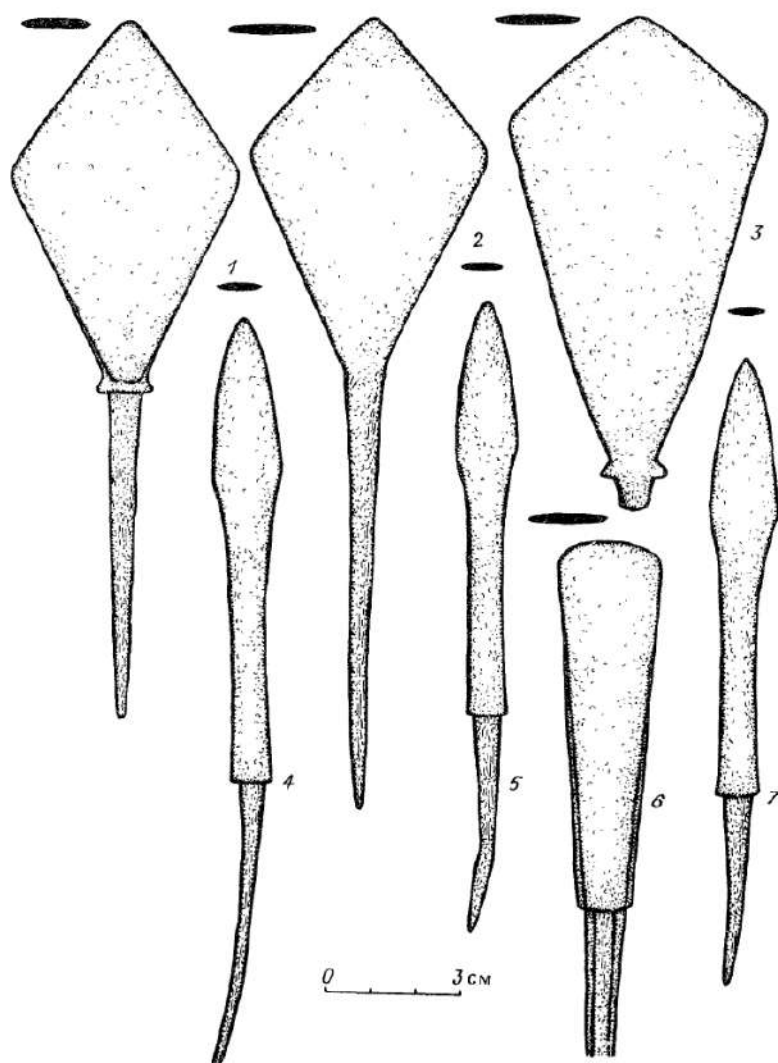

Рис. 59. Монгольские железные наконечники стрел.
Группа II: 1–3 — тип 1; 4, 5, 7 — тип 4; 6 — тип 7.

нечики со скошенным на одну сторону острием, параллельными сторонами, упором (рис. 58, 8).

Тип 6. Вильчатые. Включает 13 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 2 в Прибайкалье⁶⁸; Будулан, п. 3; Малая Кулинда, п. 19; Чинданта I, п. 2 в Восточном Забайкалье⁶⁹. Длина пера — 4 см, ширина — 2, длина черешка — 1,5 см. Наконечники с вогнутым острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с прямоугольными отверстиями (рис. 55, 1).

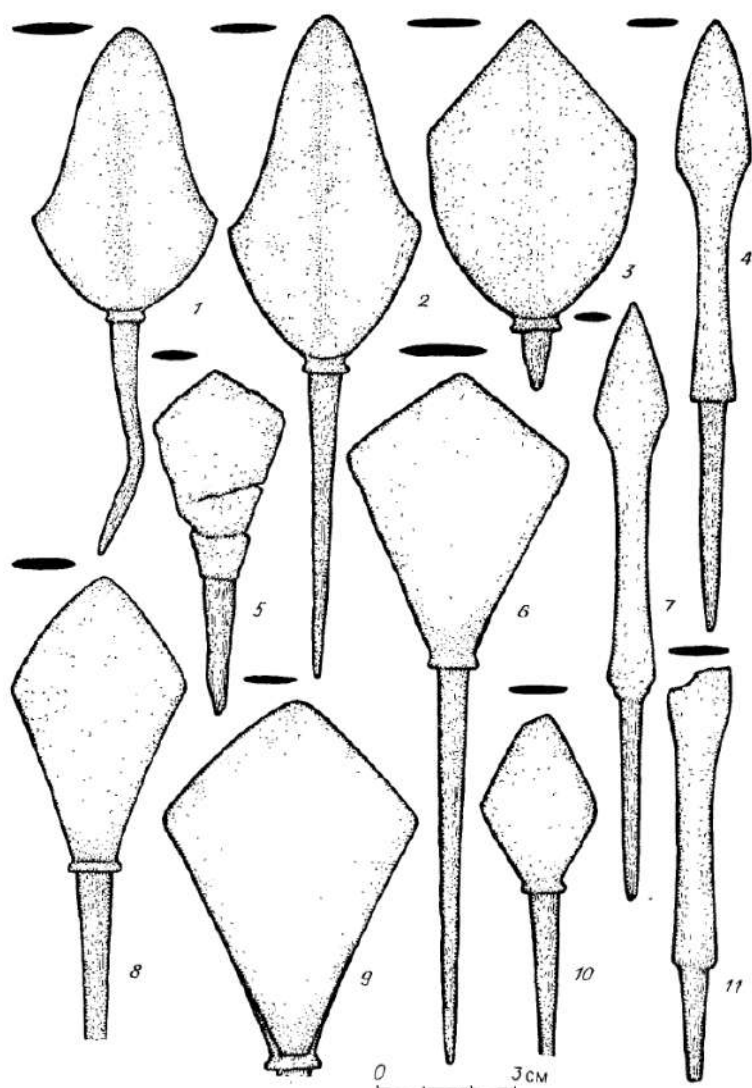

Рис. 60. Монгольские железные наконечники стрел.
Группа II: 1, 2 — тип 8; 3 — тип 9; 4, 7, 11 — тип 4; 5, 6, 8—10 — тип 1.

Тип 7. Секторные. Включает 54 экз. из памятников: Куда, Мальта, Тунка в Прибайкалье⁷⁰; Аргада, Будулан, Малая Кулинда, п. 2, 13, 19; Котокель, Кяхта; Новый Жирим; Тапхар VI, п. 4; Цырик-Нарасун, Чиндант I, м. 2; Чиндант II, п. 2; Чиндант III, п. 3 в Западном и Восточном Забайкалье⁷¹; Каракорум; Хаан-Уул, Хоолтын-гол, п. 2 в Монголии⁷²; Дён-Терек в Туве. Длина пера — 3,5 см, ширина — 3,5, длина черешка — 3 см. Наконечники с округлым острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, упо-

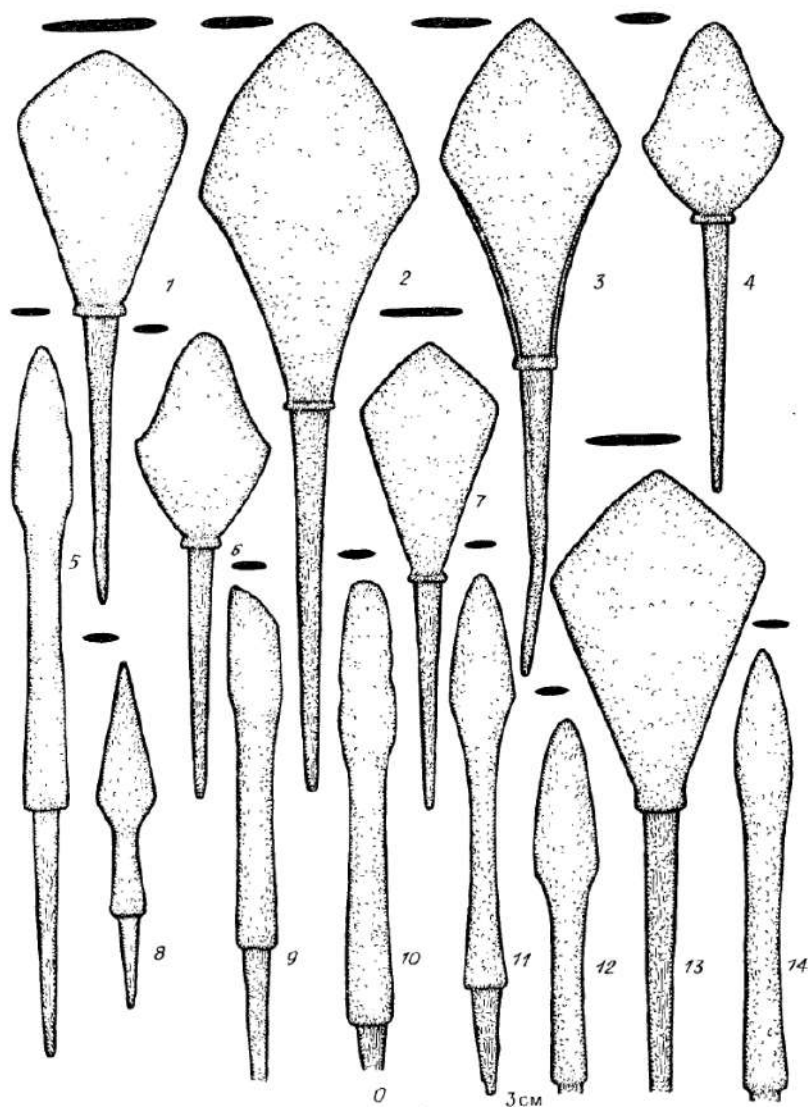

Рис. 61. Монгольские железные наконечники стрел.
Группа II: 1-3, 7, 13 - тип 1; 4, 6 - тип 8; 5, 8-12, 14 - тип 4.

ром. Отдельные экземпляры снабжены костяными, биконическими свистунками с прямоугольными отверстиями (рис. 54, 3).

Тип 8. Овально-крылатые. Включает 38 экз. из памятников: Тунка в Прибайкалье⁷³; Амаголон, Баянгол, п. 3; Будулан, Вознесенка; Кайлайстуй, Каштак; Малая Кулинда, п. 10, 19, 28; Тапхар I, м. 6; Тапхар IV, м. 4; Тапхар VI, м. 4, 9; Телятниковский, м. 2; Тологой, п. 1; Цырик-Нарасун, Ярикто, п. 1 в Западном и Восточном Забайкалье⁷⁴; Каракорум, Мурэн в Монголии⁷⁵. Длина

пера — 8 см, ширина — 5,5, длина черешка — 6 см. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными цилиндрическими и биконическими свистунками с округлыми отверстиями и без отверстий (рис. 54, 2, 8).

Тип 9. Полуовальные. Включает 2 экз. из памятника Мурэн в Монголии⁷⁶. Длина пера — 6,5 см, ширина — 4,5, длина черешка — 1,5 см. Наконечники с тупоугольным острием, параллельными сторонами, округлыми плечиками, упором (рис. 57, 4).

Тип 10. Удлиненно-ромбические. Включает 8 экз. из памятников: Тунка в Прибайкалье⁷⁷; Малая Кулинда, п. 19; Цырик-Нарасун в Западном и Восточном Забайкалье⁷⁸ в Монголии. Длина пера — 9 см, ширина — 5, длина черешка — 7 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, упором (рис. 57, 1).

Тип 11. Двояковогнутые томары. Включает 5 экз. из памятников: Будудан, п. 3, 4; Малая Кулинда в Восточном Забайкалье⁷⁹; Длина пера — 5,5 см, ширина — 2, длина черешка — 2,5 см. Наконечники с тупым острием и вогнутыми сторонами, вогнутыми плечиками, упором.

Тип 12. Овально-ступенчатые. Включает 6 экз. из памятников: Монды, п. 1; Тунка в Прибайкалье⁸⁰; Кяхта в Западном Забайкалье⁸¹. Длина пера — 6,5 см, ширина — 3, длина черешка — 5 см. Наконечники с овальным острием, выступающими вогнутыми крыльями, вогнутыми плечиками, упором.

Тип 13. Шипастые томары. Включает 1 экз. из памятника Цырик-Нарасун в Забайкалье⁸². Длина пера — 5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 6 см. Наконечники с тупым острием, вогнутыми сторонами, шипами, вогнутыми плечиками.

Тип 14. Эллипсовидные. Включает 6 экз. из памятников: Тунка в Прибайкалье⁸³; Малая Кулинда, п. 19 в Восточном Забайкалье⁸⁴; Каракорум в Монголии⁸⁵. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2, длина черешка — 3 см. Наконечники с округлым острием, округлыми плечиками, упором (рис. 54, 9).

Тип 15. Боеголовковые томары. Включает 3 экз. из памятника Балаганск в Прибайкалье⁸⁶. Длина пера — 8,5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечники с тупым острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, упором.

Тип 16. Удлиненно-шестиугольные. Включает 3 экз. из памятников Малая Кулинда, п. 2 в Восточном Забайкалье⁸⁷. Длина пера — 3,5 см, ширина — 3, длина черешка — 5,5 см. Наконечники с тупоугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с овальными отверстиями (рис. 54, 6).

Тип 17. Вытянуто-пятиугольные. Включает 1 экз. из памятника Кибалино, п. 14 в Западном Забайкалье⁸⁸. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 1,5 см. Наконечник с тупоугольным острием, параллельными сторонами, прямыми плечиками (рис. 58, 10).

Тип 18. Вытянуто-пятиугольные, шипастые. Включает 1 экз. из памятника Хаан-Уул в Монголии⁸⁹. Длина пера — 1,5 см, ши-

рина — 2,5, длина черешка — 4,5 см. Наконечник с тупоугольным острием, пологими сторонами, шипами, вогнутыми плечиками (рис. 56, 3).

Г р у п п а III. Линзовидные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Боеголовковые. Включает 4 экз. из памятников: Тополевка, м. 2 в Восточном Забайкалье⁹⁰. Длина пера — 6,5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлинённой шейкой, упором (рис. 62, 6).

Г р у п п а IV. Трёхгранные наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Удлинённо-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Каракорум в Монголии⁹¹. Длина пера — 3 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечник с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 62, 11).

Тип 2. Боеголовковые. Включает 1 экз. из памятника Кайлайстуй в Восточном Забайкалье⁹². Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 5,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлинённой шейкой, упором (рис. 62, 17).

Г р у п п а V. Четырёхгранные наконечники. Насчитывает три типа.

Тип 1. Удлинённо-треугольные. Включает 6 экз. из памятников: Аргада, Тапхар I, п. 4; Хоринск в Западном Забайкалье⁹³; Холтын-гол, п. 2, в Монголии⁹⁴. Длина пера — 7 см, ширина — 1, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием и прямыми плечиками (рис. 62, 1, 9, 12).

Тип 2. Боеголовковые. Включает 3 экз. из памятников: Усть-Кара; Тапхар, Хоринск в Западном и Восточном Забайкалье⁹⁵. Длина пера — 4,5 см, ширина — 1, длина черешка — 3,5 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлинённой шейкой, упором (рис. 62, 8, 13).

Тип 3. Томары. Включает 3 экз. из памятника Тунка в Прибайкалье⁹⁶. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 3,5 см. Наконечник с тупым острием, пологими сторонами, упором (рис. 62, 5).

Г р у п п а VI. Ромбические наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Боеголовковые. Включает 2 экз. из памятника Оловянная II, п. 1 в Восточном Забайкалье⁹⁷. Длина пера — 6 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлинённой шейкой, упором (рис. 62, 2).

Тип 2. Томары. Включает 1 экз. из памятника Усть-Кара в Восточном Забайкалье⁹⁸. Длина пера — 5,5 см, ширина — 1, длина черешка — 5 см. Наконечники с тупым острием, пологими сторонами, упором (рис. 62, 19).

Г р у п п а VII. Прямоугольные наконечники. Насчитывает два типа.

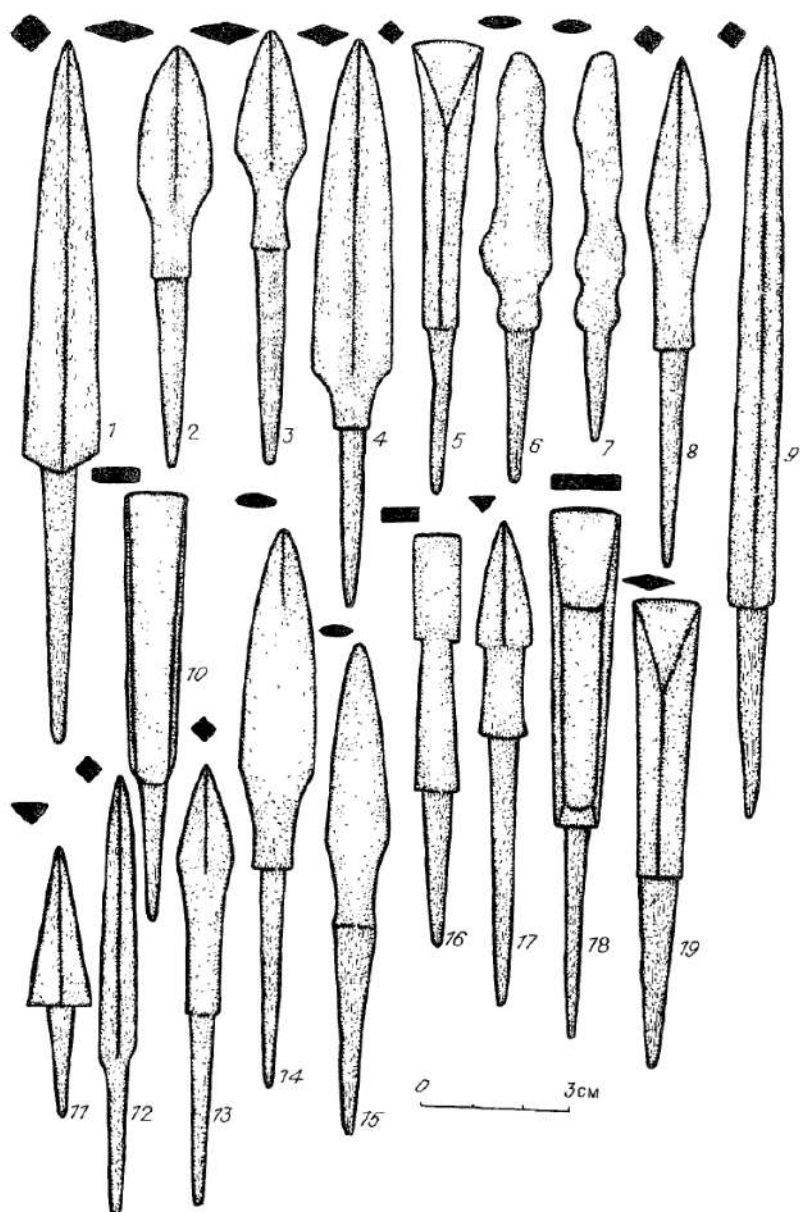

Рис. 62. Монгольские железные наконечники стрел.

1, 9, 12 — гр. V, тип 1; 2-4 — гр. VI, тип 1; 5 — гр. V, тип 3; 6, 7, 14, 15 — гр. III, тип 1; 8, 13 — гр. V, тип 2; 10, 18 — гр. VII, тип 1; 11 — гр. IV, тип 1; 16 — гр. VII, тип 2; 17 — гр. IV, тип 2; 19 — гр. VI, тип 2.

Тип 1. Томары. Включает 1 экз. из памятника Хоринск в Западном Забайкалье⁹⁹. Длина пера — 5,5 см, ширина — 1, длина черешка — 2,5 см. Наконечник с тупым острием, пологими сторонами (рис. 62, 10).

Тип 2. Боеголовковые томары. Включает 1 экз. из памятника Усть-Шаманка в Прибайкалье¹⁰⁰. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с тупым острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, упором (рис. 62, 16).

Монгольские железные наконечники стрел отличаются значительным типологическим разнообразием (рис. 63, 64).

Монгольские костяные наконечники стрел относятся к двум отделам черешковых и втульчатых. Втульчатые наконечники стрел по сечению пера относятся к одной группе.

Г р у п п а I. Круглые наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 3 экз. из памятников: Енхор; Ярикто, п. 5 в Западном Забайкалье¹⁰¹. Длина пера — 3,7 см, ширина — 1 см. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками, скрытой втулкой.

Черешковые наконечники стрел по сечению пера делятся на несколько групп.

Г р у п п а I. Трехгранные наконечники. Насчитывает пять типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 2 экз. из памятников: Варварина Гора, п. 8; Толгой II, м. 2 в Западном Забайкалье¹⁰². Длина пера — 7 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, пологими плечиками, уплощенным черешком (рис. 65, 6).

Тип 2. Удлиненно-шестиугольные. Включает 1 экз. из памятника Варварина Гора, п. 8 в Западном Забайкалье¹⁰³. Длина пера — 7 см, ширина — 2, длина черешка — 3,5 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 65, 4).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 3 экз. из памятников: Варварина Гора, п. 8; Ярикто, п. 4 в Западном Забайкалье¹⁰⁴. Длина пера — 6 см, ширина — 1,5, длина черешка — 1,5 см. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, уплощенным черешком (рис. 65, 5).

Тип 4. Удлиненно-ромбические. Включают 4 экз. из памятников: Бегул в Прибайкалье; Кибалино, п. 11 в Западном Забайкалье¹⁰⁵. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 1 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, уплощенным черешком.

Тип 5. Вытянуто-пятиугольные. Включает 2 экз. из памятника Малая Кулинда, п. 4 в Восточном Забайкалье¹⁰⁶. Длина пера — 8 см, ширина — 10, длина черешка — 5,5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, уплощенным черешком.

Г р у п п а II. Четырехгранные наконечники. Насчитывает пять типов.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Малая Кулинда, п. 4. в Восточном Забайкалье¹⁰⁷. Длина пера — 6,5 см, ширина — 2, длина черешка — 2,5 см. Наконечник с остроугольным острием, пологими плечиками, уплощенным черешком (рис. 63, 1).

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 6 экз. из памятников: Бегул в Прибайкалье, Тапхар I, п. 6; Малая Кулинда, п. 4 в Западном и Восточном Забайкалье, Керулен, п. 1 в Монголии¹⁰⁸. Длина пера — 7 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2,5 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 65, 2).

Тип 3. Боеголовковые. Включает 6 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 1 в Прибайкалье; Онкули, п. 3; Тапхар VI, п. 9 в Западном Забайкалье¹⁰⁹. Длина пера — 7 см, ширина — 1,5, длина черешка — 2 см. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, уплощенной шейкой, уплощенным черешком (рис. 65, 7).

Тип 4. Удлиненно-шестиугольные. Включает 1 экз. из памятника Балаганское городище в Прибайкалье¹¹⁰. Длина пера — 7,5 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4,5 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 65, 3).

Тип 5. Вытянуто-пятиугольные. Включает 4 экз. из памятника Малая Кулинда в Восточном Забайкалье¹¹¹. Длина пера — 8 см, ширина — 1,5, длина черешка — 5,5 см. Наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами, уплощенным черешком (рис. 66).

Г р у п п а III. Линзовидные наконечники. Насчитывает два типа.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные. Включает 1 экз. из памятников Кибалино, п. 11 в Западном Забайкалье¹¹². Длина пера — 6 см, ширина — 1, длина черешка — 2 см. Наконечник с остроугольным острием, параллельными сторонами, уплощенным черешком (рис. 66).

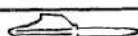

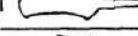

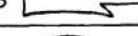

Тип 2. Эллипсовидные. Включает 1 экз. из памятника Малая Кулинда в Восточном Забайкалье¹¹³. Длина пера — 5 см, ширина — 2, длина черешка — 4 см. Наконечник с округлым острием, округлыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 66).

Г р у п п а IV. Шестигранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Тапхар IV, п. 4 в Западном Забайкалье¹¹⁴. Длина пера — 5 см, ширина — 1, длина черешка — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 66).

Г р у п п а V. Трапезиевидные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из памятника Бегул в Прибайкалье¹¹⁵. Длина пера — 4 см, ширина — 1, длина черешка — 2,5 см. Наконечник с остроугольным острием, покатыми плечиками, уплощенным черешком (рис. 66).

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	7,5×2×6	1	Забайкалье	XI-XII
	2 	7×4,5×6	2	Забайкалье	XI-XIV
II 	1 	6×4×7	128	Прибайк. Забайк. Монголия Тува	XI-XIV
	2 	8,5×5×9	29	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	3 	6×4,5×9	4	Прибайкалье Забайкалье	XIII-XIV
	4 	7×1×6	43	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	5 	5×1×2,5	2	Прибайкалье Забайкалье	XIII-XIV
	6 	4×2×1,5	13	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	7 	3,5×3,5×3	54	Прибайк. Забайк. Монголия Тува	XI-XIV
	8 	8×5,5×6	38	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	9 	6,5×4,5×1,5	2	Монголия	XIII-XIV
	10 	9×5×7	8	Прибайк. Забайк. Монголия	XIII-XIV
	11 	5,5×2×2,5	5	Забайкалье	XI-XIV
	12 	6,5×3×5	6	Прибайкалье Забайкалье	XI-XIV
	13 	5×1,5×6	1	Забайкалье	XIII-XIV
	14 	3,5×2×3	6	Прибайк. Забайк. Монголия	XIII-XIV
	15 	8,5×1×3	3	Прибайкалье	XIII-XIV
	16 	3,5×3×5,5	3	Забайкалье	XIII-XIV
	17 	4×1×1	1	Забайкалье	XI-XIV
	18 	7,5×2,5×4,5	1	Монголия	XIII-XIV
III 	1 	6,5×1,5×4	4	Забайкалье	XIII-XIV

Средневековые источники содержат важные сведения о технологии изготовления, разнообразии форм монгольских стрел, способах их применения, роли ручного метательного оружия в тактике конного боя, применяемой монголами. Умению метко стрелять монгольские воины приучались с раннего детства. По сведениям Плано Карпини, они обучаются стрельбе из лука и верховой езде с

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
IV ▼	1 	3×1×2	1	Монголия	XIII-XIV
	2 	4,5×1×5,5	1	Забайкалье	XIII-XIV
V ◆	1 	7×1×4	6	Забайкалье Монголия	XI-XIV
	2 	4,5×1×3,5	3	Забайкалье	XI-XIV
	3 	5×1×3,5	1	Прибайкалье	XI-XII
VI ◀	1 	6×1,5×4	2	Забайкалье	XIII-XIV
	2 	5,5×1×5	1	Забайкалье	XI-XIV
VII ■	1 	5,5×1×2,5	1	Забайкалье	XI-XIV
	2 	5×1×3	1	Прибайкалье	XI-XIV

Рис. 63. Сводная таблица монгольских железных наконечников стрел.

двухлетнего возраста¹¹⁶. Взрослые монголы, мужчины и женщины, метко стреляли в цель при езде верхом, на полном скаку, вперед и обернувшись назад. Они постоянно упражнялись в стрельбе на охоте. Каждый монгольский лучник должен был иметь при себе «три большие колчана, полные стрелами»¹¹⁷. По наблюдениям путешественника: «Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча». Эти наконечники «имеют острый хвост, длиною в один палец, который вставляется в древко». Имеются у них «и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей»¹¹⁸. Все современники подчеркивали высокую эффективность стрельбы, с помощью которой монголы наносили решающий урон противнику. По сведениям Плано Карпини, монголы начинали бой с дистанции полета стрелы, они «ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают в бой»¹¹⁹. По сообщению Марко Поло, монголы «стреляют и вперед и назад даже тогда, когда их гонят. Стреляют метко, бьют и вражьи коней и людей. Часто враг терпит поражение потому, что кони его бывают перебиты»¹²⁰. По образному выражению Юлиана: «При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются»¹²¹. Прицельная стрельба по незащищенному панцирем противнику и лошадям соответствовала широкому набору плоских широколопастных стрел, оставляющих широкие кровоточащие раны. В то же время достаточно высокой была эффективность стрельбы по тяжеловоору-

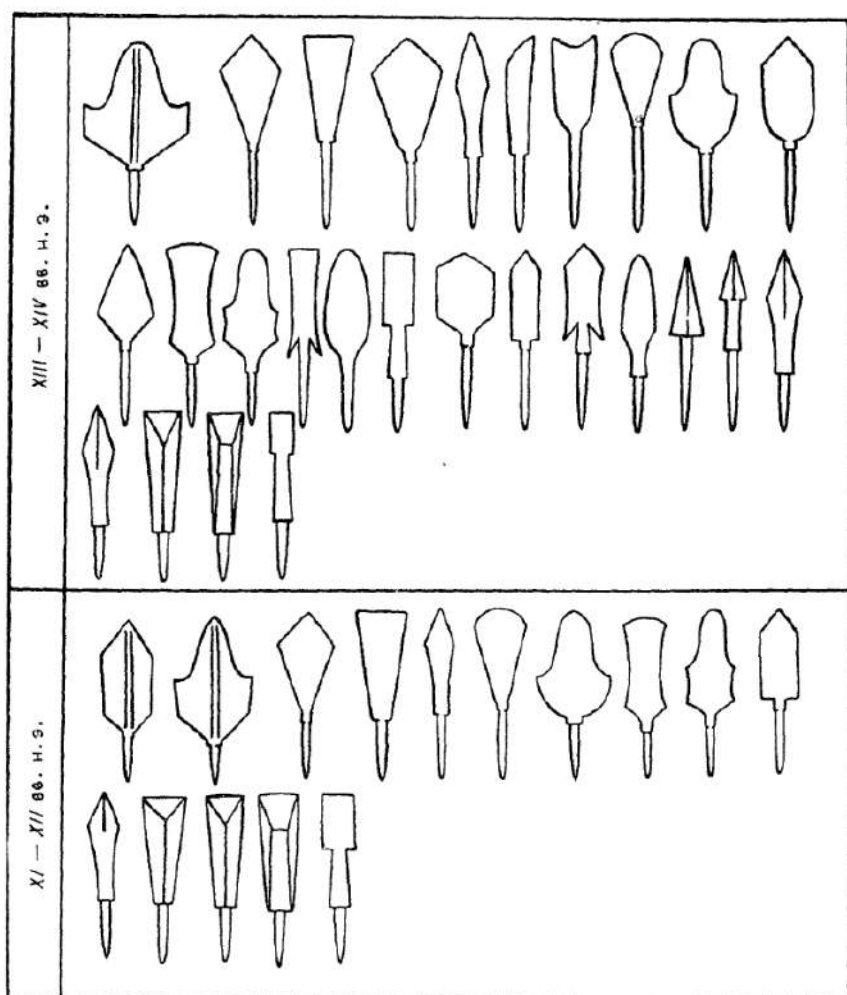

Рис. 64. Типолого-хронологическая матрица монгольских железных наконечников стрел.

женному противнику. «С ними очень опасно начинать бой, так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других народов в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают почти все виды защитных средств и панцири (они сами и их лошади носят таковые из кожи). В сражениях в случае неудачи отступают они в организованном порядке; преследовать, однако, их очень опасно, так как они поворачивают назад и умеют стрелять во время бегства и ранят бойцов и лошадей»¹²².

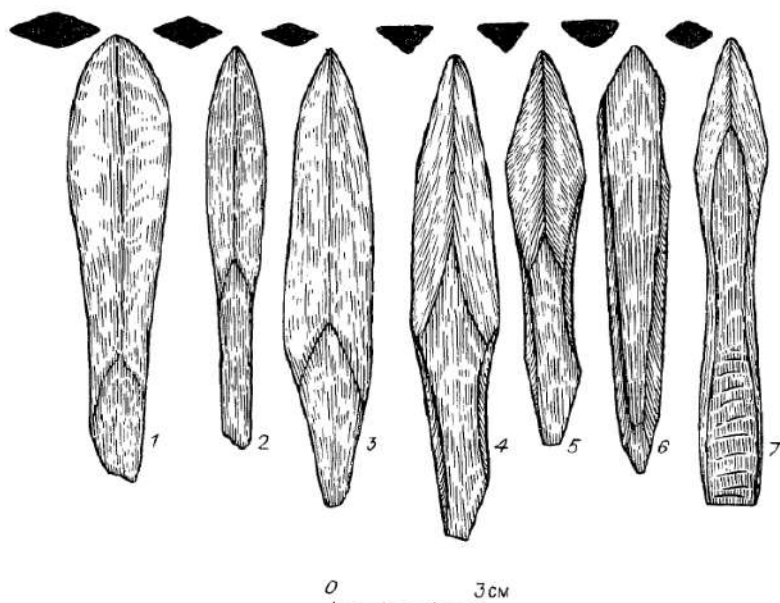

Рис. 65. Монгольские костяные наконечники стрел.

Отдел II: 1 — гр. II, тип 1; 2 — гр. II, тип 2; 3 — гр. II, тип 4; 4 — гр. I, тип 2; 5 — гр. I, тип 3;
6 — гр. I, тип 1; 7 — гр. II, тип 3.

Ориентируясь на эти сведения, большинство исследователей высоко оценивало монгольское оружие дистанционного боя и эффективность его применения в бою. Однако конкретные формы наконечников стало возможным анализировать лишь после целенаправленных раскопок монгольских памятников. Первый опыт классификации монгольских стрел принадлежит С. В. Киселеву и Н. Я. Мерперту, обработавшим коллекцию из Каракорума. Авторами выделено 5 типов плоских, 1 тип трехгранных, 1—линзовидных стрел, высказаны некоторые соображения об их применении¹²³. Эти данные использованы А. Ф. Медведевым для выделения «татаро-монгольских» стрел в памятниках Восточной Европы¹²⁴. Монгольские стрелы со свистунками были проанализированы в работах К. У. Кёхальми¹²⁵. Автор использовала лингвистические и этнографические материалы, выделив несколько вариантов соотношения наконечника и свистунки. Восточно-забайкальские стрелы из памятников первой половины II тыс. н. э. классифицированы в работах Д. А. Крылова и В. Ф. Немерова¹²⁶. Д. А. Крыловым выделено 13 типов железных и 3 типа костяных стрел, Немеровым — 13 железных и 7 костяных. К сожалению, в работе последнего автора все наконечники стрел разных культур даны суммарно, без указания памятника, откуда они происходят, что значительно снижает информативность материала. Железные и костяные стрелы из памятников XI—XIV вв. н. э. в Западном Забайкалье проанализированы А. И. Бураевым. В работах названных выше авторов использованы

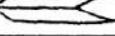

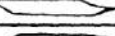
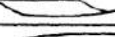

Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
I 	1 	3,7 × 1	3	Забайкалье	XI - XIV
I 	1 	7 × 1,5 × 2	2	Забайкалье	XI - XIV
	2 	7 × 2 × 3,5	1	Забайкалье	XIII-XIV
	3 	6 × 1,5 × 1,5	3	Забайкалье	XIII-XIV
	4 	5 × 1 × 1	4	Прибайкалье Забайкалье	XI - XIV
	5 	8 × 1 × 6	2	Забайкалье	XIII-XIV
II 	1 	6,5 × 2 × 2,5	1	Забайкалье	XIII-XIV
	2 	7 × 1,5 × 2,5	6	Прибайк. Забайк. Монголия	XIII-XIV
	3 	7 × 1,5 × 2	6	Прибайкалье Забайкалье	XI - XIV
	4 	7,5 × 1,5 × 4,5	1	Прибайкалье	XIII-XIV
	5 	8 × 1,5 × 5,5	4	Забайкалье	XIII-XIV
III 	1 	6 × 1 × 2	1	Забайкалье	XI - XIV
	2 	5 × 2 × 4	1	Забайкалье	XIII-XIV
IV 	1 	5 × 1 × 3	1	Забайкалье	XI - XII
V 	1 	4 × 1 × 2,5	1	Прибайкалье	XIII-XIV

Рис. 66. Сводная таблица монгольских костяных наконечников стрел.

находки из раскопок. Мною описаны и классифицированы музейные коллекции из Читинского, Иркутского музеев, фондов Института истории АН МНР, Центрального государственного музея МНР, музея г. Мурэна¹²⁷. Обобщение всех имеющихся данных открывает возможность полноценной характеристики монгольских стрел. Анализ группового и типологического разнообразия монгольских стрел свидетельствует, что в первой половине II тыс. н. э. у монголоязычных племен среди неброневых стрел решительно преобладали плоские наконечники. Подобная ситуация отражает специфику Прибайкалья и Забайкалья еще с периода раннего средневековья. Многие формы плоских стрел, получившие широкое распространение у монголов, бытовали у тюркоязычных и монголоязычных кочевников Байкальского региона уже в конце I тыс. н. э. Однако в начале II тыс. н. э. соотношение разных групп и типов на данной территории существенным образом меняется. Резко сокращается количество типов и численность трехлопастных стрел, исчезают двухлопастные, значительно увеличивается число типов плоских стрел. Ряд наиболее оптимальных форм (асимметрично-

ромбические, томары, боеголовковые, овально-крылатые) получает распространение во всех районах расселения монголоязычных племен. По мере расселения монгольских племен в западные районы Центральной Азии плоские стрелы заимствуются тюркоязычными кочевниками. С начала II тыс. н. э. в кочевом мире происходит всеобщее перевооружение в наборе небронебойных стрел: трехлопастные стрелы заменяются плоскими. Помимо причин культурного порядка, в частности выхода на политическую арену Центральной Азии монголоязычных племен, для которых плоские стрелы были издавна характерны, на этом процессе сказались общие изменения в военно-технической и тактической областях. Плоские стрелы проще в изготовлении, они летят значительно быстрее трехлопастных. При сокращении дальности боя и дистанции полета стрелы скорострельность оказалась важнее.

Произошли изменения и в наборе бронебойных стрел. По сравнению с предшествующим периодом в XI—XII вв. н. э. значительно сократилось количество групп и типов, всеобщее распространение получили узкие четырехгранные наконечники с остроугольным острием, ромбические и прямоугольные с тупым острием. Эти наконечники, характерные в конце I тыс. н. э. для Восточного Забайкалья, своим распространением в районы Западного Забайкалья и Прибайкалья отражают продвижение типично монгольской традиции пробивания брони и соответствуют направлениям расселения монгольских племен. Эту перемену трудно объяснить изменениями в средствах защиты, поскольку по всей территории Байкальского региона были распространены близкие формы ламеллярного панцирного доспеха. В целом процесс эволюции железных наконечников стрел у монгольских племен в начале II тыс. н. э. соответствует фазе отбора оптимальных конфигураций из существующего широкого спектра форм.

В рассматриваемый период продолжали бытовать у монголоязычных кочевников и костяные наконечники. В целом их количество и типологическое разнообразие невелико. В Прибайкалье и Западном Забайкалье, наряду с бытовавшими ранее трехгранными и четырехгранными стрелами, появляются шестигранные, линзовидные, черешковые наконечники, втульчатые стрелы, характерные в предшествующий период для Восточного Забайкалья. Это также свидетельствует о переселении монголоязычных племен из восточнозабайкальских степей в западном направлении.

В XIII—XIV вв. н. э., в период образования единого монгольского государства и расширения Монгольской империи на всю Центральную Азию, в групповом и типологическом разнообразии монгольских стрел произошли дальнейшие изменения. Еще более сократилось число типов трехлопастных стрел, сохранившихся на северо-восточной периферии расселения монгольских кочевников. Значительно возросло (с 8 до 18) количество типов плоских стрел. Правда, рост типологического спектра произошел за счет малочисленных поисковых типов. Все ведущие многочисленные типы уже бытовали ранее: асимметрично-ромбические, боеголовковые, секторные, овально-крылатые. Возросло и количество находок стрел.

Сохранив конфигурацию пера, многие стрелы изменились в размерах. В монгольское время получают распространение массивные широколопастные наконечники, оставлявшие широкую рану. Все ведущие типы распространены повсеместно. В XIII—XIV вв. н. э. возросло число групп и типов бронебойных стрел. Вновь монголы начинают применять трехгранные стрелы, появляются новые типы ромбических наконечников. Однако обращает на себя внимание то, что во всех группах применяется только две-три формы наконечников: боеголовковые, удлинненно-треугольные, томары. Эти конфигурации были характерны для монголоязычных племен еще с конца I тыс. н. э. Хотя сочетание групп и типов бронебойных стрел в монгольское время для разных районов распространения монгольской культуры несколько различается, в целом это единый комплекс. Лишь в Монголии зафиксированы одни удлинненно-треугольные наконечники, а остальные формы встречаются во всех остальных районах. Сохранение традиционного комплекса бронебойных наконечников стрел у монголов в XIII—XIV вв. н. э. свидетельствует, что в это время в Центральной Азии монгольские войска не имели противника, значительно превосходящего их по уровню бронезащиты, что не способствовало ускоренному развитию средств для пробивания брони. Монгольские оружейники модифицировали бронебойные стрелы в рамках известных форм сечения и абриса пера. Обращает на себя внимание и небольшое число типов и находок бронебойных стрел в монгольских памятниках. Большинство типов представлено единичными экземплярами, в то время как ведущие типы плоских стрел насчитывают по несколько десятков, а один из них — более сотни. Такое соотношение свидетельствует, что основная стрельба велась монгольскими лучниками по незащищенному панцирем противнику и боевому коню. Тяжеловооруженный неприятель сравнительно редко становился мишенью для монгольских стрелков в период подчинения ими Центральной Азии (рис. 64).

Об этом же свидетельствует сохранение у монголов довольно широкого спектра форм костяных наконечников. Хотя костяные наконечники стрел у монголов в XIII—XIV вв. н. э. довольно немногочисленны, но число форм по сравнению с предшествующим периодом несколько возросло (с 7 до 14 типов). Большинство из них является модификацией известных форм. Все типы немногочисленны и не образуют ведущей конфигурации для всех районов. Распространены костяные наконечники стрел на северной периферии Монгольской империи. В памятниках на территории собственно Монголии они встречаются очень редко. Однако в лесостепных районах они продолжали применяться, что связано с удаленностью от основных центров оружейного ремесла. Костяные стрелы в каждом районе изготавливались самими стрелками. Возможно, их употребление связано с нехваткой в нужном количестве железных наконечников стрел (рис. 67).

Железные трехлопастные и плоские наконечники стрел иногда снабжались костяными свистунками. В XI—XII и XIII—XIV вв. н. э. свистунки у монгольских воинов существенно отличались от

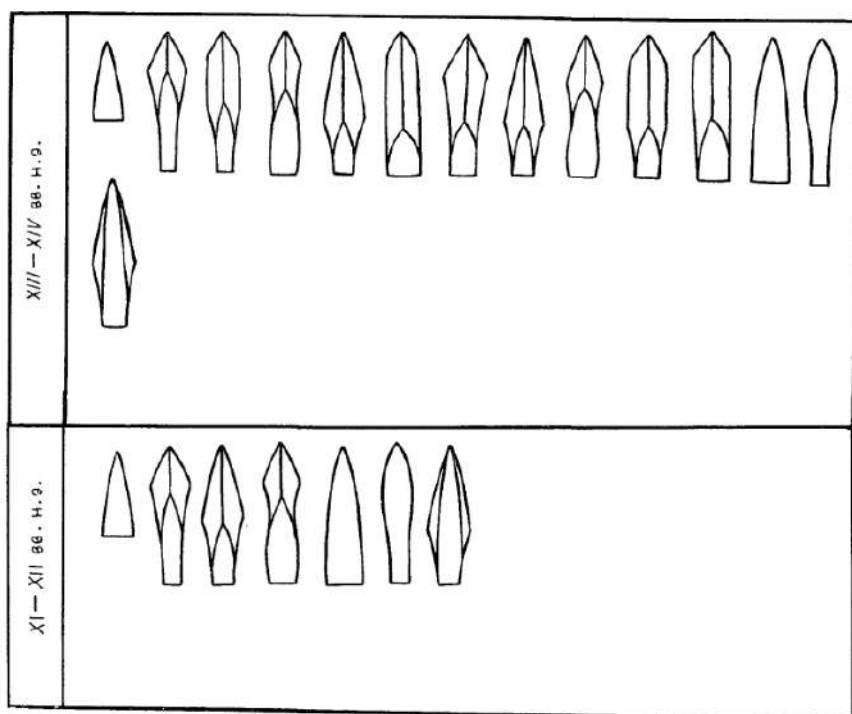

Рис. 67. Типолого-хронологическая матрица монгольских костяных наконечников стрел.

широко распространенных свистунок тюркского времени — полых цилиндров с шарообразными утолщениями в центре и тремя небольшими округлыми отверстиями. Монгольские свистунки имеют биконическую форму, нередко они довольно массивны. Наряду с округлыми, появляются овальные и прямоугольные отверстия. Последние расположены в центральной части свистунки перпендикулярно ее длине. Встречаются свистунки без отверстий биконической и цилиндрической формы. Таких вычурных форм, которые известны по этнографическим материалам в памятниках первой половины II тыс. н. э., нет. Свистунки с прямоугольными отверстиями распространяются по всей Центральной Азии и Южной Сибири. Они бытовали вплоть до этнографической современности. В составе колчаных наборов свистунки имеются на черешках самых крупных наконечников. Это обстоятельство, а также наличие свистунок без отверстий, свидетельствует, что у монголов они служили в первую очередь муфтами для крепления торцевой части древка от раскалывания.

В монгольских погребениях иногда встречаются и древки стрел. Древки из колчана в погребении на горе Окошки в Забайкалье сохранились в длину по 40—60 см. Они оклеены тонким слоем бересты и имеют расширяющийся конец с арочным вырезом — ушком для натягивания тетивы (рис. 68, 1, 2).

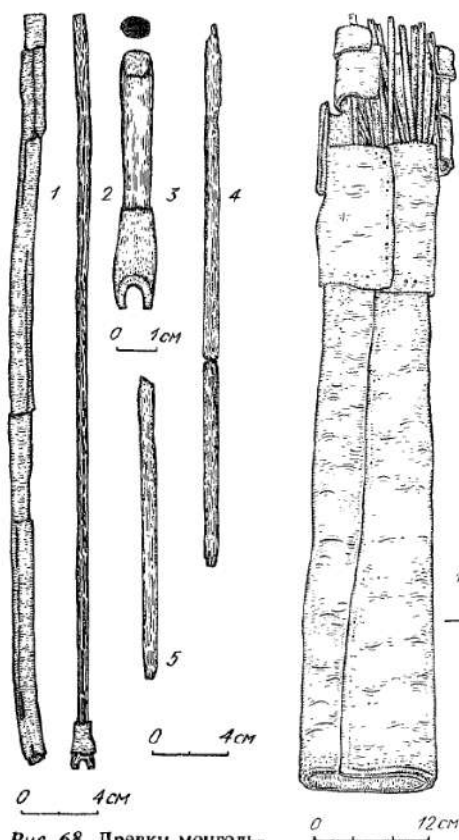

Рис. 68. Древки монгольских стрел.

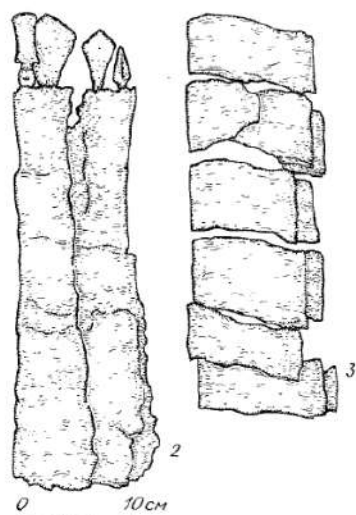

Рис. 69. Монгольские колчаны.
1 — тип 2; 2, 3 — тип 1.

В погребениях на Ольхоне в Прибайкалье найдены обломки березовых древков длиной 33,5 и 47 см. Концы древков не сохранились (рис. 68, 4, 5). Ольхонские древки стрел изготовлены из березы¹²⁸. Следов окраски на найденных древках нет.

КОЛЧАНЫ

Монгольские воины хранили и носили стрелы в колчанах. Они относятся к одной группе — с цилиндрическим приемником. По форме горловины среди них выделяется два типа.

Тип 1. С горизонтально срезанным верхом. Включает 7 экз. из памятников: Онкули, п. 3; Будулан; Чиндент I, п. 2, 3 в Западном и Восточном Забайкалье; Керулен, п. 3; Хоолтын-гол, п. 2; Мойлтын Ам в Монголии¹²⁹. Длина приемника — 75 см, ширина горловины — 15, ширина днища — 20 см. Колчаны сшивались из нескольких кусков и слоев бересты. Продольный шов помещался на внешней стороне приемника по центру или смещался на одну сторону. В приемник помещались стрелы. В найденных колчанах обнаружено по 4—6 стрел. Стрелы помещались в колчанах по-разному: наконечниками вверх, наконечниками вниз, наконечниками в разные стороны. Иногда встречаются в памятниках пустые колчаны. Различное положение стрел в колчане связано с различным назначением и традицией. В монгольское время возобладали

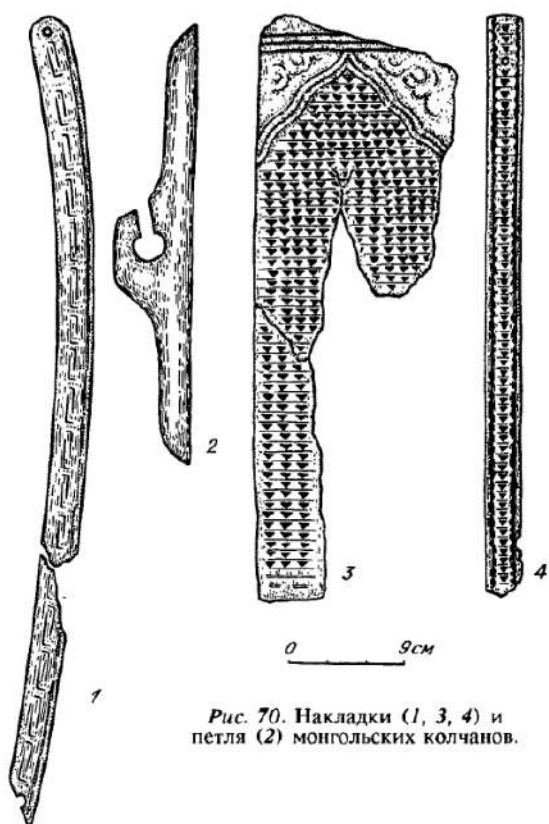

Рис. 70. Накладки (1, 3, 4) и петля (2) монгольских колчанов.

лись двумя вертикальными полосами на внешней стороне поверхности приемника. Они украшены треугольниками и мендром (рис. 70, 1, 3, 4).

Подобные орнаментальные сюжеты получили распространение на украшениях колчанов по всей Центральной Азии и Южной Сибири, включая Алтай и Минусу¹³⁰. В монгольских погребениях найдены костяные пластинчатые петли с выступом и отверстием посередине (рис. 70, 2).

Частой находкой в погребениях являются железные колчаные крючки. Они имеют прямой или вогнутый массивный стержень и загнутый крюк, округлую петлю и пластину со шпеньками, крепившуюся к ремню (рис. 71). Не все находки колчанов сопровождаются крючками. В то же время крючки иногда встречаются в погребениях без стрел и колчанов. Вероятно, какая-то часть крючков могла входить в состав принадлежностей пояса. Колчаные крючки с петлей или пластинчатым креплением распространяются в первой половине II тыс. н. э. по всей Центральной Азии.

Тип 2. С карманом. Включает 1 экз. из памятника Окошки, к. 1 в Восточном Забайкалье¹³¹. Длина приемника — 79 см, ширина горловины — 15, ширина днища — 17,5, высота кармана — 15 см. Колчан с длинным, расширяющимся к днищу приемником.

традиция помещать в колчаны с горизонтально срезанным верхом стрелы наконечниками вверх, так что они возвышались над горловиной (рис. 69, 2, 3). В XIII—XIV вв. н. э. колчаны данного типа иногда украшались накладками с геометрическим орнаментом. Широкие орнаментированные накладки помещались на внешнюю поверхность приемника. К сожалению, сказать определенно, где они крепились, на горловине или в средней части приемника, пока трудно. Эти накладки украшались полосами вписанных треугольников, изображениями оленей, елей, полос из меандра, зигзагов, кругов, квадратов и др. Узкие длинные накладки крепились

Сшит из нескольких кусков бересты в два слоя. Горловина укреплена дополнительным куском бересты. Шов с отверстиями для прошивания помещен на внешней стороне приемника. Отдельно пришивалось днище. Карман полукруглый. Его стороны загибаются внутрь. Стрелы в колчане помещены совершенно необычно для данного типа — наконечниками вниз, ушками вверх. Ушки стрел немного выступают за верхний край кармана. В колчане находилось 10 стрел (рис. 69, 1).

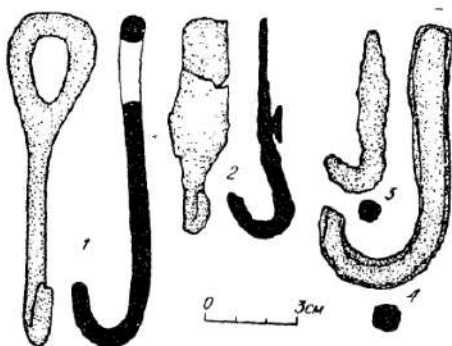

Рис. 71. Крючья монгольских колчанов.

Письменные источники не содержат сведений о форме и вместимости монгольских колчанов. Известно только, что каждый воин должен был иметь в составе снаряжения «три большие колчана, полные стрелами»¹³². На петроглифах Сабардуй в Забайкалье монгольские всадники изображены со стрелами за спиной, далеко торчащими из приемника. Вероятно, так изображены стрелы, помещенные в саадак, оперением вверх¹³³.

На персидских и китайских миниатюрах изображены монгольские воины с колчанами с карманом. Стрелы в них, как правило, не видны. Колчаны изображены подвешенными двумя ремнями к поясу, в наклонном положении, с правого бока всадника¹³⁴. Колчан подвешивался карманом вперед и вверх, днищем вниз и назад. Оба типа колчанов бытовали в течение всей первой половины II тыс. н. э.

НАЛУЧЬЯ

Находки каких-либо деталей налучий в монгольских памятниках не обнаружены. Известны только по персидским и китайским изображениям¹³⁵. Они близки по форме, имеют одну прямую, другую расширяющуюся сторону, на верхнем конце которой округлая бляха, петля или выступ для крепления ремешком к поясу. Все налучья приспособлены для хранения и ношения лука в боевом положении с надетой тетивой. Налучья с луками пристегивались к поясу с левого бока воина. Применялись монголами до этнографической современности.

СААДАКИ

В монгольских памятниках саадаки пока не обнаружены. Известны по изображениям на персидских, китайских и японских миниатюрах¹³⁶. Имеют различную форму. Приемник некоторых саадаков имеет трапецевидное или округлое расширение

книзу, у других днище саадака уже горловины. На отдельных рисунках одна сторона саадака изображена прямой, другая имеет три выступа. Стрелы в саадаках изображались оперением вверх. Нередко они более чем наполовину длины древка возвышались из горловины саадака. Очень редко в саадаке вместе со стрелами изображен лук с надетой тетивой. Саадаки чаще всего крепились к поясу с правого бока воина одним или двумя ремнями за верхний и средний выступы или среднюю часть приемника, но подвешивались подобно налучьям. Нижний конец помещался вперед и вниз, верхний конец с луком и стрелами вверх и назад в наклонном положении. Очень редко саадаки подвешивались на ремне через плечо на спину или затыкались спереди за пояс.

Саадаки подобной формы применялись во всем кочевом мире вплоть до этнографической современности.

Предметы вооружения ближнего боя встречаются в монгольских памятниках очень редко. Вероятно, это объясняется его большой ценностью.

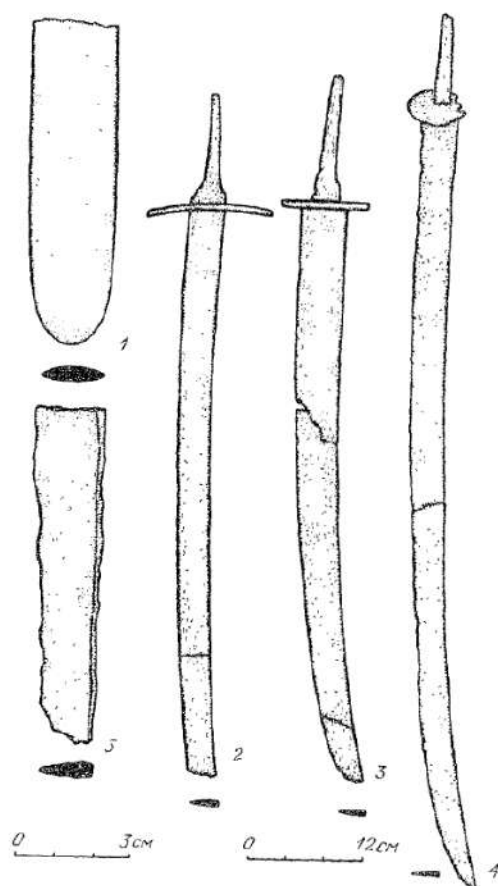

Рис. 72. Рубяще-колющее оружие монголов.
1 — обломок меча, 2—4 — или сабли, 5 — обломок палаша.

МЕЧИ

Обнаружен единственный обломок двулезвийного клинка с острием. По сечению клинка он относится к группе линзовидных. Двулезвийный прямой клинок с круглым острием. Большая часть клинка, перекрестье и рукоять не сохранились, поэтому его типологическая характеристика невозможна. Происходит из памятника Каракорум в Монголии¹³⁷. Длина сохранившейся части

клинка — 14 см, ширина — 3 см. Судя по оформлению острия, не характерного для кочевников, это может быть китайский или тибетский клинок (рис. 72, 1).

ПАЛАШИ

Обломок палаша обнаружен в памятниках монгольской культуры в единичном случае. По сечению клинка он относится к группе трехгранных. Из-за того, что основная часть клинка, перекрестье и рукоять утрачены, типологические особенности палаша не устанавливаются. Из памятника Каракорум в Монголии¹³⁸. Длина сохранившейся части клинка — 9 см, ширина — 2 см. Прямой однолезвийный клинок со скошенным острием (рис. 72, 5).

САБЛИ

Сабли в монгольских памятниках встречаются довольно редко. По сечению клинка они относятся к одной группе — трехгранных, насчитывающей один тип.

Тип 1. Слабоизогнутые с пластинчатым перекрестьем. Включает 3 экз. из памятников: Усть-Талькин, м. 41 в Прибайкалье; Мухор-Хундуй-Агуй; Хоринск в Забайкалье¹³⁹. Длина клинка — 74 см, ширина — 4, высота рукояти — 9 см. Однолезвийные слабоизогнутые клинки, со скошенным к спинке острием. Острие у двух клинков обломано. Перекрестье прямое, пластинчатое. У одного клинка оно съемное, округлой формы, с прямоугольным отверстием для черена рукояти. Черены рукояти высокие, узкие. У всех трех экземпляров они имеют еле заметное отклонение в сторону лезвия, либо спинки клинка (рис. 72, 2-4).

В источнике указано, что не все монгольские воины имели на вооружении рубяще-колющее оружие. «Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые»¹⁴⁰ (т. е. сабли. — Ю. Х.). На миниатюрах клинковое оружие изображается довольно часто. Встречаются изображения прямых клинков, слабоизогнутых сабель, ятаганов с изгибом полосы в сторону лезвия. Перекрестье у клинков чаще всего ладьевидное, реже округлое пластинчатое или вычурное фигурное. Рукоять прямая и длинная изогнутая. Навершие округлое, квадратное, многогранное, коническое. Некоторые рукояти не имели навершия, а пятка рукояти была украшена кистью¹⁴¹. Судя по изображениям, воины в государствах чингисидов широко пользовались клинковым оружием завоеванных стран. На японской миниатюре монгольский воин изображен с клинком, имеющим округлое пластинчатое перекрестье и длинную слабоизогнутую рукоять без навершия, характерную для китайских и японских мечей. На персидских миниатюрах в руках и на поясе у воинов изображены длинные прямые клинки с фигурным перекрестьем, сабли с долой и ята-

ганы, характерные для стран Среднего Востока. По-видимому, клинковое оружие было необходимой принадлежностью монгольских тяжеловооруженных воинов. Причем, у монголов были распространены преимущественно сабли, характерное оружие быстротечного «конно-сабельного» ближнего боя, для которого характерны облегченные формы доспеха, не стесняющего движения рук.

Все обнаруженные образцы клинкового оружия относятся ко времени существования Монгольской империи. Сабли применялись монголами и в период позднего средневековья.

КИНЖАЛЫ

Находки кинжалов в монгольских памятниках нередки. По сечению клинка монгольские кинжалы делятся на группы.

Г р у п п а I. Линзовидные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические без перекрестья. Включает 2 экз. из памятников: Бегул в Прибайкалье; Оловянная II, п. 2 в Забайкалье¹⁴². Длина клинка — 8 см, ширина — 2,5, длина черешка — 3,5 см. Двулезвийные прямые клинки с остроугольным острием и покатыми плечиками. Острие у одного клинка и черешки обломаны (рис. 73, 3, 7).

Г р у п п а II. Трехгранные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные без перекрестья. Включает 7 экз. из памятников: Бегул, Усть-Талькин, м. 21 в Прибайкалье; Окошки, к. 1; Кайлайстуй, п. 1; Чиндант I, п. 11 в Восточном Забайкалье; Бага-Арцат, м. 1; Уст в Монголии¹⁴³. Длина клинка — 13 см, ширина — 1,5, длина черешка — 4,5 см. Однолезвийные прямые клинки со скошенной спинкой и плавно сужающимся лезвием при подходе к острию, остроугольным острием, покатыми плечиками. У одного экземпляра при переходе клинка к черешку имеется обойма. У двух экземпляров сохранились деревянные рукояти без перекрестья и навершия. Сохранились и ножи. Деревянные прямые, сужающиеся от устья к нижнему концу. Обоймы и наконечник отсутствуют. У двух клинков обломаны черешки. У одного экземпляра обломан клинок (рис. 73, 1, 2, 4, 5).

Для монголов характерны преимущественно однолезвийные кинжалы. Двулезвийные клинки встречаются редко и невелики по размерам. Кинжалы могли применяться универсально для боевых и походных нужд. Возможности их применения в бою были ограничены рукопашной схваткой, добиванием раненых и т. д.

В источниках монгольские кинжалы специально не выделяются. Крайне редко они встречаются на изображениях монгольских воинов. Кинжал на одном из рисунков изображен без перекрестья и навершия, длина клинка не превышает длину ладони воина.

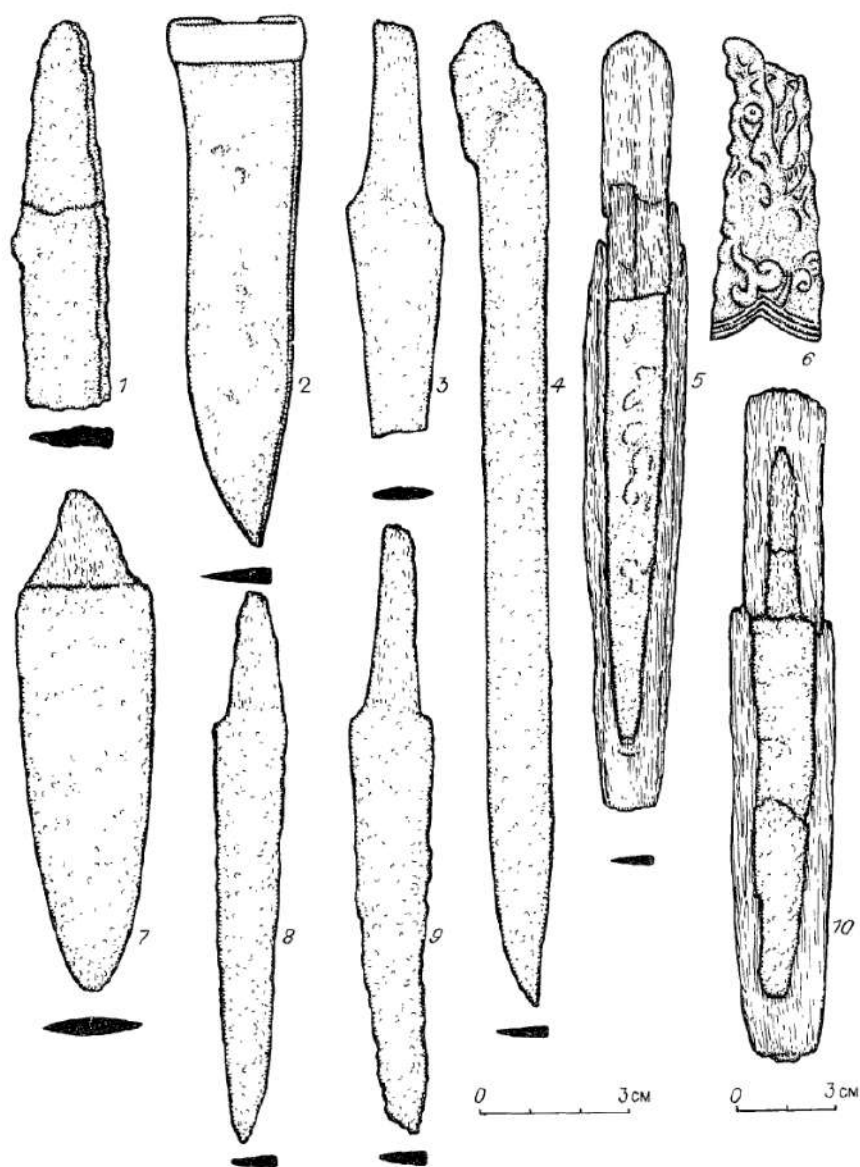

Рис. 73. Монгольские кинжалы.

1, 2, 4, 5, 8-10 — гр. II, тип I; 3, 7 — гр. I, тип I; 6 — рукоятка пьези из слоновой кости.

Большинство кинжалов обнаружено в памятниках монгольского времени. По-видимому, в течение первой половины II тыс. н. э. у монголов однолезвийные кинжалы численно преобладали, постепенно вытесняя из обращения двулезвийные.

КОПЬЯ

Находки наконечников копий в монгольских памятниках довольно редки. По сечению пера они делятся на несколько групп.

Г р у п п а I. Линзовидные наконечники. Насчитывает четыре типа.

Тип I. Ромбические. Включает 1 экз. из памятника Каракорум в Монголии¹⁴⁴. Длина пера — 12 см, ширина — 5, длина втулки — 16 см. Наконечник с остроугольным острием, широким пером, пологими плечиками, длинной втулкой (рис. 74, 1).

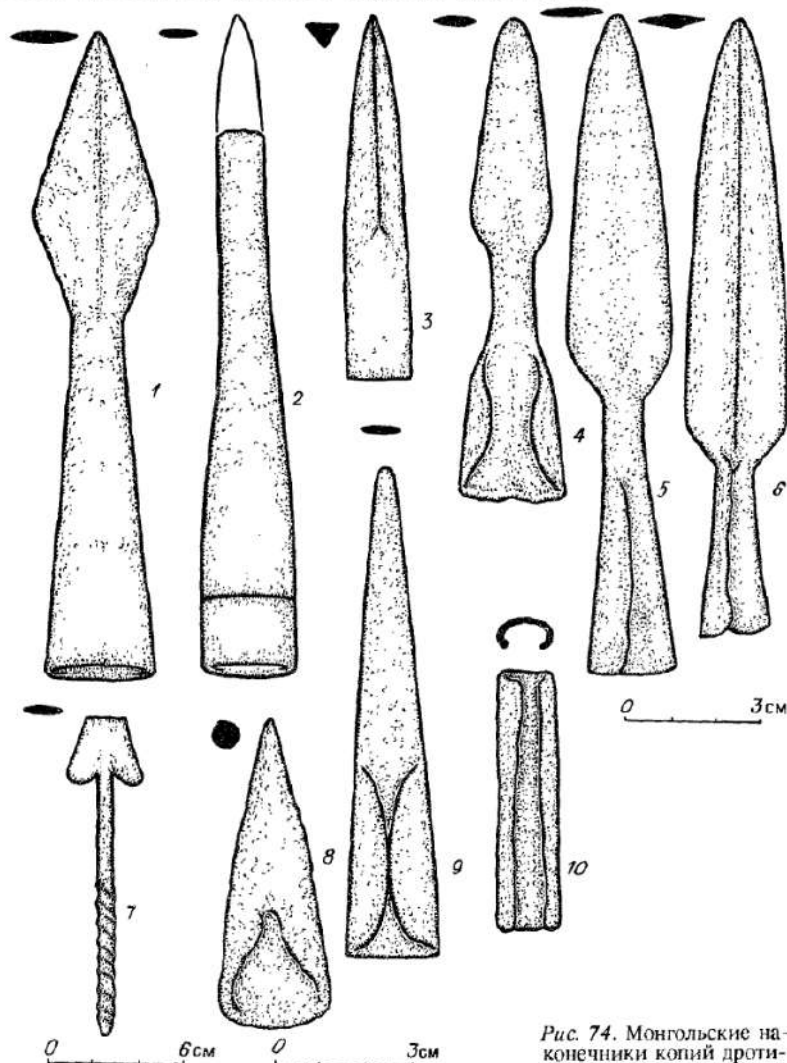

Рис. 74. Монгольские наконечники копий дротиков, наконечники копий.

1 — гр. I, тип 1; 2, 9 — гр. I, тип 4; 3 — гр. III, тип 1; 4 — гр. I, тип 3; 5 — гр. I, тип 2; 6 — гр. II, тип 1; наконечники дротиков: 7 — отд. II, гр. I, тип 1; 8 — отд. I, гр. I, тип 1; 10 — втулка копья.

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 2 экз. из памятника Дэрэстуйский Култук в Западном Забайкалье и Монголии. Длина пера — 8,5 см, ширина — 2,3, длина втулки — 6 см. Наконечники с остроугольным острием, длинным узким пером, покатыми плечиками, длинной втулкой (рис. 74, 5).

Тип 3. Эллипсоидные. Включает 1 экз. из памятника Усть-Талькин, м. 5 в Прибайкалье¹⁴⁵. Длина пера — 6 см, ширина — 2, длина шейки и втулки — 6 см. Наконечник с округлым острием и округлыми плечиками, короткой шейкой, короткой, широкой несомкнутой втулкой (рис. 74, 4).

Тип 4. Удлиненно-треугольные. Включает 2 экз. из памятников Забайкалья и Каракорума в Монголии¹⁴⁶. Длина пера — 11 см, ширина — 1,5, длина втулки — 8 см. Наконечники с остроугольным острием, длинным узким пером, переходящим в коническую втулку. У одного экземпляра втулка сплошная, у другого — несомкнутая. На сплошной втулке имеется кольцевое углубление на внешней поверхности втулки на расстоянии 3 см от нижнего края. Острие одного экземпляра обломано (рис. 74, 2, 9).

Г р у п п а II. Ромбические наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экз. из Монголии¹⁴⁷. Длина пера — 10 см, ширина 2,2, длина втулки — 3,5 см. Наконечник с остроугольным острием, длинным узким пером, короткой втулкой (рис. 74, 6).

Г р у п п а III. Трехгранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Каракорум в Монголии¹⁴⁸. Длина пера — 8,5 см, ширина — 2,2 см, длина втулки — 7 см. Наконечник с остроугольным острием, длинным узким пером, переходящим в длинную, цилиндрическую втулку. На втулке имеются отверстия для крепления к древку (рис. 74, 3).

В источниках упоминаются монгольские копьа с крюком, не обнаруженные в памятниках: «У некоторых из них есть копьа, и на шейке железа копьа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла»¹⁴⁹. На миниатюрах монгольские воины нередко изображались с копьями в руках. Иногда можно различить наконечник с пером удлиненно-ромбических очертаний. Довольно часто наконечник не изображался. По-видимому, эти копьа имели наконечники с узким удлиненно-треугольным пером, шириной которого уже диаметра втулки и древка¹⁵⁰.

Судя по имеющимся данным, древковое ударное оружие получило достаточно широкое распространение у монголов в XIII—XIV вв. н. э. В памятниках, которые можно отнести к началу II тыс. н. э., такие находки редки. Для монголов были характерны копьа с длинным узким пером удлиненно-треугольных и удлиненно-ромбических очертаний, рассчитанные на большую глубину проникания. Такие копьа были универсальными и применялись для поражения незащищенного панцирем противника, для преодо-

ления неметаллической защиты, для пробивания панцирной брони. Сравнительно редко встречаются специализированные бронебойные пики с трехгранным наконечником. Достаточно редки копья с широким пером, рассчитанным на нанесение рваной раны легковооруженному всаднику.

Древки и втулки копий служили для укрепления бунчуков и знамен. Возможно, для этой цели на втулку одного из наконечников нанесено кольцевое углубление. Знамена применялись в качестве опознавательных знаков для конных отрядов, использовались для передачи сигналов на расстоянии, служили ориентирами в ходе боя.

ДРОТИКИ

Находки наконечников метательных копий в монгольских памятниках очень редки. По способу насадки монгольские дротики подразделяются на два отдела: втульчатых и черешковых.

Отдел I. Втульчатые наконечники дротиков. Представлен одной группой. **Группа I. Круглые наконечники.** Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. из памятника Подчерная, п. 2 в Западном Забайкалье¹⁵¹. Длина пера — 3,5 см, ширина — 2,3, длина втулки — 3 см. Наконечник с остроугольным острием, коротким пером, переходящим в коническую, несомкнутую втулку (рис. 74, 8).

Отдел II. Черешковые наконечники дротиков. Представлен одной группой. **Группа I. Плоские наконечники.** Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные шипастые. Включает 1 экз. из Каракорума в Монголии¹⁵². Длина пера — 6 см, ширина — 4, длина черешка — 9,5 см. Наконечник с обломанным острием, широким пером, округлыми шипами, вогнутыми плечиками, длинным черешком с винтовой нарезкой (рис. 74, 7).

Метательные копья монголов не привлекли достаточного внимания современников. Дротики с конической втулкой и удлиненно-треугольным пером четырехгранного и круглого сечения применялись монголоязычными племенами Восточного Забайкалья со второй половины I тыс. н. э. Появление подобных наконечников в первой половине II тыс. н. э. в Западном Забайкалье свидетельствует о распространении традиции использования метательных копий монголами на занятой ими территории. Однако в XIII—XIV вв. н. э. данный вид оружия использовался монгольскими воинами очень редко. Совершенно необычен каракорумский дротик с плоским шипастым наконечником и черешком с винтовой нарезкой. По всей вероятности, это импортное оружие, заимствованное в ходе далеких заграничных походов. Какие-либо прототипы у данного типа метательных копий в средневеко-

вой традиции оружейного производства в Центральной Азии отсутствуют.

По-видимому, в монгольскую эпоху метательные копья применялись лишь в ходе конного боя на близком расстоянии, когда уже невозможно было пользоваться луком.

ПАЛЬМЫ

Своеобразным видом древкового ударного оружия являются трехгранные однолезвийные наконечники с втульчатым насадом. В научной литературе они обычно интерпретируются как «ножи с втульчатой рукояткой» или «боевые штыковидные ножи»¹⁵³. Но наличие у данных предметов длинной втулки с отверстием для крепления на конце, аналогичное втулкам копий, расширение втулки к концу, несомненно, свидетельствуют о том, что они крепились на длинных древках и не могли применяться как обычные ножи. Вполне вероятно их применяли для нанесения колющих или рубяще-режущих ударов.

Близкие по форме, хотя и больших размеров, втульчатые наконечники известны в этнографической культуре таежных охотников Сибири под названием «пальма»¹⁵⁴. Они имели длинный, до 0,5 м, однолезвийный прямой клинок, втулку, крепившуюся на древко в рост человека и выше. Использовались пальмы для нанесения колющих и рубящих ударов.

Монгольские пальмы по сечению клинка относятся к одной группе.

Г р у п п а I. Трехгранные наконечники. Насчитывает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 7 экз. из памятников: Сосновый, уч. 7 в Прибайкалье, в Западном Забайкалье; Чиндант I, п. 2 в Восточном Забайкалье; Шар-Гурд в Монголии¹⁵⁵. Длина клинка — 11 см, ширина — 1,5, длина втулки — 10 см. Наконечники с остроугольным острием, клинком с прямой спинкой и плавно сужающимся к острию лезвием, переходящим в длинную цилиндрическую несомкнутую втулку, с отверстием для крепления к древку на нижнем конце (рис. 75).

Подобный вид древкового оружия письменными и изобразительными источниками не зафиксирован. В памятниках I тыс. н. э. образцы однолезвийных втульчатых наконечников встречаются редко. Во II тыс. н. э. они получают некоторое распространение в Прибайкалье и Забайкалье. Единичные экземпляры найдены на территории Монголии и Саяно-Алтая. Видимо, их происхождение связано с северной периферией монгольских кочевий. Заимствованные у таежных охотников пальмы были распространены монголоязычными кочевниками в начале II тыс. н. э. в степных районах Центральной Азии. В этот период они использовались киданями и кыргызами. В XIII—XIV вв. н. э. пальмы продолжали применяться монгольскими воинами на северной периферии Монгольской империи.

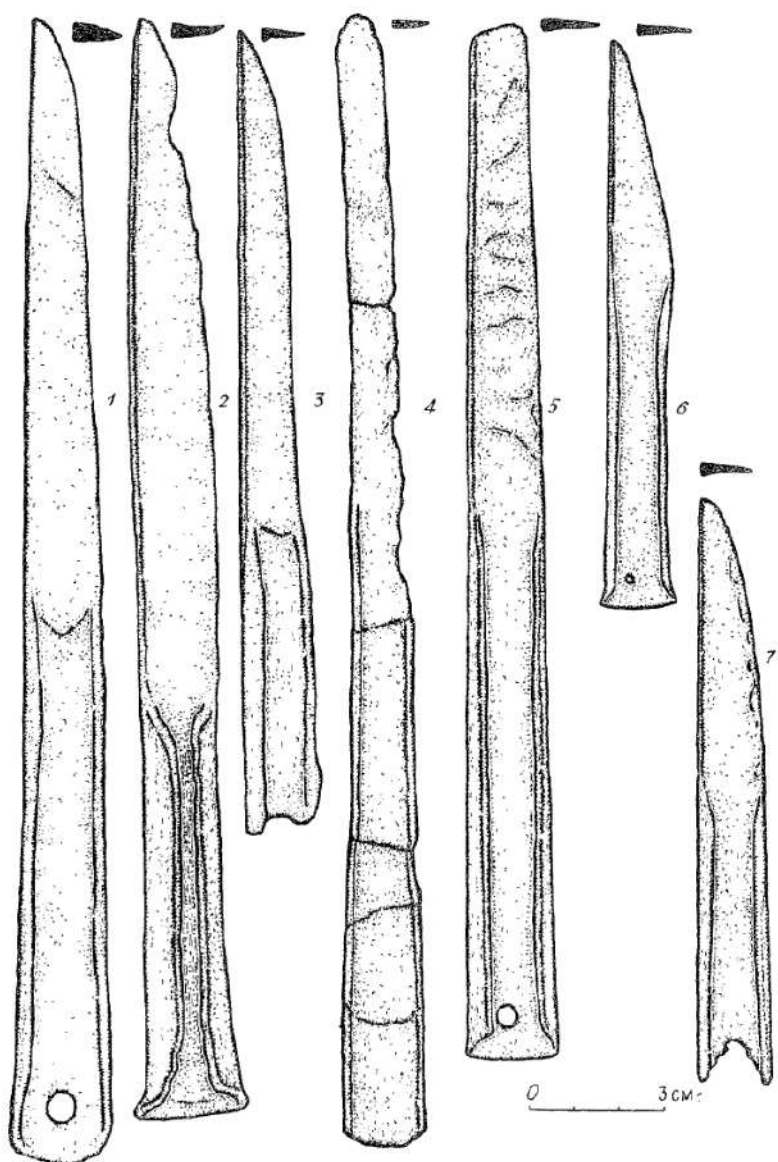

Рис. 75. Монгольские наконечники палм.

Помимо различных видов древкового оружия в памятниках монгольских кочевников встречаются обломанные втулки от копий, дротиков или палм. Это — цилиндрические или конические предметы с несомкнутым швом и отверстиями для крепления. Однозначно определить, к какому виду оружия они относятся, трудно (рис. 74, 10).

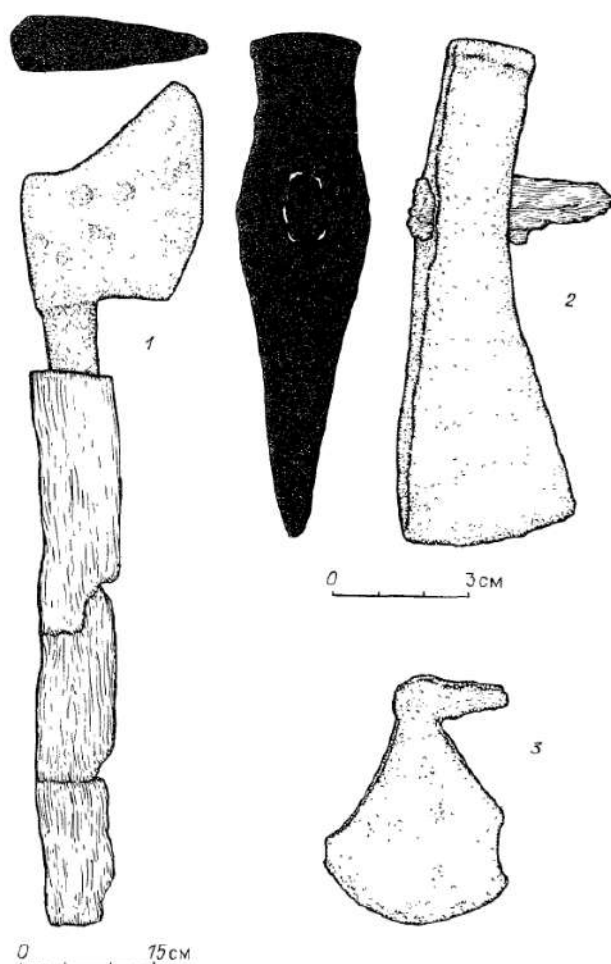

Рис. 76. Монгольские боевые топоры.

ТОПОРЫ

Находки боевых топоров в монгольских памятниках очень редки. По форме насада они относятся к двум отделам — проушным и черешковым.

Отдел I. Проушные топоры. Представлен одной группой. Группа I. Трехгранные. Насчитывает один тип.

Тип 1. Узколезвийные высокообушные. Включает 1 экз. из памятника Оловянная в Восточном Забайкалье¹⁵⁶. Длина лезвия и проуха — 8 см, ширина лезвия — 4, высота обуха — 3 см. Топор с узким лезвием, прямоугольным проухом и высоким обухом (рис. 76, 2).

Отдел II. Черешковые топоры. Представлен одной группой.
Г р у п п а I. Трехгранные. Насчитывает два типа.

Тип 1. Широколезвийные вислообушные. Включает 1 экз. из памятника Чиндант, п. 5 в Восточном Забайкалье¹⁵⁷. Длина лезвия и обуха — 6 см, ширина лезвия — 8, длина черена — 8 см. Топорик с широким невысоким лезвием, низким обухом, узким черешком. Лезвие имеет выступающий вперед острый верхний конец и скошенный нижний конец. Черен укреплен в округлой деревянной рукояти (рис. 76, 1).

Тип 2. Секторнолезвийные вислообушные. Включает 1 экз. из памятника Каракорум в Монголии¹⁵⁸. Длина лезвия и обуха — 15 см, ширина лезвия — 16,5, длина черена — 4,5 см. Топор с округлым сужающимся к обуху лезвием, коротким череном. Концы лезвия обломаны (рис. 76, 3). Топоры первого типа с узким лезвием и высоким обухом-противовесом известны в комплексе вооружения древних тюрков, кыргызов, чжурчженей в первой половине I — начале II тыс. н. э.¹⁵⁹ У монголов они могли применяться в качестве ударного оружия ближнего боя в первой половине II тыс. н. э. Судя по единичной находке из Восточного Забайкалья, широкого распространения у монголов они не получили.

Черешковые топоры — необычное явление для средневековых кочевнических культур Центральной Азии. Исследователи, касавшиеся их описания, с сомнением относятся к возможности их боевого применения, предполагая их декоративную функцию¹⁶⁰ и др.

Судя по находкам, подобные топоры появились у монголов в XIII—XIV вв. н. э., но сколько-нибудь широкого распространения не получили.

БУЛАВЫ

В памятниках монгольской культуры изредка встречаются боевые наконечники, интерпретируемые как булавы. Один из таких предметов был обнаружен при раскопках Каракорума в Монголии. По описанию С. В. Киселева и Н. Я. Мерперта, сделанная из железа булава в разрезе «имеет форму неправильного круга, диаметром 11 см»¹⁶¹. С применением монгольскими воинами «палиц» писал Ю. Н. Рерих¹⁶². Судя по изображениям на персидских миниатюрах, монгольские воины в государстве ильханов пользовались булавами с длинной рукояткой и боевыми наконечниками многолопастной конструкции, подобных «шестоперам»¹⁶³.

По всей вероятности, данный вид ударного оружия имелся на вооружении монгольских воинов в XIII—XIV вв. н. э. В предшествующую эпоху раннего средневековья булавами пользовались тюрки, у которых имелись цилиндрические палицы с шарообразными наконечниками и без наконечников¹⁶⁴. Монголы в период завоевания Центральной Азии и создания империи пользовались подобными булавами, а более сложные шестоперы появились у них позднее, после завоевания Передней Азии.

Детали защитного вооружения встречаются в монгольских памятниках очень редко. Однако о некоторых видах защитного ору-

жия монголов имеются подробные сведения в письменных источниках. Весьма информативны изображения монгольских воинов в доспехах на персидских, китайских и японских миниатюрах. Изучению монгольского доспеха посвящен ряд работ М. В. Горелика¹⁶⁵.

ПАНИЦИРИ

Среди находок деталей защитного вооружения из раскопок памятников монгольской культуры — панцирные пластины. По форме пластин и способу их крепления они могут быть отнесены к одному типу панциря.

Тип 1. Ламеллярные. Включает 2 экз. из памятников Дэрэстуйский Култук, п. 1; Чинданта 1, п. 2 в Западном и Восточном Забайкалье¹⁶⁶. Длина пластин — 8 см, ширина — 3 см. Длинные узкие пластины подпрямоугольной формы со скругленными углами. Отверстия располагались парами вдоль длинных и коротких сторон пластины (рис. 77)¹⁶⁷.

Плано Карпини подробно описана система крепления монгольских ламеллярных панцирей. «Они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготавливают много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеуказанные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают через отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и с другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеуказанные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как связано выше»¹⁶⁸. Согласно интерпретации М. В. Горелика, панцирные пластины укладывались вертикально в ряд, частично перекрывая одна другую на три ремня, к которым пришивались тонкими ремешками¹⁶⁹. Такие горизонтальные ряды из длинных узких пластин, прошитые тонкими ремешками, обнаружены в кыргызском погребении в Северо-Западной Монголии. Только ремешки пропущены через отверстия по обе стороны от центральной части пластины, а «плотный и крепкий» более широкий ремень обернут вокруг верхнего края рядов пластин и прошит тонким ремешком. Впрочем, способы прошивания пластин могли быть различны. Ряд пластин соединялись в отдельные составные части панциря.

Покрой панциря реконструируется по изображениям на персидских, китайских, японских миниатюрах. Эти рисунки очень информативны, с точной прорисовкой различных

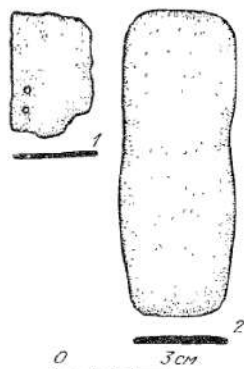

Рис. 77. Пластины монгольских панцирей.

деталей доспеха, что позволило М. В. Горелику создать убедительные реконструкции ламеллярного и ламинарного панцирей¹⁷⁰. Согласно этим реконструкциям, у монголов в XIII—XIV вв. н. э. существовало два типа панциря. Первый включал нагрудник с разрезами сбоку, или сзади, или спереди, набедренники до колен или середины голени, оплечья до локтя; второй представлял собой сплошной кафтан, включающий нагрудник с подолом с разрезом спереди и сзади и оплечья до локтей¹⁷¹. На изображениях представлены и другие типы панцирей: длиннополый хуяг с рукавами до локтей и разрезанным подолом ниже колен; короткополый хуяг с рукавами выше локтей и разрезанным подолом выше колен; нагрудник с оплечьями, нагрудник без оплечий; разъемный панцирь из не соединенных наглухо между собой пластин нагрудного покрытия, оплечий, набедренных покрытий, длиннополый халат с разрезом спереди и оплечьями, длиннополый запашной халат с рукавами; короткополый кафтан с фигурными оплечьями без подола; длиннополый хуяг с разрезанным подолом без оплечий и рукавов; хуяг с нагрудником, короткими рукавами и длиннополыми набедренниками; хуяг с нагрудником, короткими оплечьями и длиннополыми набедренниками¹⁷². Можно полагать, что основные составные части металлического покрытия панциря — нагрудник, оплечья, набедренники — были разъемными, и в некоторых случаях можно было надеть не весь панцирь, а только нагрудник и оплечья, или только нагрудник. Поэтому столь велико количество вариантов изображений. По нашему мнению, у монголов было три основных типа ламеллярного панциря: разъемный хуяг из нагрудника, оплечий, подола или набедренников; сплошной хуяг с рукавами и подолом; панцирь-халат с оплечьями или рукавами, запашной или незапашной. Первые два типа восходят к панцирям, бытовавшим у древних тюрок, кыргызов, киданей и других кочевников Центральной Азии во второй половине I — начала II тыс. н. э. Панцирь-халат, по-видимому, надо считать специфически монгольским типом доспеха.

Найденные в монгольских памятниках панцирные пластины могут относиться к любому из названных выше трех типов ламеллярных панцирей.

Сложнее судить о наличии у монголов ламинарных и комбинированных панцирей, покрой которых также реконструирован М. В. Гореликом¹⁷³. Находки пластин от подобных панцирей в памятниках отсутствуют. Нельзя согласиться с предположением В. Ф. Немерова о бытовании у монголов комбинированных панцирей, состоящих из одного ряда узких железных пластин в области груди, поверх кожного покрытия¹⁷⁴. Такая реконструкция противоречит здравому смыслу.

В средневековых источниках содержится немало сведений о технологии изготовления и применении монголами кожаных панцирей. М. В. Горелик относит их к числу панцирей с твердым покрытием и считает, что по своей эффективности они не уступали металлическим доспехам¹⁷⁵. Думается, что до проведения экспериментального анализа эту точку зрения принять нельзя. По матери-

алу изготовления эти доспехи должны быть выделены в отдельный класс — панцирей из твердой кожи. Каких-либо находок деталей таких панцирей нет, поэтому судить о них можно только на основании письменных источников.

Согласно наблюдениям Плано Карпини: «Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, на нижнем — в середине и так поступают до конца, отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле»¹⁷⁶. М. В. Горелик справедливо интерпретирует данный тип доспеха как ламинарный¹⁷⁷. По описанию Плано Карпини: «Латы же имеют также четыре части: одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела, сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются между собой пряжками»¹⁷⁸. Судя по тексту, монгольский кожаный ламинарный доспех состоял из нагрудника, наспинника, соединенных железными ляжками и пряжками, оплечий и набедренников. Панцири близкого покроя имеются на персидских миниатюрах¹⁷⁹. М. В. Горелик подчеркивает их высокую эффективность, приводя свидетельства источников, что панцири из многослойной кожи «почти непробиваемые», «прочнее, чем из железа»¹⁸⁰. В то же время не оспаривает мнение В. Рубрука о том, что монгольские «выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные»¹⁸¹.

Думается, кожаные панцири получили широкое распространение у монголов, прежде всего, из-за простоты и доступности изготовления в кочевом скотоводческом хозяйстве. Они были достаточно эффективны. Но считать их непробиваемыми, более прочными, чем железные, конечно, нельзя.

Значительная часть монгольских воинов носила специальную защитную одежду из мягких материалов, сыромятной кожи, войлока, ткани. Различные типы этой защитной одежды, называемые по-монгольски «хатангу дегель», проанализированы М. В. Гореликом¹⁸².

По-видимому, данный вид покрытия надо считать именно войсковой одеждой, выполнявшей некоторые функции защиты, ослаблявшие поражающее действие. Вряд ли к подобным халатам «хатангу дегель» применим эпитет «непробиваемые», иначе поверх него не надевали бы металлический панцирь «хуяг»¹⁸³. Иное дело, когда подобная одежда дополнялась металлическими пластинами,

крепившимися к матерчатой или кожаной основе снаружи или изнутри. Хотя покрой такого защитного покрытия может быть аналогичным чисто кожаному, его уже нельзя назвать «панцирем из мягких материалов»¹⁸⁴.

Защитная одежда монгольских воинов, изготавливавшаяся из кожи, войлока, ткани, меха, судя по изображениям на миниатюрах, имела несколько типов покроя: длиннополый жилет с боковыми разрезами подола; длиннополый халат с фигурными оплечьями и сплошным разрезом спереди, разрезом подола сзади; длиннополый халат с короткими рукавами, сплошным разрезом спереди, разрезом подола сзади; длиннополый запашный халат; короткополая куртка с фигурными оплечьями и разрезом спереди¹⁸⁵. Современники, упоминая о наличии у монголов неметаллической защитной одежды, не воспринимали ее как эффективное средство защиты от поражения¹⁸⁶. По-видимому, она являлась в первую очередь удобной боевой и походной униформой, не стеснявшей движений, предохраняющей от непогоды и т. д. Обладая определенным запасом прочности, она могла ослаблять поражающий удар, но не обеспечивала защиты от поражения при точном попадании. Вряд ли правомерно относить к средствам защиты такие детали воинского костюма, как плащи или сапоги¹⁸⁷ и т. д. Исключение могут составлять сапоги с панцирной металлической защитой голени, но они относятся к периоду позднего средневековья¹⁸⁸. Нет оснований предполагать наличие в составе «татаро-монгольского панциря» такой «дополнительной детали, как деревянных накладных щитков», если об этом нет никаких сведений в источниках¹⁸⁹.

По наблюдениям М. В. Горелика, в XIII в. у монголов появляется пластинчатый доспех, пластины которого пришивались изнутри к мягкой основе панциря. Этот доспех исследователь предлагает считать «усиленной» разновидностью защитной одежды «хатангу дегель»¹⁹⁰. Приводимые автором сообщения — распространение пластинчатых панцирей в Прибайкалье и Минусинской котловине в IX—XI вв., упоминание в источниках татарских доспехов «из вшитых железных пластин»¹⁹¹ дают основание считать его предположение вполне обоснованным. Возможно, что монголы применяли пластинчатую броню в виде панциря-жилета, надетого под мягкий халат, чтобы скрыть ограниченность зоны защиты или наличие самого панциря. Это могло быть тактическим приемом, своеобразной военной хитростью, дезориентирующей противника. С течением времени пластинчатая броня стала постоянно крепиться вместе с подкладкой к верхней защитной одежде изнутри, так что наружу выступали только заклепки.

К сожалению, в памятниках монгольской культуры такие пластины пока не обнаружены, поэтому судить о том, когда именно и у кого был заимствован монголами пластинчатый доспех, довольно сложно. Согласно наблюдениям ряда исследователей, у монголов он получил наиболее широкое распространение в период развитого и позднего средневековья¹⁹².

Если ламеллярные панцири, по всей вероятности, были известны монголоязычным кочевникам с конца I тыс. н. э. и продолжали

применяться на протяжении всей первой половины II тыс. н. э., то пластинчатые доспехи вошли в обиход монгольских воинов не ранее XIII в., уже в период существования Монгольской империи. Кожаные панцири и защитная одежда из мягких материалов, по-видимому, применялись в течение первой половины II тыс. н. э., в период монгольских завоеваний.

КОЛЬЧУГИ

В памятниках монголов в Центральной Азии кольчуги не обнаружены. Нет сведений о них и в письменных источниках. Однако, поскольку в памятниках древних тюрок, кыргызов, курыкан второй половины I тыс. н. э. в Южной и Восточной Сибири известны отдельные находки обрывков кольчужного доспеха, нельзя исключить возможность применения кольчуг в монгольское время. М. В. Гореликом интерпретированы как кольчуги некоторые изображения защитного покрытия воинов на иранских миниатюрах¹⁹³. По всей видимости, у монголов в период завоевания Центральной Азии и Южной Сибири этот вид доспеха не нашел сколько-нибудь широкого применения и вошел в обиход после покорения кыпчакских степей, Средней Азии и Ирана.

ШЛЕМЫ

В памятниках монгольской культуры в Восточной Сибири и Монголии шлемы не найдены. По сведениям источника: «Шлем же сверху железный или медный, а то что прикрывает кругом шею и горло — из кожи»¹⁹⁴. М. В. Гореликом проанализирована большая серия изображений шлемов на миниатюрах монгольского времени¹⁹⁵. Рисунки шлемов очень разнообразны, с обилием декоративных деталей. Автор выделяет ряд черт, специфичных, с его точки зрения, именно для монгольских шлемов, хотя и признает «разное происхождение» многих форм и деталей оформления¹⁹⁶. Поскольку большинство элементов не находит прототипов в оформлении шлемов центрально-азиатских кочевников предшествующего периода раннему средневековью, трудно судить, какие из них можно считать собственно монгольскими. Характерными «центральноазиатскими» чертами шлемов можно считать сфероконическую форму купола; его деление на четыре-восемь частей; их соединение с помощью узких накладных пластин; сферическое навершие с округлым и фестончатым краем и трубкой для султана; обруч по нижнему краю шлема; чешуйчатую или ламеллярную бармицу. Эти элементы присутствуют на кыргызских и киданьских шлемах. У киданей появляются вычурные декоративные детали оформления. Вполне вероятно, что у монголов они получили дальнейшее развитие. Однако выделить специфические монгольские детали декоративного оформления шлемов довольно сложно. Большинство богато оформленных шлемов относится ко времени расцвета государств чингисидов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Среди находок каких-либо деталей, связанных с усилением доспеха, не встречается. Нет упоминаний о них и в источниках. Однако на изображениях монгольских воинов на персидских миниатюрах встречаются разнообразные детали, дополняющие панцирное покрытие. Эти рисунки проанализированы М. В. Гореликом, который выделяет металлические нагрудные щитки-зеркала, крепившиеся поверх нагрудной части панциря; наручья — металлические пластины, прикрывающие руки от ладоней до локтей, поножи — металлические пластины, крепившиеся спереди на голенище сапог, для защиты ног от голеностопа до колена; «ожерелья» — съемный наплечно-нашейный доспех из металлических пластин, кольчуги, кожи — для предохранения верхней части тела воина¹⁹⁷. Судя по рисункам, все эти детали относятся к периоду самостоятельного существования монгольских улусов, возглавляемых потомками Чингисхана.

ЩИТЫ

Каких-либо деталей щитов в монгольских памятниках не обнаружено. По сведениям Плано Карпини: «Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили их иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью»¹⁹⁸. Помимо этих круглых, сплетенных из прутьев и прошитых нитями щитов, М. В. Горелик выделяет еще несколько форм: круглые деревянные, обтянутые кожей; круглые из многослойной кожи, круглые цельнометаллические; прямоугольные станковые¹⁹⁹. Многие щиты на внешней поверхности покрывались железными пластинами, а в центре помещались умбоны²⁰⁰. Судя по сообщению Плано Карпини, они относились лишь к порядку сторожевой службы. Днем воины-телохранители могли нести караул без щитов, ночью караулы усиливались, воины обязаны были вооружиться щитами.

ЗАЩИТНАЯ ПОПОНА

В памятниках находки деталей защитного покрытия лошадей не встречаются. Однако конский доспех достаточно подробно описан Плано Карпини: «Прикрытие лошади они делают на пять частей: с одной стороны одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, и сзади седла на спине и также на шее; также на крестце они кладут другую сторону там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и перед лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывает с вышеназванными сторона-

ми»²⁰¹. Судя по этому описанию, конский доспех имел железный налобник, кожаные ламинарные части, прикрывавшие тело коня: с боков до колен с обеих сторон; сверху шею, спину и круп до колен; спереди грудь до колен. Несколько иначе представляет себе монгольскую «вооруженную лошадь» М. В. Горелик²⁰². В его реконструкции все части доспеха ламеллярные, наряду с частями доспеха, прикрывающими грудь и бока лошади, имеются две части, прикрывающие с двух сторон шею, и одна — круп, что не вполне соответствует описанию в источнике. Однако судя по изображениям на миниатюрах, сочетание деталей конского доспеха могло варьироваться: боковые и нагрудная части соединялись воедино; нашейная часть крепилась отдельно сверху или снизу; доспех накрывался матерчатой попоной²⁰³.

Помимо кожаного применялись покрытия из войлока и ткани. Подобный вид защиты боевого коня, известный в Центральной Азии в раннем средневековье у древних тюрков, кыргызов, киданей, получил распространение у монголов в XIII—XIV вв. н. э.

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

Большинство исследователей XIX — первой половины XX в. в своей оценке набора оружия монголов ориентировалось на сведения письменных источников. Однако если М. Иванин ограничивался, по существу, пересказом сведений Плано Карпини²⁰⁴, то Ю. Н. Рерих дал им развернутую характеристику²⁰⁵. «На вооружении всадников состояли: кожаные и железные панцири, панцири из кожи, покрытой лаком, и кольчуги из металлических пластин, находящих друг на друга, скрепленных сыромятными ремнями, железные или медные шлемы с кожаными затыльниками для защиты от сабельных ударов, щиты, которыми, однако, редко пользовались в конном бою, кривые сабли, пики, снабженные крюком для стаскивания противника с седла, палицы, луки с саадаками, в которые были вложены три типа наконечников для стрельбы на разные дистанции (легкий наконечник дальнего действия, широкий наконечник для стрельбы на близкие дистанции), а также известное число тяжелых панциробойных стрел (до 30 стрел). Кроме этого вооружения каждый всадник имел при себе: мешочек с шилом и иглою для починки амуниции, две кожаные фляги, котелок для пищи и кожаный мешок со сменной белья, который также служил для переправы через реки. На коней надевался панцирь. Зимой полагалась меховая шапка и овчинный тулуп. Некоторые части вооружения монгольских войск приходилось ввозить в Монголию из соседних промышленных центров. Так шелковые тетивы для луков получали из Китая, а холодное оружие шло из Трансоксианы. Палатки полагались на несколько всадников»²⁰⁶.

Монгольские воины, по мнению Ю. Н. Рериха, это — тяжело-вооруженные всадники с разнообразным набором средств защиты с оружием для дистанционного и ближнего боя.

Несколько иначе характеризовали комплекс вооружения монгольских воинов специалисты по военной истории Древней Руси. А. Ф. Медведев считает, что «монголы главный удар нанесли стрелами»²⁰⁷ в основном с плоскими широкими наконечниками. «Бросается в глаза почти полное отсутствие у монголов бронебойных стрел»²⁰⁸. Собственных наконечников у монголов не хватало, поэтому они широко пользовались трофейными²⁰⁹. Сходную точку зрения высказал А. Н. Кирпичников. По его мнению, монгольское войско было «в основном конным, легковооруженным и очень подвижным...»²¹⁰, монгольские воины были сильны в бою «массированным применением лука и стрел...»²¹¹.

Именно эти оценки, хотя они высказаны по частным поводам, без развернутой аргументации, вызвали серьезные возражения у М. В. Горелика. Он выступил против «господствующего мнения подавляющего большинства ученых» о том, что «монгольский воин — это прежде всего легкий конный лучник»²¹². Ряд статей, в которых автор привлек изобразительные, письменные и вещественные материалы, посвящен анализу защитного вооружения монголов. Им реконструирован внешний облик монгольских панцирных всадников²¹³. М. В. Горелик полагает, что все монгольские воины были тяжеловооруженными, хотя и отмечает средства защиты из металла, твердой кожи и «мягких материалов», но считает эти различия несущественными, поскольку все панцири обеспечивали надежную защиту, были «непробиваемыми»²¹⁴.

Привлечение для анализа вещественных материалов позволило Д. А. Крылову и В. Ф. Немерову реконструировать комплекс вооружения средневекового забайкальского воина. К сожалению, оба автора используют для реконструкции данные разных культур. По мнению Д. А. Крылова: «Облик воина X—XIV вв. реконструируется таким образом: всадник, облаченный в кожаный (меховой), прошитый ремнями, панцирь, меховой шлем-шапку, а также поножи и поручни. В руках он держит щит и копье. Его основное оружие — сложносоставной лук и стрелы»²¹⁵. В. Ф. Немеров утверждает: «Сложилось мнение, что воин эпохи Чингисхана и его преемников — это прежде всего легкий конный лучник»²¹⁶. И опровергает это мнение, посвятив первый раздел своей статьи монгольскому «тяжеловооруженному конному воину». Однако все привлеченные им находки панцирных пластин относятся к ундугунской культуре. Весь реконструированный облик монгольского защитного вооружения базируется на различных сведениях, почерпнутых из литературы. Наряду с тяжеловооруженным В. Ф. Немеров реконструирует набор оружия легковооруженного конного воина. «Он был одет в сшитую из шкуры кабарги, косули, соболя, лисьих или волчьих лап шапку («малогай») с острой или округлой тульей и расширенным сверху околышем, с которого свободно свисали пушистые звериные хвосты, мягкий панцирь («хатангу дегель») в виде длинного кафтана с фигурными листовидными оплечьями, сшитый из слоеной кожи, войлока и прочной ткани и часто простеганный металлическими пластинками, или стеганный халат с косым запá-

хом и узкими длинными рукавами, кожаные рукавицы («архан»), стеганные штаны и сапоги»²¹⁷.

Судя по этому описанию, В. Ф. Немеров относит к числу легковооруженных даже воинов, облаченных в доспехи с внутренним креплением металлических пластин, с чем трудно согласиться.

Рассмотренные в предыдущих разделах виды наступательного и защитного оружия позволяют более аргументированно реконструировать комплекс вооружения монгольского воина. Судя по имеющимся материалам, в монгольском войске имелось два рода войск: тяжеловооруженная и легкая конница²¹⁸ (рис. 78—80).

Тяжеловооруженный всадник был облачен в шлем, панцирь или кольчугу, оплечья, наручья и поножи, имел щит. В дистанционном бою воин мог пользоваться луком и большим набором стрел, хранившихся в колчанах, а также дротиками. Для хранения и ношения луков применялись налучья и саадаки. В ближнем бою монгольский панцирный всадник мог использовать копьё, пальму, меч, палаш, саблю, боевой топор и булаву. В рукопашном бою применялся кинжал. Монгольские тяжеловооруженные воины защищали тело боевого коня защитной попоной. Набор средств ведения дистанционного, ближнего боя и защиты у монгольских панцирных всадников был очень разнообразен (рис. 81, 82).

Но преобладали легковооруженные всадники (рис. 83). К их числу необходимо отнести тех, кто был облачен в защитную одежду из «мягкой кожи, войлока, толстой ткани», меха. До проведения соответствующих экспериментов вопрос об эффективности защитных средств из «твердой кожи» остается открытым. Использование монголами средств защиты из мягких материалов не дает основания для отнесения всей массы монгольской конницы в разряд тяжеловооруженной. О наличии у монголов легкой конницы свидетельствует в первую очередь сам характер наступательного вооружения монголов. Подавляющую часть комплекса вооружения составляют средства поражения незащищенного панцирем противника в дистанционном бою. Бронебойные наконечники в наборе стрел немногочисленны и типологически не очень разнообразны²¹⁹. В соответствии с малым числом находок средств пробивания брони в ближнем бою и самих средств защиты общая картина, рисующая облик монгольского войска, представляется весьма показательной. Да и характер военного искусства монголов, большая роль тактики массированного обстрела на дистанции полета стрелы свидетельствует о значительной роли легковооруженной конницы в составе их войска. Для тяжеловооруженной конницы же характерна тактика таранного ближнего боя в плотно сомкнутом строю. Поэтому я считаю, что большая часть монгольского войска, проводившего боевые операции в Центральной Азии, была легковооруженной. Однако вооружение монгольских легких всадников не ограничивалось средствами ведения дистанционного боя. Наряду с некоторыми средствами защиты, луком и стрелами, монгольские легкие всадники были вооружены копьями, пальмами, саблями, боевыми топора-

Вид	Группа	Тип	Размеры, см	Кол-во, экз.	Территория	Период, вв.
Луки	I	1 - 4	120	30	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
СТРЕЛЫ	I	1 - 2	7×3	3	Забайкалье	XI-XIV
	II	1 - 18	6×3	349	Прибайк. Забайк. Монголия Тува	XI-XIV
	III	1	6,5×1,5	4	Забайкалье	XIII-XIV
	IV	1 - 2	3,5×1	2	Забайкалье Монголия	XIII-XIV
	V	1 - 3	5,5×1	10	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	VI	1 - 2	6×1	3	Забайкалье	XI-XIV
	VII	1 - 2	5×1	2	Прибайкалье Забайкалье	XI-XIV
	I	1	3,5×1	3	Забайкалье	XI-XIV
	I	1 - 5	6,5×1,5	12	Прибайкалье Забайкалье	XI-XIV
	II	1 - 5	7,5×1,5	18	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	III	1 - 2	5,5×1,5	2	Забайкалье	XI-XIV
	IV	1	5×1	1	Забайкалье	XI-XII
	V	1	4×1	1	Прибайкалье	XIII-XIV
Колчаны	I	1 - 2	77×19	8	Забайкалье Монголия	XI-XIV
Мечи	I	1	14×3	1	Монголия	XIII-XIV
Палаш	I	1	9×2	1	Монголия	XIII-XIV
Сабля	I	1	74×4	3	Прибайкалье Забайкалье	XIII-XIV
Кинжалы	I	1	8×2,5	2	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	II	1	13×1,5	7	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
Копья	I	1 - 4	9×3	6	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
	II	1	10×2	1	Монголия	XI-XIV
	III	1	8,5×2	1	Монголия	XIII-XIV
Дроты	I	1	3,5×2	1	Забайкалье	XI-XII
	I	1	6×4	1	Монголия	XIII-XIV
Пальмы	I	1	11×1,5	7	Прибайк. Забайк. Монголия	XI-XIV
Топоры	I	1	8×4	1	Забайкалье	XI-XIV
	I	1 - 2	6×8	2	Забайкалье Монголия	XIII-XIV
Панцири	I	1	8×3	2	Забайкалье	XI-XIV

Рис. 78. Сводная таблица монгольского оружия.

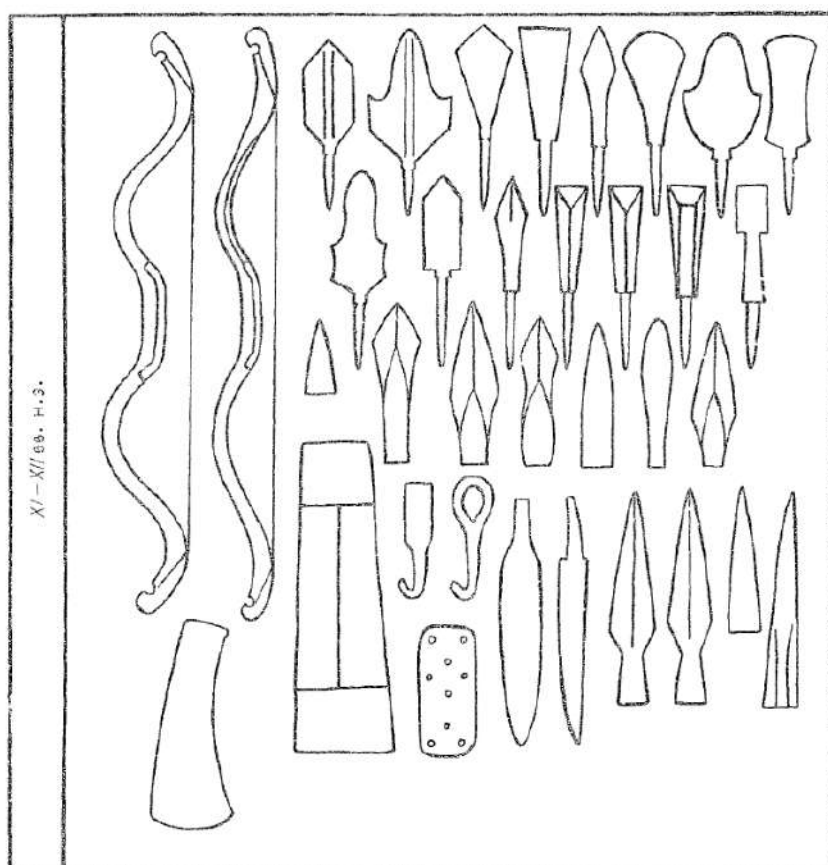

Рис. 79. Типолого-хронологическая матрица монгольского оружия
XI—XII вв. н. э.

ми, булавами, кинжалами, арканами. Отряды легковооруженных всадников, наряду с традиционной тактикой рассыпного строя, разведки боем, заманивания и преследования противника, участвовали в ближнем и рукопашном бою, атакуя лавой.

С расширением монгольского государства, включением в его состав кочевых и оседлых народов, в монгольское войско включались отряды покоренных племен. В монгольском войске появились отряды пехоты, вспомогательные подразделения. По данным, приводимым Ю. Н. Рерихом, «войска состояли из конницы, которой были приданы отряды осадных войск, на вооружении которых состояли выючные и тяжелые осадные орудия (балисты и др.). Эти осадные войска состояли из уроженцев покоренных оседлых народов, привыкших к условиям пешего боя и крепостной войны»²²⁰.

Характер вооружения этих отрядов, вероятно, весьма существенно отличался от монгольского.

В целом комплекс вооружения монгольского воина в периоды накануне и после образования Монгольской империи представляет-

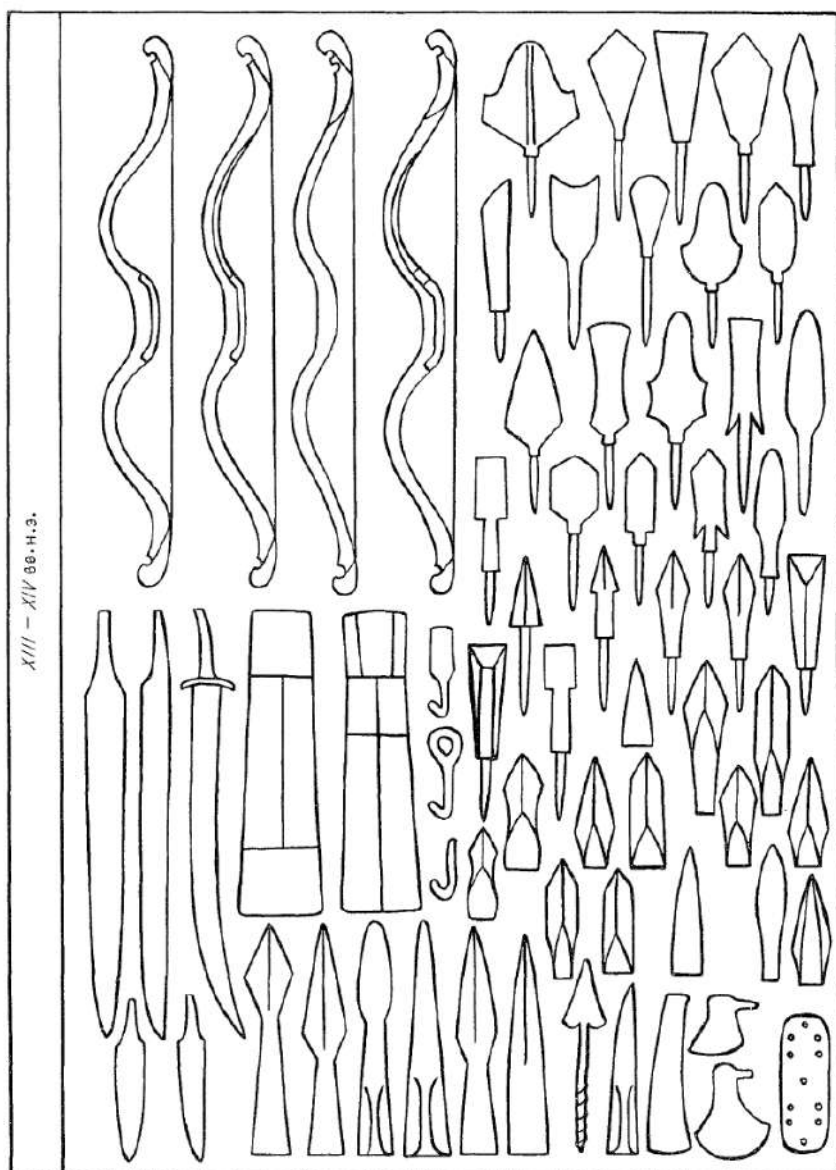

Рис. 80. Типолого-хронологическая матрица монгольского оружия XIII—XIV вв. н. э.

ся весьма развитым для своего времени, включающим широкий спектр видов и типов оружия дистанционного, ближнего боя и защиты. В его составе численно преобладают виды и типы, характерные для монголоязычных кочевников с периода раннего средневековья, получившие распространение в пределах всего байкальского историко-культурного региона. Среди них, прежде всего, средства

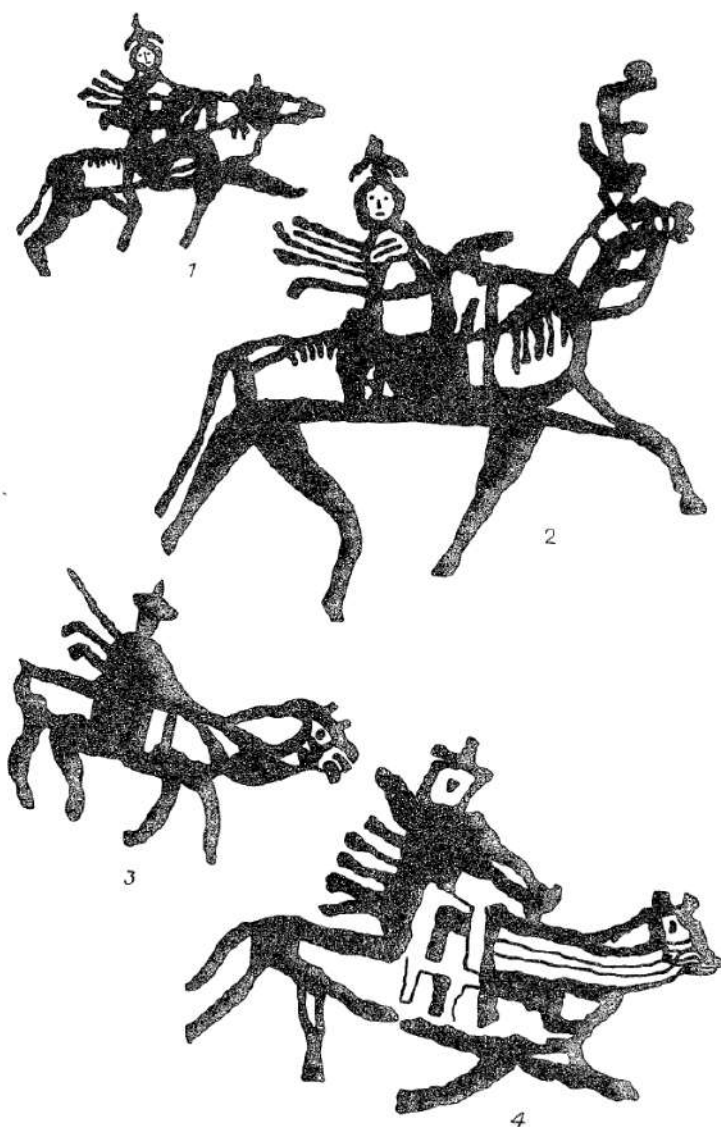

Рис. 81. Изображения монгольских воинов.

ведения дистанционного боя — луки со срединной фронтальной накладкой и стрелы с плоскими широколопастными железными наконечниками. Эти виды оружия, будучи традиционными для монгольских кочевников, получили широкое распространение в монгольское время по всей степной Азии вплоть до Восточной Европы. Менее специфичны виды наступательного оружия ближнего боя, зафиксированные в монгольских памятниках. По-видимому, наиболее характерными для монголов надо считать слабоизогнутые сабли с пластинчатым перекрестьем и копья с удлинненно-ромби-

Рис. 82. Реконструкция монгольского тяжело-
оруженного воина.

ве длительного отбора многие виды и типы оружия, характерные для центральноазиатских кочевников на протяжении всего периода раннего и развитого средневековья. Наряду со специфически монгольскими и прибайкало-забайкальскими элементами в его составе присутствуют многие виды и типы оружия, широко употреблявшиеся в прошлом тюркоязычными кочевниками. Вряд ли на этом основании стоит умалять вклад монголов в мировую историю военного искусства, утверждая, что монголы «не совершили переворота в военном деле и не были изобретателями новых боевых средств»²²². Главное в военном деле — не столько изобрести новое средство ведения боя, сколько применить его с максимально возможной эффективностью.

Весьма существен вклад монголов в распространение

чекским пером. Весьма своеобразны пальмы, но своим происхождением они связаны со всем байкальским историко-культурным регионом и обитанием в его пределах тунгусоязычных племен. Среди средств защиты характерными для монголов можно считать панцири-халаты, хотя широко применялись и другие типы ламеллярного доспеха. Возможно, со временем получит подтверждение выделение М. В. Гореликом других специфических монгольских элементов защитного вооружения²²¹.

Комплекс монгольского вооружения безусловно включил на осно-

Рис. 83. Реконструкция монгольского легко-
вооруженного воина.

образцов монгольского и центральноазиатского оружия в пределах Старого Света в эпоху монгольских завоеваний. Применительно к наконечникам стрел это убедительно продемонстрировал А. Ф. Медведев²²³, а к защитному вооружению — М. В. Горелик²²⁴. Повсеместное распространение и заимствование монгольского оружия в кочевом мире в XIII—XIV вв. н. э. и позднее наглядно свидетельствует о его большой эффективности. Наряду с военными успехами монголов важную роль в перевооружении кочевников монгольским оружием сыграла его эффективность в условиях повышения интенсивности конного боя, переход кочевников в военное и политическое подчинение государствам чингисидов.

СТРУКТУРА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Особенности военной организации в сочетании с суровой воинской дисциплиной традиционно считаются одним из основных факторов успеха монгольского оружия в эпоху великих завоеваний XIII в. н. э. Наиболее отчетливо это сформулировал Ю. Н. Рерих: «Впервые в истории Среднего и Дальнего Востока военные операции велись хорошо организованными и обученными войсками. Этой регулярной организацией монгольских войск объясняется легкость их побед над противником, который часто был более многочисленным. В войсках монгольского хана поддерживалась железная дисциплина как в походе, так и в бою. Смертная казнь полагалась всем дезертирам и отказавшимся идти в бой»²²⁵. Иначе оценивает особенности организации монголов А. Н. Кирпичников, считая, что они были сильны «своим численным превосходством, патриархальной дисциплиной и массированным применением лука и стрел», но с большим трудом одерживали верх в крепостной войне²²⁶.

О системе формирования и деления войска у монголов довольно подробно говорится в источниках. Наиболее ценны сведения, приводимые Плано Карпини: «О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному»²²⁷. Судя по этим данным, у монголов при Чингисхане была принята азиатская десятичная система деления войска и народа. Все мужское население монгольского государства было поделено на десятки, сотни, тысячи, тумены с обязательством поставлять в войска соответствующее количество полностью экипированных, вооруженных и снаряженных воинов, боевых и заводных лошадей. Так, М. Иванин отмечал: «В случае набора войск каждый десяток составлялся, смотря по наряду, по одному, по два и более воинов, снабжая их назначенным продовольствием и потребностями в походе. Каждый монгол, способный носить оружие, был воином.

В войсках было то же подразделение; в каждом десятке выбирали одного десятника, для начальствования 9-ю воинами, 9 десятков были подчинены сотнику, имевшему сверх того свой особый десяток; на таком же основании были тысячники и десятитысячники, называемые нашими летописцами темниками; подчиненные же им десятитысячные отряды назывались — туменями²²⁸. Аналогичные сведения приводятся в работе Ю. Н. Рериха: «Согласно древней военной системе кочевых среднеазиатских государств, монгольское войско делилось на тьмы (конный корпус в 10 000 всадников), тысячи или полки, сотни и десятки. Тьмы или корпуса соединялись в конные армии, до 100 000 всадников, называемые туг или знамя. Во главе корпусов, полков и сотен стояли темники, тысячники и сотники»²²⁹.

Наряду с десятичным делением войска, у монголов сохранялось подразделение армии на крылья и центр. «Широко была проведена военизация кочевого быта, без нарушения, однако, родового строя. Воинские части укомплектовывались из отдельных племен и родов, которые были обязаны выставлять определенное число всадников. Войска и роды их комплекующие были разделены на центр или кэль под начальством бааринца Ная, на войска левого крыла (джун-гар) под начальством Мухали и войска правого крыла (барун-гар) под начальством Богурчи»²³⁰. Особое место в составе войска занимала ханская гвардия, которая обеспечивала охрану «ханской ставки — центра кочевой державы»²³¹. Ханская гвардия (кешиг) состояла из наиболее боеспособных и наилучшим образом вооруженных воинов. По мысли Ю. Н. Рериха: «Ханская гвардия (кешиг) превратилась в военную школу, в которой выковывалась конно-ударная маневренная тактика монгольской конницы XIII в.

Гвардией лично командовал сам император-хан, который таким образом не терял связи со строем»²³². Хан являлся главой монгольского государства и верховным главнокомандующим вооруженных сил. Однако многие важные дела, касавшиеся ведения войны, наряду с ханом обсуждал совет военачальников — курултай. «В начале и конце каждого года должен был собираться совет военачальников, на котором хан имел возможность лично общаться со своими соратниками — так выковывалось единство военной доктрины, отличавшее монгольскую армию в царствование Великого Хана»²³³. Известно, однако, что Чингисхан в какой-то момент своего правления поручил ведение всеми военными делами одному из полководцев — Хубилаю.

Принцип десятичного деления войска и ведения военно-административной системы по-разному оценивался исследователями. Ю. Н. Рерих считал, что эта система не нарушала родоплеменного деления, а Л. Н. Гумилев оценивал такую систему-орду как противоположность племенной организации²³⁴. По-видимому, десятичная система учитывала сложившееся родоплеменное деление, но в ходе непрерывных войн отдельные воинские отряды из разных племен оказались перемещенными на столь далекие расстояния, что утратили связь с остальными соплеменниками. По-видимому, отчасти такое перемешивание разных племен, в частности пересе-

ление части покоренных кочевых племен в отдаленные районы обширной империи, было сознательной политикой, имевшей целью ослабить возможность их организованного сопротивления.

Важное значение в структуре военной организации монголов имели вспомогательные военные службы. В монгольском войске была создана интендантская служба и учреждена «новая должность» — черби или армейских интендантов, что указывает на упорядочение службы тыла²³⁵. Как считал Ю. Н. Рерих, у монголов «впервые в истории военного дела была введена правильная организация служб снабжения и тыла. Большое внимание обращалось на устройство магазинов для хранения припасов. Так, в «Описании путешествия Чан-Чуня» говорится о больших зернохранилищах в «городе Чинкая» в Хангае²³⁶. Наряду с интендантской службой были созданы отряды, обеспечивавшие прокладку «военных дорог», своего рода саперные подразделения. Большое внимание уделялось военной разведке, знанию местоположения и боеспособности противника. Этой деятельностью занимались специальные послы или купцы. Как заметил Ю. Н. Рерих: «Вообще Чингисхан много сделал для сохранения сил бойцов и обеспечения операции всем необходимым»²³⁷.

Важную роль играла продуманная система подбора командного состава. «При назначении тысячников и сотников Чингисхан не руководствовался аристократическим происхождением кандидатов, а исключительно их способностями и умением управлять людьми. Так он приказал пастуху овец Дегею быть тысячником над одним бродячим племенем. В другом случае во главе новообразованного племени был поставлен плотник Гучугур»²³⁸. Как считал Ю. Н. Рерих, забота о простых воинах всегда была в поле зрения Чингисхана: «Чингисхан требовал от своих военачальников постоянной заботы о людском и конском составе. «Еще сказал: нет героя, подобного Сунтаю, нет в “тысячах” (полках) подобного ему человека. Однако так как он не знает усталости от похода, не чувствует ни жажды, ни голода, то и других людей из нукеров и воинов, находящихся при нем, всех считает подобными себе в перенесении тягостей, а они не имеют силы и твердости к перенесению. По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положением других, идет в дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих отощать. На этот смысл указывает: идите шагом слабейшего из нас»²³⁹.

Судя по приводимым сведениям, Чингисхан был не чужд пропагандистской деятельности, подчеркивая свое единство с простыми воинами; все было рассчитано на поднятие их энтузиазма. Сохранилось такое его высказывание: «Я отношусь к моим воинам, как к братьям. Участвуя в ста сражениях, я всегда был впереди. В течение семи лет я совершил великое дело и в шести странах света все подчинено одному закону»²⁴⁰.

Однако куда в большей степени, нежели подобные декламации, в памяти современников сохранились жестокие меры наказания,

принятые в монгольском войске для поддержания воинской дисциплины. Подробно сообщает о них Плано Карпини: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообщая, то все бегущие умерщвляются; точно также если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются»²⁴¹. Судя по этим данным, все бойцы каждого отряда были скреплены круговой порукой, неся ответственность не только за свое, но и за поведение своих сослуживцев в ходе боя. Историки, характеризовавшие воинскую дисциплину в монгольском войске в эпоху Чингисхана, оценивают ее словами: «железная», «суровая», «патриархальная» и т. д. Многие исследователи склонны видеть в «железной дисциплине» одну из причин побед монголов в войнах XIII в. В этом солидарны даже такие разнящиеся в оценках военного дела монголов ученые, как Ю. Н. Рерих и А. Н. Кирпичников²⁴².

Хотя меры поддержания дисциплины, принятые в монгольском войске, и характеризуются большой суровостью, они не были нововведением монголов. По-видимому, можно говорить об их неукоснительном проведении в жизнь во время правления Чингисхана, обеспечивавшем более высокую организованность и дисциплинированность монгольских войск в сравнении с их историческими противниками. Но победу монгольским армиям принесли, конечно, не столько страх жестоких наказаний, а высокий профессионализм, воинская выучка, боевой опыт военачальников и уверенность в своей непобедимости.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Военное искусство монголов эпохи Чингисхана привлекало пристальное внимание современников и позднейших историков. Это не удивительно, если учесть масштабы монгольских завоеваний и панический страх, который монголы вызывали у своих противников.

Если о военном искусстве монгольских племен до образования государства трудно составить сколько-нибудь определенное представление из-за недостатка источниковой базы, то особенности ведения войн монголами в XIII в. подробно отражены в описаниях современников. Правда, многие источники, свидетельства современников малоинформативны и тенденциозны, расцвечены фантастическими подробностями о жестокости и свирепости монгольских воинов, о характере их вооружения и воинского снаряжения. Так описания, данные монгольским войскам Матью Парисом, утверждавшим, что монголы «одеваются в бычьи шкуры, вооружены железными пластинами, малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобедимы, с незащищенными ничем спинами и грудями, покрытыми доспехами»²⁴³. В сходных выражениях повествует о монголах и

император Священной Римской империи Фридрих II: «Они не знают иных одежд, кроме воловых, ослиных и лошадиных шкур и вплоть до настоящего времени у них не имелось никакого иного вооружения, кроме грубых, скверно сколоченных железных пластин»²⁴⁴. Правда, далее автор замечает, что монголы — «бесподобные стрелки» и их военная мощь может стать еще более грозной ввиду усиленного перевооружения европейским оружием»²⁴⁵.

Гораздо более информативны наблюдения Плано Карпини, который очень обстоятельно описал различные стороны военного искусства монголов. Собранные им сведения легли в основу всех последующих исследований.

М. Иванин справедливо отмечал: «Прежде начатия войны монголы обстоятельно узнавали о внутреннем состоянии государства, на которое намерены были напасть, о военных способах его; заводили в нем тайные связи, склоняли в свою службу недовольных; сведения собирали посредством посольств, торговых сношений и шпионов»²⁴⁶. Подобная целенаправленная и всесторонняя подготовка к войне несомненно способствовала успеху затеваемой кампании.

«Поход предпринимался по совещании в общем собрании, называемом курултаем, на котором присутствовали родственники хана и важнейшие сановники государства. Там определяли число войск и проч.»²⁴⁷ Хотя участники таких совещаний и не имели решающего голоса, решения единолично принимал хан, сама процедура обсуждения, уточнения целей и задач кампании, определения направления наступления и количества военных сил, назначения командующего и его помощников способствовали успеху дела.

Монгольская армия начинала войну вторжением на земли противника на нескольких направлениях, «облавным способом», обходя опорные пункты и проникая на большую глубину на территорию неприятеля, нарушая коммуникации, пути подхода войск и подвоза снаряжения, парализуя возможность сопротивления. Если они не встречали активность сопротивления, «то проникали внутрь земли, разоряя все на пути, захватывая стада, истребляя жителей, отряжая части войск для наблюдения за городами и замками...»²⁴⁸. Противник нес большие людские потери и подвергался опустошению еще до того, как его армия давала решающее сражение. Плано Карпини уделил большое внимание боевым порядкам монгольского войска в походе: «Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство»²⁴⁹. Ю. Н. Рерих так оценивает передовые отряды монгольского войска: «При походном движении обращалось особое внимание на обеспечение войск и на разведку противника. Впереди главных сил двигались передовые отряды — авангарды. Боевая работа отрядов облегчалась сетью тайной агентуры, содержавшейся монгольским командованием. Отряды эти двигались налегке, без обозов, удаляясь на

значительное расстояние от главных сил»²⁵⁰. Подвижный авангард, не отягощенный обозами и захватом добычи, намного превосходил по мобильности войска противника, получив возможность внезапного удара, скоростного маневра, стремительного контрнаступления.

Чингисхан смог убедить своих полководцев и воинов, что общая победа важнее сиюминутного захвата добычи. Накануне решающего сражения с татарами он говорил своим полководцам: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома добыча эта от нас не уйдет...»²⁵¹. Благодаря своей мобильности и дисциплинированности авангард монгольского войска имел значительное преимущество над противником.

Вслед за авангардом наступали главные силы монгольского войска. «За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен и убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках»²⁵². Задачу главных сил составляло полное уничтожение всех очагов сопротивления, чтобы в тылу армии оставались только «дым и пепел». Плано Карпини уделил много места описанию преодоления водных преград монгольским войском, что представляло серьезное препятствие для скоростного продвижения средневековых армий. «Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают, так что образуется в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают вместе, после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадей, человека, который бы управлял лошадей. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадей, которой управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются как сказано выше»²⁵³. С помощью таких простейших традиционных плавсредств монгольские войска оперативно форсировали большие реки.

Основой наступательной стратегии монголов было уничтожение живой силы противника. При обнаружении места расположения вражеского войска они, имея преимущество в скорости передвижения, проводили разведку боем. «Надо знать, что всякий раз как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих

противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают опять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду, и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают»²⁵⁴. Подобный прием притворного бегства и заманивания в засаду был издавна известен кочевникам. Мобильность конных армий позволяла монгольским полководцам своевременно менять направление главного удара, концентрировать силы, создавая численный перевес «в нужный момент в нужном месте». «Точно также, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда обходят его на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее, при этом они убивают людей, разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят укрادкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более»²⁵⁵. Монгольская конница могла не только быстро передвигаться, но и в сжатые сроки преодолевать большие расстояния. Например, «авангард Субедея-багатура в Венгрии за три дня прошел 290 км. Обычные переходы делались по 50 км»²⁵⁶. Во время переходов обращалось внимание на разведку, безопасность передвижения и охрану полевых лагерей. Лагерь укреплялся повозками. М. Иванин приводит сведения о том, что во «время стоянки лагерем, в случае опасности от неприятельских нападений, окапывались рвом и укрепляли стан»²⁵⁷.

Многие исследователи военного искусства монголов обращали внимание на тактику конного боя, применяемую монгольскими войсками. М. Иванин отмечал, что перед началом большого сражения с неприятельской армией монгольские полководцы концентрировали свои силы, собирая в единый кулак «рассеянные отряды монголов для осад, для наблюдения крепостей, для грабежа, для прикрытия обзоров и для пастьбы стад, быстро сосредотачивались...»²⁵⁸. Очень подробно охарактеризовал тактические возможности монгольской конницы Ю. Н. Рерих: «Для монгольской конной тактики характерно сочетание огня и удара. Огневое нападение всегда предшествовало конному удару»²⁵⁹. Плано Карпини дал подробное описание характера построения монгольского войска перед боем. «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собою на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих»²⁶⁰. Подобные хитрости преследовали цель дезориентировать и морально подавить противника. «Перед лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними, может быть, с ними идут и

какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей и вследствие этого приходят в страх и замешательство»²⁶¹.

Подобное построение характерно для традиционной тактики кочевников — рассыпного строя, стремления охватить противника по фронту и с флангов, заманив под перекрестную стрельбу с трех сторон. Помещая в переднюю линию в центр построения военнопленных или союзников, монгольские полководцы подставляли их под главный удар противника, заманивая его в глубину своего эшелонированного построения. Перед боем «строились в несколько линий, имея в резерве монголов и тяжелую конницу, а в передних линиях союзников и легкие войска»²⁶². «Для атаки противника монгольская конница принимала эшелонное построение (5 эшелонов)»²⁶³. Глубоко эшелонированное построение оставляло монгольским полководцам более широкие возможности для маневра на поле боя, чем у противника. Охватив построение противника, монголы начинали бой стрельбой из луков с дистанции полета стрелы, нанося урон врагу, оставаясь неуязвимыми. Они «начинали атаку издали метанием стрел, кои умели бросать необыкновенно метко...»²⁶⁴, «Бой начинался лучниками, которые огнем своих стрел поражали линии противника»²⁶⁵.

Высокая эффективность стрельбы достигалась хорошей выучкой стрелков, большой скоростью полета стрел и частотой выстрелов. Надо полагать, что стрельба велась не хаотично, а залпами с очень небольшим интервалом между ними, так что при «столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются...»²⁶⁶. В результате этого массированного обстрела противник нес большие потери. В ходе стрельбы монголы «стреляют метко, бьют и вражьи коней и людей. Часто враг терпит поражение потому, что кони его бывают перебиты»²⁶⁷. Монголы стремились решить участь сражения именно на начальной фазе боя, дабы самим понести минимальные потери. Это хорошо подметили современники. Как отметил Плано Карпини: «Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в (ближний.— Ю. Х.) бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами...»²⁶⁸. По сообщению Юлиана «мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно»²⁶⁹. Если противник держался стойко, монголы пытались расстроить его ряды, спровоцировав притворным бегством. «Часто применялся маневр ложного отступления, чтобы заманить противника в засаду»²⁷⁰. Либо предоставляли врагу возможность для отступления, чтобы нанести решающий удар в момент отхода. «А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и

отделяются друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне»²⁷¹. По данным Ю. Н. Рериха, «порой лучники спешивались и вели пеший огневой бой (ср.: комбинированный бой современной конницы)»²⁷².

Лишь когда у противника «люди и лошади ослаблены, тогда они вступают с ними в (ближний.— Ю. Х.) бой»²⁷³. Как писал Ю. Н. Рерих: «Разомкнутые шеренги всадников (монгольская лава) следовали одна за другой и поражали противника огнем стрел и холодным оружием, причем стремились к глубоким обхватам флангов противника. Конный бой завершался атакой ударной группы, состоявшей из панцирной или таранной конницы, вооруженной саблей и пикой, которая направлялась в слабое место боевого построения противника, обнаруженное во время первой фазы боя»²⁷⁴. В ходе этой первой фазы шеренги монгольских всадников находились в постоянном движении, накатываясь на противника, проскакивая вдоль строя и возвращаясь на исходную позицию. И так пока враг не дрогнул. Такая тактика требовала хорошего управления войсками, выучки и дисциплины. Значение сохранения строя подчеркивал в обращении к своим полководцам сам Чингисхан: «В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать прежнее место. Голову с плеч тому, кто не вернется в строй или же не займет своего первоначального места»²⁷⁵. Важность управления атакующими в ходе сражения подчеркивали исследователи военного искусства монголов. По мнению М. Иванина: «Части их войск употребляли разные сигналы; начальники, стоя сзади, наблюдали ход сражения и посредством знаков или посыльных отдавали приказанья»²⁷⁶.

Больше подробностей на этот счет приводит Ю. Н. Рерих: «В монгольской коннице широко применялся способ немого учения. Во время боя приказы передавались знаками: в каждом эскадроне (сомоне) значковые повторяли сигнал (белые и черные значки). Всякое действие должно было быть доведено до конца»²⁷⁷. Ближний бой отрядов монгольской тяжеловооруженной конницы не привлекал должного внимания современников и последующих исследователей. Возможно, вследствие того, что панцирная конница у монголов вступала в бой, когда его исход был фактически решен. Отряды тяжелой конницы атаквали дрогнувшего, нарушившего плотность построения противника. Их главной задачей было сломить остатки организованного сопротивления, обратить неприятеля в бегство. Атака должна была вестись плотно сомкнутым строем с использованием пик и сабель.

После того как противник не выдерживал и обращался в бегство, монголы преследовали его, нанося потери большие, чем в ходе боя. «Противник преследовался до полного уничтожения и это особенно хорошо понимали монгольские командиры»²⁷⁸. Главная роль в истреблении бегущих принадлежала подвижной легкой коннице. Монгольские войска, овладев метательной техникой китайцев, по-видимому, одними из первых в кочевом мире, применили ее в полевых сражениях. «Были примеры, что монголы употребляли метательные орудия и в сражениях; например в Венгрии, 1241 г., Ба-

тый овладел мостом через р. Сайо посредством катапульт»²⁷⁹. Однако эти новшества не получили широкого распространения, поскольку и традиционные приемы ведения боя были достаточно эффективны.

В сравнении с кочевниками древности и раннего средневековья монголы достигли большого прогресса в крепостной войне. Только научившись брать крепости, они смогли завоевать оседло-земледельческие государства. В источниках уделяется большое внимание этой стороне военного искусства монголов. «Всякий раз при наступлении на большие города (они) сперва нападают на маленькие города, захватывают (в плен) население, угоняют (его) и используют (на осадных работах). Тогда (они) отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей (захвачено) достаточно, то каждый человек обязан (набрать) столько-то травы или дров, земли или камней. (Татары) гонят (их) день и ночь; если (люди) отстают, то их убивают. Когда (люди) пригнаны, (они) заваливают крепостные рвы (вокруг городских стен тем, что они принесли), и немедленно заравнивают (рвы); (некоторых) используют для обслуживания (колесниц, напминающих) гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других (работ). (При этом татары) не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей (они) все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, (татары) убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу (о капитуляции), непременно казнят, пусть даже (он) оказывается знатным»²⁸⁰. Автора «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна привлекло использование монголами военнопленных во время штурма.

Значительно более информативны сведения об используемых монголами приемах крепостной войны, приводимые Плано Карпини, содержащиеся в специальном разделе «Об осаде укреплений». «Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо... А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они перегораждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого нельзя сделать, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если

же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою»²⁸¹.

Обращает на себя внимание обилие разнообразных приемов осады и штурма, использование новых для кочевников технических средств. М. Иванин упоминает употребление монголами «огненных стрел» и возможно «ракет»; а также возведение вокруг осажденной крепости рвов, валов, стен; сооружение башен и т. д. Все эти работы проводились силами военнопленных и союзников²⁸². Однако нельзя умалять роль монгольских полководцев, правильно оценивших возможности камнеметной техники для штурма крепостей, умело и широко применявших его в ходе завоевательных войн. В составе монгольских войск появились отряды камнеметчиков, во главе которых стояли монгольские военачальники. Среди монголов появились артиллерийские командиры — Аньчжур, Тэмутар, Яньмухай²⁸³ и др. Широко привлекались в монгольские войска артиллеристы китайцев, чжурчженей, мусульман²⁸⁴. Монголы вели войны с большой жестокостью. В источниках нередко упоминается, что они после успешного сражения истребляли не только оказавших сопротивление, но и сдавшихся в плен. При захвате городов убивали «всех не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады»²⁸⁵. Особую ярость и ожесточение вызывало упорное сопротивление. Как писал М. Иванин: «Истребление неприятельских воинов при взятии городов или по одержании победы было постоянным их правилом...»²⁸⁶. Необходимость «полного уничтожения» противника, отмечал Ю. Н. Рерих, «хорошо понимали монгольские командиры»²⁸⁷. Некоторые исследователи именно в этой жестокости по отношению к противнику видят причину грандиозных военных успехов монголов²⁸⁸. Вряд ли с этим можно согласиться. Многие жестокие приемы ведения войны, в том числе повальное истребление взрослого мужского населения, опустошение территорий, разрушение городов, угон оставшегося населения, использование военнопленных в качестве прикрытия и т. д., были известны в кочевом мире и до Чингисхана. Другое дело, что масштабы монгольских завоеваний были несоизмеримы с предшествующими войнами кочевников, им соответствовали и масштабы разрушений и гибель населения покоренных стран. Жестокость по отношению к противнику была сознательным стремлением подавить его волю к сопротивлению, внушить страх. И судя по источникам, монголы во многом преуспели в этом отношении. В некоторых из них монголы описаны фантастическими существами, внушавшими «ужас и отвращение», наводившими панику на тех, кто подвергся нападению²⁸⁹. Этим в немалой степени облегчалась борьба с напуганным противником.

Основу военных успехов монголов составила высокая боеспособность и дисциплинированность войск, жесткая централизация военной организации, достаточный уровень вооруженности и технической оснащенности. Высокая профессиональная подготовка во-

инов достигалась целенаправленным воспитанием с детских лет. Как писал Чжао Хун: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы (они) каждый день гоняются и охотятся»²⁹⁰. Как и у других кочевников, огромную роль в военной подготовке монголов играли облавные охоты. «Когда они ходят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало по малу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом, как бы в круге, и тогда пускают стрелы»²⁹¹. По мнению Ю. Н. Рериха, облавные охоты служили «своего рода тактическими учениями в монгольских войсках». Он приводит сведения из «Великой Ясы» Чингисхана: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются — учат сыновей, как гнать диких зверей, чтобы они навывкли к бою и обрели силу и выносливость, и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя (себя)»²⁹².

Стратегия монголов в начальный период создания государства была традиционной для всех кочевых объединений: единодержавие в Центральной Азии, контроль над караванной торговлей через Восточный Туркестан, навязывание даннических отношений Китаю. Однако сразу после объединения всех кочевых племен Центральной Азии под своей властью Чингисхан стал ставить перед своим войском все новые и новые захватнические цели. Впервые в истории кочевого мира перманентно наступательная стратегия монголов была в широких масштабах распространена на оседло-земледельческие страны почти всего Евразийского континента. Целью Чингисхана и его ближайших преемников стало покорение всего мира в известных им пределах. Монголам удалось подчинить и объединить почти все кочевые племена степного пояса Евразии. Используя возросшие людские ресурсы, они завоевывали обширные территории земледельческих государств. С помощью сил подвластных оседлых народов подчинили многие районы, далекие от степей, поставили под свой контроль моря и острова. Наступательная стратегия монголов была логическим завершением стремления к единодержавию, характерного для всех кочевнических государственных образований. Монгольская империя могла существовать, пока ее войска одерживали победу на всех фронтах. Однако возможности кочевой империи, даже объединившей все степные племена, не беспредельны. По мере захвата все новых и новых земель наступательный порыв монгольских войск постепенно выдыхался. Встретив упорное сопротивление в Восточной и Центральной Европе, на Ближнем Востоке, в Японии, монголы были вынуждены отказаться от реализации планов мирового господства. Чингисиды, управлявшие отдельными улусами, втянулись в междоусобные войны. Монголы постепенно утратили военное и политическое могущество.

Военное искусство монголов по-разному характеризовалось учеными. Многие из них отмечали большой вклад монголов в мировую историю военного искусства. По мнению Л. Гарта, «по масштабу и искусству, по внезапности и подвижности, по применению

стратегии и тактики охвата проведенные монголами кампании не имеют себе равных в истории»²⁹³. Высоко отзывался о военном искусстве монголов Ю. Н. Рерих: «Во время своих походов монголы редко превосходили численно своих противников. Малочисленные отряды монгольской конницы одерживали блестящие победы не числом сабель, но правильной стратегической мыслью своих вождей, прекрасной тактической подготовкой, маневренностью, железной дисциплиной частей и выносливостью людей и коней»²⁹⁴. Он считал, что «походы Чингисхана имеют выдающееся значение для военной истории. Не будет преувеличением сказать, что они создали эпоху в истории военного искусства.

Многое в тактике монголов XIII в. настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения. Впервые в истории Среднего и Дальнего Востока военные операции велись хорошо организованными и обученными войсками. Этой регулярной организацией монгольских войск объясняется легкость их побед над противником, который часто был более многочисленным»²⁹⁵. «Многое в этой тактике было заимствовано монголами от своих предшественников — хуннов, жуань-жуаней, тюрков, но многое несомненно принадлежит национальному творчеству монголов и было впервые введено их гениальным вождем Чингисханом. Начала регулярности, положенные в основу организации монгольского войска, и дали победу монгольским ханам над плохо дисциплинированными полчищами их противников...»²⁹⁶. Впрочем, существует мнение, что монголы не внесли ничего нового в военное искусство. А. Н. Кирпичников полагает, что монголы, «стоявшие на весьма низкой ступени общественного и хозяйственного развития, не совершили переворота в военном деле и не были изобретателями новых боевых средств»²⁹⁷. Правда, он же считает, что «монгольские полчища впервые за несколько истекших столетий принесли миру новую войну, основанную на тотальном уничтожении целых народов и их культуры»²⁹⁸.

Проанализировав доступный круг источников по вооружению, формам военной организации и военному искусству монголов, можно с уверенностью утверждать, что в своих основных чертах их военное дело основано на традициях, унаследованных от центральноазиатских кочевников, в особенности тюркоязычных и монголоязычных кочевников восточной части Центральной Азии. Комплекс вооружения монголов соответствовал общему уровню его развития в кочевом мире в эпоху развитого средневековья. По мере расширения монгольских завоеваний, монгольское оружие становится образцом для заимствования и определяет направленность развития вооружения во всем кочевом мире. Существенно новым для кочевников было освоение монголами осадной техники, способствовавшее завоеванию оседло-земледельческих государств.

Формы военной организации у монголов также были глубоко традиционны для кочевников Центральной Азии. Централизованная военно-административная система деления войска и народа, унаследованная от предшественников, доведена ими до совершенства. Черты «регулярности» и профессионализма были распростра-

нены с гвардии на всю армию. Существенным нововведением явилось появление технических и вспомогательных подразделений, службы снабжения. Монгольская армия стала массовой, регулярной и профессиональной. Ее личный состав отличала профессиональная подготовка и дисциплинированность, командный состав — большой боевой опыт и умение.

Применяя традиционные тактические приемы ведения боя, монголы достигли необычных, ошеломляющих по масштабам результатов. Конечно, этому способствовала в ряде случаев благоприятная военно-политическая ситуация.

Военное дело монголов и по уровню развития вооружений, и по форме военной организации, и по развитию военного искусства необходимо признать наивысшей точкой эволюции военной сферы жизнедеятельности в кочевом обществе. Однако в нем отчетливо проявились и противоречия — гипертрофированное усиление наступательной мощи в ущерб обороне. Захваченные огромные территории невозможно было удержать силой оружия. Монгольская военно-административная система и государственность начали разрушаться уже в процессе своего создания, а с течением времени пали под напором центробежных тенденций и в результате сопротивления покоренных племен и народов. Тем самым были продемонстрированы ограниченные возможности эволюции кочевого общества в военной сфере жизнедеятельности, даже в период ее максимального подъема.

В эпоху развитого средневековья в эволюции военной техники произошло решающее событие, кардинальным образом изменившее соотношение сил между оседло-земледельческим и кочевым миром в военном деле и определившее постепенный упадок военного могущества кочевников. В XIV в. в Китае, на Переднем Востоке и в Европе постепенно распространяется огнестрельное оружие, знаменующее собой начало новой эры в военном деле. Его освоение изменило все стороны военной деятельности, включая производство военной техники, формы военной организации, приемы ведения боя и способы войны. Но кочевое общество, основанное на экстенсивной скотоводческой экономике и натуральном хозяйстве, оказалось не способным к освоению новых форм производственной деятельности с разделением и кооперацией труда и безнадежно отстало в военно-технической области, утратив и военное преимущество своего культурно-хозяйственного типа.

Период развитого средневековья (XI—XIV вв. н. э.), как удалось проследить на материалах ряда кочевых культур Центральной Азии, представляет собой особую фазу в развитии военного дела кочевников. Анализ источниковой базы позволил выявить ряд закономерностей в эволюции вооружения, структуры военной организации и военного искусства, соответствующих общей тенденции прогресса в военно-технической и военно-организационной деятельности, присущих кочевой цивилизации. К числу таких закономерностей можно отнести определяющую роль в комплексе боевых средств оружия дистанционного боя, усиленную технологическую разработку основных видов метательного оружия — лука и стрел, централизованную военно-административную систему, совершенствование управления войсками, повышение профессионализма и боевой подготовки воинов, усиление организованности в формировании военных отрядов. Естественным развитием этих тенденций были достижения, связанные с ростом эффективности традиционной тактики рассыпного строя, повышением интенсивности конного боя, освоением новой техники и приемов взятия фортификационных сооружений. Эти достижения вкупе с благоприятной исторической ситуацией способствовали возрастанию военной мощи кочевников. Наряду с общими тенденциями эволюции военного дела, присущими предшествующему периоду, развитое средневековье отличалось своими особенностями. Так, в военно-технической области существенно изменилась сама направленность развития. Если раньше эволюция шла по пути увеличения видового и типологического разнообразия, появления все большего числа видов и типов оружия, а основным механизмом развития было комбинирование известных и изобретение новых форм, то в период развитого средневековья основной тенденцией в технологическом усовершенствовании оружия становится отбор наиболее оптимальных форм из числа известных конфигураций, в наибольшей степени приспособленных к особенностям коллективного применения в условиях возросшей интенсивности конного боя. В целом это привело к сокращению числа форм вооружения, переходу внутри отдельных видов с одних общераспространенных форм на другие.

В комплексе средств ведения дистанционного боя, определяющем основную линию развития вооружения и военного искусства, эта тенденция проявилась по-разному. Эволюция лука привела к сокращению числа его типов и выделению ведущего типа — лука

со срединной фронтальной накладкой, так называемого «монгольского типа лука»¹. Развитию броневой наконечников стрел было также характерно сокращение количества групп и типов, разнообразия в оформлении ударной, проникающей, боевой части пера, в ориентации на изготовление нескольких ведущих форм. Иначе протекала эволюция неброневых стрел. В их изготовлении произошел переход от одной наиболее употребительной и распространенной группы — трехлопастных наконечников к другой — плоским наконечникам. Количество типов первых резко сократилось, вторых — возросло. Сократился спектр группового и типологического разнообразия в целом. Эти изменения произошли по разным причинам. В первую очередь переход от трехлопастных наконечников к плоским объясняется общими тенденциями в эволюции военного дела, ростом интенсивности конного боя, сокращением дистанции полета стрелы. В этих условиях важное значение приобрели скорость полета и частота стрельбы, которые выше у плоских стрел, хотя дальность и устойчивость полета у трехлопастных лучше. В общем виде данная тенденция может быть объяснена возрастанием роли технических средств ведения боя при увеличении численности отрядов конных воинов и необходимости более эффективного управления войсками. Более пригодными становились простые в употреблении, скорострельные средства, рассчитанные на массированное применение. Стрелы, которые у монголов «словно дождем льются»², при массированном коллективном применении наносили больший урон врагу, нежели трехлопастные.

Эта генеральная закономерность на рубеже раннего и развитого средневековья выразилась в возрастании роли восточноцентрально-азиатской этнокультурной традиции в развитии ручного метательного оружия, характерной для монголоязычных кочевников. Расселение и военно-политическое господство в Центральной Азии монголоязычных кочевников на рубеже I и II тыс. н. э. совпали с благоприятными для их этнокультурной традиции изменениями в военно-технической области, с основными тенденциями в развитии военного дела. Характерные особенности комплекса вооружения монголоязычных кочевников, в частности преобладание в наборе неброневых стрел, плоских наконечников, соответствовали направленности эволюции в период развитого средневековья.

Вполне естественно, что использование оружия, пригодного к ведению интенсивного конного боя, способствовало военным успехам киданей, а затем и монголов в овладении Центральной Азией, в подчинении населявших ее территорию тюркоязычных и монголоязычных кочевых племен. А военные успехи кочевников, применявших передовые средства ведения дистанционного боя и новые формы организации войска, быстро распространились и были заимствованы другими кочевыми этносами.

К сожалению, сравнительный анализ материалов военного дела различных кочевых культур Центральной Азии, который позволил

бы выявить основные закономерности в трансляции инноваций в области вооружения, военной организации и военного искусства от центра к периферии, подобно тому, как это было сделано для периодов поздней древности и раннего средневековья³, еще не осуществлен. Данной теме необходимо посвятить специальное исследование, которое позволит оценить особенности военного дела киданей и монголов в синхронном и диахронном аспектах, на фоне общих тенденций в развитии военного дела в кочевом мире. Сравнительный анализ будет способствовать более адекватному осмыслению вклада ведущих кочевых этносов развитого средневековья во всемирную историю военного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Иванов М. О. О военном искусстве и завоеваниях монголов.* —

Спб., 1846.

² *Марков М. И. История конницы.* — Тверь, 1886. — Ч. 1, 2.

³ *Пузыревский А. К. История военного искусства в средние века. V—XVI столетия.* — Спб., 1884. — Ч. 1; *Байов А. К. Курс истории русского военного искусства.* — Спб., 1909. — Вып. 1; *Михневич Н. П. Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи.* — Спб., 1898.

⁴ *Разин Е. А. История военного искусства.* — М., 1955. — Т. 2.

⁵ *Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия Кара-Кору-ма // Древнемонгольские города.* — М., 1965. — С. 192—206.

⁶ *Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. — 1966. — № 2. — С. 50—60.*

⁷ *Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын Монголч Эрдемтний III Их Хурал. — Улаанбаатар, 1979. — Бот. III. — Т. 90—101; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983. — С. 244—269; Он же. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 163—208.*

⁸ *Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех.* — С. 95.

⁹ *Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука у поздних кочевников Западного Забайкалья (IX—XIV вв.) // Материалы XXIV Всесоюз. науч. студ. конф. История. — Новосибирск, 1986. — С. 12—16.*

¹⁰ *Крылов Д. А. Вооружение забайкальского воина X—XIV вв. // Материалы XIX Всесоюз. науч. студ. конф. История. — Новосибирск, 1981. — С. 71—74; Немец В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // СА. — 1987. — № 2. — С. 212—227.*

¹¹ *Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел в Монголии // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 96—114; Он же. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 135—148; Он же. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С. 138—149.*

¹² *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984. — С. 78—93.*

¹³ *Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. — Новосибирск, 1980; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986.*

¹⁴ *Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... — С. 6.*

¹⁵ Там же. — С. 3—22.

¹⁶ Там же. — С. 21.

¹⁷ Там же. — С. 21—22.

¹⁸ *Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С. 5—19.*

¹⁹ *Худяков Ю. С. Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы... — С. 27—32.*

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ
ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(VI—X вв. н. э.)

Глава первая

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КУРЫКАН

¹ Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о-в Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 152—153, рис. 3, 1—9; Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Новосибирск: Наука, 1980.— С. 64—65, 97—99; Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б. Новый курумчинский (курыканский) памятник Хужир III // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл.— Иркутск, 1982.— С. 126, рис. 6, 1—7.

² Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Изв. ИНО в Чите.— 1923.— № 1.— С. 21—39; Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.; Л., 1955.— Т. 1.— С. 294—325; Он же. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК.— М.; Л., 1948.— Вып. 19.— С. 3—11; Он же. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // Тюркологические исследования.— М.; Л., 1963.— С. 273—281.

³ Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— С. 5—143.

⁴ Там же.— С. 64—65, 97—99.

⁵ Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК.— М.; Л., 1951.— Вып. 36.— Рис. 58, 6, 7; Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. X, а.

⁶ Мандельштам А. М. Шатровый могильник...— Рис. 3, 1, 5; Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б. Новый курумчинский (курыканский) памятник...— Рис. 6, 3.

⁷ ИОМК, колл. 39-1; 1445-3; 7613-2.

⁸ Мандельштам А. М. Шатровый могильник...— Рис. 3, 2—4; Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б. Новый курумчинский (курыканский) памятник...— Рис. 6, 2, 4—6.

⁹ Там же.— Рис. 6, 7.

¹⁰ ИОМК, колл. 8231-30.

¹¹ Там же, колл. 8231-26.

¹² Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XXXI, 3; XXXII, 3.

¹³ Там же.— Табл. XXXII, 1, 2.

¹⁴ Мандельштам А. М. Шатровый могильник...— Рис. 3, 6; Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б. Новый курумчинский (курыканский) памятник...— Рис. 6, 1; Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XXXVI, 10.

¹⁵ Мандельштам А. М. Шатровый могильник...— Рис. 3, 8; Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XXXII, 5.

¹⁶ Там же.— Табл. XI, 6.

¹⁷ Там же.— Табл. XXVI, 8.

¹⁸ Там же.— Табл. XXXII, 4; Мандельштам А. М. Шатровый могильник...— Рис. 3, 7.

¹⁹ ИОМК, колл. 7531-122.

²⁰ Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XXXII, 9.

²¹ Там же.— Табл. XXI, 4, 5.

²² Там же.— Табл. IX, 4.

²³ БКМ.— Б. н.

²⁴ Волокитин А. В. Новые археологические материалы по средневековой Приангарья // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл.— Красноярск, 1984.— С. 189.

²⁵ Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Табл. XXI, 7.

²⁶ Там же.— Табл. XXVI, 11.

²⁷ Там же.— Табл. XI, 1, 2; XXXI, 5.

²⁸ Там же.— Табл. XXXI, 4.

²⁹ Там же.— С. 64, 97—99.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.— Табл. IX, 7; XXXIV, 7.

- 32 Там же.— Табл. XXV, 1, 3, 4.
- 33 Там же.— Табл. XXIV, 1, 2.
- 34 Там же.— Табл. XXII, 1, 2.
- 35 Там же.— Табл. X, 3; XXI, 3, 8.
- 36 Там же.— Табл. XXV, 2.
- 37 Там же.— С. 99.
- 38 *Медведев В. Е.* Культура амурских чжурчженей, конец X—XI в. — Новосибирск, 1977.— Табл. VIII, 7; X.
- 39 *Мандельштам А. М.* Шатровый могильник... — Рис. 3, 9.
- 40 *ИОМК*, колл. 7531-125.
- 41 *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. — М.; Л., 1959. — Рис. 13.
- 42 *Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века. — Табл. XXXV; XXXVIII.
- 43 Там же.— С. 65.— Табл. II, 2.
- 44 Там же.— Табл. II, 2.
- 45 Там же.— С. 23.
- 46 *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.— С. 349.
- 47 *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 283, 292.
- 48 Там же.— С. 282—283.
- 49 *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951. — С. 38.
- 50 *Кызласов Л. Р.* Тяхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.) // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* — М., 1981. — С. 58.
- 51 *Бутанаев В. Я.* Новая уйбатская сабра // *УЗХНИИЯЛИ.* — Абакан, 1973. — Вып. XVIII. — С. 151.
- 52 *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970. — С. 91, 103; *Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века. — Рис. 1.
- 53 *Бутанаев В. Я.* Новая уйбатская сабра. — С. 151.
- 54 *Материалы по истории киргизов и Киргизии.* — М., 1973. — Вып. 1. — С. 41.
- 55 *Кюнер Н. В.* Китайские известия... — С. 282.

Глава вторая

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО БАЙЫРКУ

- ¹ *Талько-Грынецвич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. IV // *Тр. ТКОПОИРГО.* — Иркутск, 1902. — Т. 3, вып. 1. — С. 3—58; Табл. I—XI.
- ² *Окладников А. П.* Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 году // *ВДИ.* — 1948. — № 3(25). — С. 155—163; *Он же.* Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // *КСИИМК.* — М.; Л., 1949. — Вып. 26. — С. 7—11; *Он же.* Археологические исследования в Бурят-Монголии // *Изв. АН СССР. Сер. ист.-фил.* — 1951. — Т. 8. — С. 440—450; *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. (Поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970. — С. 3—140.
- ³ *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.* — Новосибирск, 1989. — С. 34—49.
- ⁴ *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Бурятии. — Новосибирск, 1982. — С. 84—122.
- ⁵ *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. — С. 88; *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.) // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* — М., 1981. — С. 59—61.
- ⁶ *Худяков Ю. С.* Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // *Этнокультурные процессы...* — С. 27—32.
- ⁷ *Худяков Ю. С.* Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея // *По следам древних культур Забайкалья.* — Новосибирск, 1983. — С. 138—149.
- ⁸ *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники... — С. 60; *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков... — С. 41, рис. 8, 4—12.
- ⁹ Нарезка присутствует на всех накладках, далее в тексте не отмечается.
- ¹⁰ *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники... — С. 60; *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков... — С. 41, рис. 8, 1—3.
- ¹¹ *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники... — С. 60; рис. 10, 17, 25, 35; *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков... — С. 41.

- 12 Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41; рис. 5, 8.
- 13 Там же.— Рис. 9—11.
- 14 Асеев И. В., Кириллов И. И., Козычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья.— Новосибирск, 1984.— С. 36.
- 15 Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1988.— С. 120, рис. 6, 1—3.
- 16 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60.
- 17 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— С. 97; Она же. Археологические памятники Бурятии...— С. 90; Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 11, 2.
- 18 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— Табл. VII, 7, 8; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 1, 9; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 11, 4—7.
- 19 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— Рис. 35, 11; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— Табл. V, 4; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 1, 7; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 11, 3, 8.
- 20 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 1, 4, 6, 8, 12, 14; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 4, 3; 11, 9—11.
- 21 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 1, 1, 5.
- 22 ККМ.— Б. п.
- 23 ИОМК, колл. 7667-3.
- 24 Там же, колл. 1043.
- 25 Там же, колл. 7667-1.
- 26 Там же, колл. 7514-6.
- 27 Там же, колл. 54.
- 28 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 9, 8; Именохоев Н. В. Средневековый могильник...— С. 120.
- 29 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60.
- 30 Там же; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 9, 9.
- 31 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60.
- 32 Там же; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 9, 3.
- 33 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60; БГОИМ, колл. 17-371; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 10, 1.
- 34 БГОИМ, колл. 17-370.
- 35 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60, рис. 35, 18; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 10, 1.
- 36 ИОМК, колл. 54-7.
- 37 БГОИМ, колл. 17-373; Именохоев Н. В. Средневековый могильник...— С. 120; рис. 5, 6, 10, 14.
- 38 Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеонтологии.— Табл. VIII; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Табл. VII, 1; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 9, 7; Именохоев Н. В. Средневековый могильник...— С. 120, рис. 5, 10.
- 39 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60, рис. 35, 12; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— С. 143, рис. 2, 10, 11, 14; 3, 5, 6, 12—15, 18; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 11, 13.
- 40 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— С. 145; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41.
- 41 Асеев И. В., Кириллов И. И., Козычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 36; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 9, 4—6.
- 42 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60, рис. 35, 22; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 10, 3, 4.
- 43 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Табл. VIII, 2—4.
- 44 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— С. 144.
- 45 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— Рис. 35, 29; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 8, 10.

- 46 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— Рис. 35, 16; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 12, 3.
- 47 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Табл. V, 5, 6.
- 48 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— Рис. 35, 20.
- 49 Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 12, 1, 2, 4.
- 50 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— С. 97; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— С. 139—148.
- 51 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— С. 96, 113.
- 52 Там же. С. 96.
- 53 Там же. — С. 96.
- 54 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья.— Рис. 23, 2; Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— Рис. 35, 32; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— Рис. 4, 1; 6, 2.
- 55 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 4, 6.
- 56 КККМ, колл. 129-28.
- 57 Именохоев Н. В. Средневековый могильник...— С. 120.
- 58 Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 60.
- 59 Там же.— Рис. 35, 27; Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков...— С. 41, рис. 3, 3.
- 60 ИОМК, колл. 1138-37.
- 61 Окладников А. П. История и культура Бурятии.— Улан-Удэ, 1967.— С. 327.
- 62 Там же. — С. 301.
- 63 Там же.— С. 295.
- 64 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— С. 96.
- 65 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— С. 88, 91, 103; Кызласов Л. Р. Средневековые памятники...— С. 61; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 36.
- 66 Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.— М., 1961.— С. 35.
- 67 Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей.— М.; Л., 1952.— Т. I.— С. 121.
- 68 Там же.
- 69 Там же.— С. 117.
- 70 Кычанов Е. И. Сведения «Юань-ши» о переселении киргизов в XII веке // Изв. КиргССР. Сер. общ. наук.— Фрунзе, 1963.— Т. 5, вып. 1.— С. 60.
- 71 Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии.— С. 88.
- 72 Кюннер Н. В. Китайские известия...— С. 35.
- 73 Там же.— С. 36.
- 74 Малавкин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII веках.— Новосибирск, 1983.— С. 9; Кюннер Н. В. Китайские известия...— С. 39.
- 75 Там же.— С. 38.
- 76 Там же.— С. 39.
- 77 Там же.— С. 36.
- 78 Малавкин А. Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, 1980.— С. 114.
- 79 Там же.— С. 118.
- 80 Там же.
- 81 Там же.— С. 119.
- 82 Там же.— С. 119—120.
- 83 Там же.— С. 120.
- 84 Известно, что в битве с кыргызами в черни Сунга Кюльтегин сражался верхом на белом жеребце из Байырку, «который пал под ним» в ходе боя.— См.: Малавкин А. Г. Памятники древнетюркской письменности.— М.; Л., 1951.— С. 41.
- 85 Малавкин А. Г. Тактика танского государства.— С. 123.
- 86 Там же.— С. 124.
- 87 Там же.
- 88 Малавкин А. Г. Уйгурские государства...— С. 6.
- 89 Кляшторный С. Г. Терхинская надпись // СТ.— 1980.— № 3.— С. 93.
- 90 Этим объясняются «уйгурские» элементы в материальной культуре местных племен.
- 91 Малавкин А. Г. Уйгурские государства...— С. 125—126.
- 92 Вопрос о влиянии кыргызов на Забайкалье рассмотрен нами в статье.— См.: Худяков Ю. С. К вопросу о культурных связях Забайкалья и Южной Сибири в эпоху средневековья // Древнее Забайкалье и его культурные связи.— Новосибирск, 1985.— С. 50—68.

Глава третья

ВОЕННОЕ ДЕЛО ШИВЭЙ

¹ Малахов А. И. Древнее погребение из долины реки Читы. — Чита, 1930. — С. 3—17; *Окладников А. П.* Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. Сер. вост. — Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. — С. 105—109; *Асеев И. В.* К вопросу о памятниках железного века в Забайкалье // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. — Чита, 1972. — С. 90—94; *Орлов Ю. С.* Поздние кочевники Верхнего Амура // Вопросы краеведения Забайкалья. — Чита, 1973. — Вып. 1. — С. 221—233; *Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Новый могильник бурхотуйской культуры у с. Ононск // Изв. СО АН СССР. — 1975. — № 10. Сер. обществ. наук. — Вып. 1. — С. 104—112; *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979; *Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л.* Могильник бурхотуйской культуры в пади Улаг-Сар // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — С. 150—166; *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозabayкальских племен I тысячелетия н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 97—110; *Ковычев Е. В.* К вопросу о древних связях племен Восточного Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н. э. // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 148—156; *Ковычев Е. В.* Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С. 112—113; *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984.

² *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — С. 96—127.

³ Там же. — С. 97—115.

⁴ *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. — М., 1979. — С. 149.

⁵ Там же. — С. 149—150.

⁶ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — С. 124—126.

⁷ *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозabayкальских племен... — С. 97—110; *Худяков Ю. С.* Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 135—148.

⁸ *Ковычев Е. В.* Могильник железного века... — С. 117; *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — С. 79—89; *Ковычев Е. В.* Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1988. — Рис. 3, 8—15.

⁹ Нарезка присутствует у всех накладок. Далее в тексте не отмечается.

¹⁰ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — Табл. XIV, 1; XV, 17.

¹¹ Там же. — Табл. XII, 1.

¹² *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозabayкальских племен... — С. 97—100.

¹³ Там же. — С. 98.

¹⁴ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — С. 79.

¹⁵ *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозabayкальских племен... — С. 99.

¹⁶ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — С. 79—80. — Табл. IX, 1—5; XII, 1; XIV, 1; XV, 17.

¹⁷ *Таскин В. С.* Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. — М., 1984. — С. 135.

¹⁸ Там же. — С. 138.

¹⁹ *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 61.

²⁰ Там же. — С. 62.

²¹ *Ковычев Е. В.* Лук и стрелы восточнозabayкальских племен... — С. 99.

²² *Ковычев Е. В.* Могильник железного века... — С. 117.

²³ *Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л.* Могильник бурхотуйской культуры... — Рис. 4, 11.

²⁴ *Ковычев Е. В.* К вопросу о древних связях... — Рис. 1, 15.

²⁵ *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья... — Табл. XIX, 8; XX, 2; XLIII, 3.

²⁶ Там же. — Табл. XLIII, 10.

²⁷ Там же. — Табл. XLIII, 1, 2.

²⁸ Там же. — Табл. XLIV, 4.

²⁹ Там же. — Табл. XLIV, 3.

³⁰ Там же. — Табл. XLII, 14, 15.

³¹ Там же. — Табл. XLII, 11.

³² Там же. — Табл. XLIV, 11.

³³ Там же. — Табл. XLII, 10.

- ³⁴ Орлов Ю. С. Поздние кочевники...— Рис. 4, 21, 22; Окладников А. П. Бурхотуйская культура...— Рис. 9; Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л. Моги́льник бурхотуйской культуры...— Рис. 4, 3, 5, 8; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XVI, 22; XLII, 3.
- ³⁵ Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л. Моги́льник бурхотуйской культуры...— Рис. 4, 4; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XX, 4.
- ³⁶ Орлов Ю. С. Поздние кочевники...— Рис. 2, 8, 9; 4, 10; Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л. Моги́льник бурхотуйской культуры...— Рис. 4, 13; 6, 5.
- ³⁷ Ковычев Е. В. К вопросу о древних связях...— Рис. 1, 13.
- ³⁸ Ковычев Е. В. Моги́льник железного века...— Рис. 4, 4; 5, 5; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XLII, 7, 12.
- ³⁹ Там же.— Табл. XLII, 5, 6.
- ⁴⁰ Там же.— Табл. XLII, 8.
- ⁴¹ Там же.— Табл. XIX, 9; XXXVI, 8; XLII, 13.
- ⁴² Там же.— Табл. XIV, 7—9; XLIII, 6—9.
- ⁴³ Там же.— Табл. XVI, 20.
- ⁴⁴ Ковычев Е. В. Моги́льник железного века...— Рис. 5, 8—10; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XLII, 16.
- ⁴⁵ Там же.— XLIII, 16.
- ⁴⁶ Там же.— Табл. X, 4; XIV, 2.
- ⁴⁷ Там же.— Табл. X, 5.
- ⁴⁸ Там же.— Табл. X, 16; XI, 2—5.
- ⁴⁹ Там же.— Табл. X, 1, 15.
- ⁵⁰ Там же.— Табл. X, 7, 11.
- ⁵¹ Там же.— Табл. XV, 11—15.
- ⁵² Там же.— Табл. X, 12, 13.
- ⁵³ Там же.— Табл. XIV, 4.
- ⁵⁴ Там же.— Табл. IX, 10, 11.
- ⁵⁵ Ковычев Е. В. Моги́льники железного века...— Рис. 4, 2.
- ⁵⁶ Орлов Ю. С. Поздние кочевники...— Рис. 4, 27.
- ⁵⁷ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XI, 6, 7; XII, 4, 5.
- ⁵⁸ Там же.— Табл. XI, 8.
- ⁵⁹ Там же.— Табл. X, 18.
- ⁶⁰ Там же.— Табл. XI, 9, 10; XII, 10.
- ⁶¹ Там же.— Табл. XXIV, 3.
- ⁶² Там же.— Табл. X, 17.
- ⁶³ Там же.— Табл. X, 2, 9.
- ⁶⁴ Орлов Ю. С. Поздние кочевники...— Рис. 4, 17.
- ⁶⁵ Таскин В. С. Материалы по истории...— С. 135, 138; Кюннер Н. В. Китайские известия...— С. 61, 62.
- ⁶⁶ Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен...— С. 97—110.
- ⁶⁷ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 82—92.
- ⁶⁸ Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен...— Табл. 1, 2.
- ⁶⁹ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. IX—XV, XIX—XXIV, XLII, XLIII.
- ⁷⁰ Там же.— Табл. XLIV.
- ⁷¹ Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников...— Рис. 8.
- ⁷² Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XIII, 1, 3—5, 18.
- ⁷³ Там же.— Табл. XIII, 6—8, 10—16.
- ⁷⁴ Там же.— С. 108—114.
- ⁷⁵ Там же.— Табл. XII, 13, 14; XVI, 22; XIX, 8, 9; XXXVI, 7—10; XLII, 3, 7, 8.
- ⁷⁶ Там же.— Табл. XIX, 1—4, 6, 9; XXXVI, 1—11.
- ⁷⁷ Таскин В. С. Материалы по истории...— С. 135.
- ⁷⁸ Там же...— С. 138.
- ⁷⁹ Ковычев Е. В. Моги́льник железного века...— Рис. 5, 12; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XVIII, 1—3, 6; XIX, 7; XX, 10; XXIII, 2.
- ⁸⁰ Там же.— С. 92.
- ⁸¹ Там же.— С. 93.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Асеев И. В., Зубов С. Л. Моги́льник бурхотуйской культуры...— Рис. 2, 5.
- ⁸⁴ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Рис. 11, Б.
- ⁸⁵ Там же.— С. 81.
- ⁸⁶ Там же.— Табл. XX, 1; XXIII, 5; XXV, 1; XXVII, 1.

- 87 Там же.— С. 74.
 88 Там же.— С. 81.
 89 Там же.— Табл. XX, 7; Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники...— Рис. 3, 7.
 90 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 81.
 91 Там же.— Табл. I.
 92 Там же.— С. 81—82.
 93 Там же.— С. 82.
 94 Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // Олон Уусын Монголч Эрдэмтний III Их хурал.— Улаанбаатар, 1979.— Бот. 1.— Рис. 1.
 95 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 82.
 96 Орлов Ю. С. Поздние кочевники...— С. 226.
 97 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 124—126.
 98 Таскин В. С. Материалы по истории...— С. 136.
 99 Там же.— С. 138.
 100 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии.— М.; Л., 1959.— С. 21.
 101 Таскин В. С. Материалы по истории...— С. 139, 141.
 102 Рамстейт Г. И. Перевод надписи «Селенгинского камня» // Тр. ТКОПО-ИРГО.— Спб., 1914.— Т. XV, вып. 1.— С. 42.
 103 Таскин В. С. Материалы по истории...— С. 135.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI—XIV вв. н. э.)

Глава первая

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КИДАНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

¹ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, 1975.— С. 99—100; Пиков Г. Г. Организация военного дела в государстве кара-киданей // Изв. СО АН СССР.— 1983.— № 1. Сер. обществ. наук.— Вып. 1.— С. 103; Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // Олон Уусын Монголч Эрдэмтний III Их Хурал.— Улаанбаатар, 1979.— Бот. 1, т. 90—92; Он же. Ранний монгольский доспех (IX— первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии.— Новосибирск, 1987.— С. 163—169.

² Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей...— С. 99—112; Пиков Г. Г. Организация военного дела...— С. 103—112; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.— М., 1984.— С. 154—215; Е Лун-ли. История государства киданей (кидань го чжи).— М., 1979.— С. 312—315.

³ Ивлиев А. Л. Хозяйство и материальная культура киданей времен империи Ляо (по материалам археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1988.— С. 5—10; Он же. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века.— Новосибирск, 1990.— С. 42—63.

⁴ Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь.— Улаанбаатар, 1959.— 116 т.; Idem. Зуун хэрэм гэдэг задархц хотв 1953 онд нэмэн малтсан нь // ШУХ.— Улаанбаатар, 1957.— Т. 3—13; Idem. Чинтолгой балгасны бичигт ваар // Studia Mongolica.— 1959.— Т. 1.— Fasc. 5, т. 3—6. Idem. Умну-говь, уурхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь // Эртний судлал-угсаатны зүйн бүгээл.— Улаанбаатар, 1963; Idem. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА.— 1957.— № 3.— С. 44—47; Idem. Киданские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X— начало XII в.) // Монгольский археологический сборник.— М., 1962.— С. 56—62;

- Киселев С. В. Древние города Монголии // СА. — 1957. — № 2. — С. 95—97; *Он же*. Древние города Забайкалья // СА. — 1958. — № 4. — С. 103.
- ⁵ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ⁶ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 2.
- ⁷ Пэрлээ Х. Умну-говь... — Зур. 7.
- ⁸ Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. — Новосибирск, 1986. — Табл. 4, 1.
- ⁹ Там же. — Табл. 13, 4.
- ¹⁰ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса вооружения панцирного воина из памятника Поит Хиргист-хоолой в Гобийском Алтае // Проблемы военной истории народов Востока. — М., 1988. — Вып. 1. — С. 23.
- ¹¹ Мазин А. И. Таежные писаницы... — Табл. 13, 1; 53, 1.
- ¹² Там же. — Табл. 13, 6.
- ¹³ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса... — С. 23.
- ¹⁴ Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопацкий А. К. Археологические исследования в Монголии в 1979—1980 годах // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 18—20.
- ¹⁵ Мазин А. И. Таежные писаницы... — Табл. 53, 4.
- ¹⁶ Там же. — Табл. 13, 9, 10; 53, 2, 5.
- ¹⁷ Там же. — Табл. 4, 12; 13, 2, 3, 7, 8, 12; 53, 3.
- ¹⁸ Там же. — Табл. 13, 5.
- ¹⁹ Там же. — Табл. 13, 11.
- ²⁰ Там же. — Табл. 8, 7.
- ²¹ Небольшие размеры наконечников стрел из жертвенников, вероятно, связаны с их votивным назначением.
- ²² Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ²³ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 2.
- ²⁴ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ²⁵ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 2.
- ²⁶ Мазин А. И. Таежные писаницы... — Табл. 13, 15—17, рис. 8, 9.
- ²⁷ Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопацкий А. К. Археологические исследования... — С. 18—20.
- ²⁸ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ²⁹ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Реконструкция... — С. 25, рис. 1, 1.
- ³⁰ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ³¹ Там же.
- ³² Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 1, 2, 5.
- ³³ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 103.
- ³⁴ Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех... — Т. 90—92; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — С. 163—169.
- ³⁵ Мазин А. И. Таежные писаницы... — Табл. 13, 14; Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопацкий А. К. Археологические исследования... — С. 18—20; Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса... — С. 24, рис. 1, 3—11.
- ³⁶ Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Реконструкция комплекса... — С. 24.
- ³⁷ Там же. — С. 24, рис. 1, 14.
- ³⁸ Мазин А. И. Таежные писаницы... — Табл. 13, 13.
- ³⁹ Там же. — Табл. 4, 13; 8, 8.
- ⁴⁰ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — С. 165—168.
- ⁴¹ Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 146.
- ⁴² Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987. — Табл. XII, 4.
- ⁴³ Там же. — Табл. XIII, 4.
- ⁴⁴ Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха... — С. 146.
- ⁴⁵ Там же. — С. 146, 148.
- ⁴⁶ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — С. 168.
- ⁴⁷ Гочоо Ц., Доржсүрэн Ц. Хувсгал аймгийн Улаан-уул суманд хийсэн эртний судлалын тэмдэглэл // *Studia archaeologica*. — 1963. — Т. 3. — Fasc. 2—7, Зур. 18 В; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 3.
- ⁴⁸ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 2, 1, 4.
- ⁴⁹ Там же. — С. 168—169.
- ⁵⁰ Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех... — Рис. 1, а, б.
- ⁵¹ Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех... — С. 169.
- ⁵² Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей... — С. 100—104.
- ⁵³ Пиков Г. Г. Организация военного дела... — С. 103, 105.
- ⁵⁴ Материалы по истории древних... — С. 154.
- ⁵⁵ Там же. — С. 156.
- ⁵⁶ Там же. — С. 168.
- ⁵⁷ Там же. — С. 170.

- 58 Там же. — С. 171.
- 59 Там же. — С. 174.
- 60 *Таскин В. С.* Киданьский император на китайском престоле // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.* — Новосибирск, 1975. — С. 97—98; *Думан Л. И.* Проблемы внешней политики киданей в VII—X вв. н. э. // *Восточная Азия и соседние территории в средние века.* — Новосибирск, 1986. — С. 19.
- 61 *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей... — С. 100—102.
- 62 Там же. — С. 101.
- 63 Там же. — С. 102.
- 64 Там же. — С. 103.
- 65 *Е. Лун-ли.* История государства киданей... — С. 315.
- 66 *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей... — С. 103.
- 67 Там же. — 104.
- 68 *Е. Лун-ли.* История государства киданей... — С. 389, прим. 14.
- 69 Там же. — С. 301.
- 70 Там же. — С. 302.
- 71 *Пиков Г. Г.* Организация военного дела... — С. 103—104.
- 72 *Материалы по истории древних кочевых народов.* — С. 171.
- 73 Там же. — С. 173.
- 74 *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей... — С. 109—110.
- 75 Там же. — С. 111.
- 76 Там же. — С. 108.
- 77 *Иалев А. Л.* Городища киданей // *Материалы по древней и средневекковой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий.* — Владивосток, 1983. — С. 120—130.
- 78 *Киселев С. В.* Древние городища Забайкалья... — С. 109; *Иалев А. Л.* Городища киданей... — Рис. 1, 5; *Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопатский А. К.* Археологические исследования... — С. 23—24.
- 79 *Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.* Военное дело у киданей... — С. 106—107.
- 80 Там же. — С. 104.
- 81 Там же. — С. 107, 111.
- 82 Там же. — С. 112.
- 83 *Е. Лун-ли.* История государства киданей... — С. 224.

Глава вторая

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛОВ

¹ *Иванов М. И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. — Спб., 1846.

² Там же. — С. 9.

³ *Марков М. И.* История конницы. — Тверь, 1896. — Ч. 2.

⁴ *Бичурин Н. Я.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. — Спб., 1829; *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана // *Сочинения.* — М., 1968. — Т. 5; *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. — Спб., 1857; *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. — Петроград; Берлин, 1922; *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. 2; *Доссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. — Иркутск, 1937. — Т. 1; *Кафаров П. И.* (Палладий). Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // *Труды членов Российской духовной миссии в Пекине.* — Спб., 1866. — Т. 4; *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии: Рукопись. — М. / Музей Ю. Н. Рериха.

⁵ *Худяков Ю. С., Ю. Н. Рерих* о военном искусстве и завоеваниях монголов // *Рериховские чтения 1984 года.* — Новосибирск, 1985. — С. 293, прим. 2.

⁶ Там же. — С. 293—298.

⁷ Там же. — С. 298.

⁸ *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии... — С. 738.

⁹ Там же. — С. 741.

¹⁰ *Талько-Грыцевич Ю. Д.* Материалы к палеознологии Забайкалья. IV // *Тр. ТКОПИРГО.* — Иркутск, 1902. — Т. 3, вып. 1. — С. 28—30; *Петри Б. Э.* Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928. — С. 26—30; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. — Л., 1937. — С. 248; *Дебец Г. Ф.* Монголизм железного века у с. Зарубино // *Бурятисведение.* — 1926. — № 2. — С. 15; *Хороших П. П.* Исследования каменного и железного века Иркутского края // *Изв. Биол.-геогр. ин-та.* — Иркутск, 1924. — Т. 1, вып. 1. — С. 25, 26.

- 11 *Талько-Грыцкевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. IV // Тр. ТКОПИРГО. — 1902. — Т. 4, вып. 2. — С. 43; *Дебев Г. Ф.* Могильник железного века... — С. 16; *Окладников А. П.* Очерки из истории... — С. 284.
- 12 *Окладников А. П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. — М., 1958. — С. 200—213; *Хамзина Е. А.* Телятниковский могильник // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 5. — С. 224—251.
- 13 *Окладников А. П.* Шишкинские писаницы. — Иркутск, 1959. — С. 156—176; *Он же.* Петроглифы Забайкалья. — Л., 1969. — Ч. 1. — Табл. 40, 42, 52, 54.
- 14 *Киселев С. В.* Древние города Монголии // СА. — 1957. — № 2. — С. 97—101; *Он же.* Древние города Забайкалья // СА. — 1958. — № 4. — С. 109.
- 15 *Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы // СА. — 1959. — № 3. — С. 76—78.
- 16 *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. — Улан-Удэ, 1970. — С. 125.
- 17 *Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века. — Новосибирск, 1980. — С. 127—136.
- 18 *Ковычев Е. В.* История Забайкалья I — середина II тыс. н. э. — Иркутск, 1984. — С. 41—58.
- 19 *Немеров В. Ф.* Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1981. — С. 5—16.
- 20 *Савин В. В., Зайцев М. А., Харинский А. В., Ющенко И. И.* Археологические исследования ритуальных комплексов железного века на северо-западном побережье Байкала // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 13—15 октября 1986 года. — Иркутск, 1986. — С. 123—126.
- 21 *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979. — С. 70—75; *Коновалов П. Б., Данилов С. В.* Средневековые погребения в Кибалино // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981. — С. 64—73; *Именохоев Н. В., Коновалов П. Б.* К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнейшее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 69—86.
- 22 *Войтов В. Е., Волков В. В., Корневский С. Н., Новгородова Э. А.* Археологические исследования в Монголии // Археологические открытия 1976 года. — М., 1977. — С. 588.
- 23 *Наваан Д.* Клад железных предметов из Хара-Хорина // Монгольский археологический сборник. — М., 1962. — С. 64; *Баяр Д.* Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 148—158; *Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопацкий А. К.* Археологические исследования в Монголии в 1979—1980 годах // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 16—17; *Асеев И. В.* О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975. — С. 178—187.
- 24 *Худяков Ю. С.* Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 96—114.
- 25 *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Каракорума // Древнемонгольские города. — М., 1965. — С. 192—206.
- 26 *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. — 1966. — № 2. — С. 50—60.
- 27 *Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984. — С. 78—93.
- 28 *Немеров В. Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // СА. — 1987. — № 2. — С. 212—227.
- 29 *Асеев И. В.* О раннемонгольских погребениях... — С. 186.
- 30 *Коновалов П. Б., Данилов С. В.* Средневековые погребения в Кибалино... — С. 72—73.
- 31 *Кызласов Л. Р.* Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 59.
- 32 *Буряев А. И.* Эволюция сложноставного лука у поздних кочевников Западного Забайкалья (IX—XIV вв.) // Материалы XXIV Всесоюз. науч. студ. конф. История. — Новосибирск, 1986. — С. 12—16.
- 33 *Крылов Д. А.* Вооружение забайкальского воина X—XIV вв. // Материалы XIX Всесоюз. студ. науч. конф. История. — Новосибирск, 1981. — С. 71—74.
- 34 *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын монголч Эрлэмтний III Их хурал. — Улаанбаатар, 1979. — Бот. III. — Тал. 90—101; *Он же.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV—начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983. — С. 244—269; *Он же.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 163—208.

- 35 Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение...— С. 245—269.
- 36 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века...— С. 59, 75; Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин // Тр. БКНИИ.— Улан-Удэ, 1965.— Т. 16, вып. 2.— С. 197.
- 37 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 80, табл. XIX, 10, XXXIV, 1; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья...— С. 50, 53; табл. IV, 1, 5; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— С. 14, рис. 1.
- 38 Нарезка имеется на всех накладках. Далее в тексте не отмечается.
- 39 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века...— Табл. XVIII, 7—9; Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— С. 197, рис. 1, 12, 13.
- 40 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 79; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— С. 14, рис. 1.
- 41 Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях...— С. 181.
- 42 Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— Рис. 1.
- 43 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— Рис. 2, 21.
- 44 Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье.— Улан-Удэ, 1988.— С. 153, рис. 6, 10; Бураев А. И. Эволюция сложносоставного лука...— С. 14, рис. 1.
- 45 Плато Карпини И. де. История монголов.— Спб., 1911.— С. 27.
- 46 Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука у некоторых племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 155—156.
- 47 Гаврилова А. А. Моги́льник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.: Л., 1965.— С. 88.
- 48 Кызласов Л. Р. История Тувы в середине века.— М., 1969.— С. 76.
- 49 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— С. 80.
- 50 Гаврилова А. А. Моги́льник Кудыргэ...— С. 87—88.
- 51 Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 148—161.
- 52 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XXXVI, 7.
- 53 Ковычев И. В. История Забайкалья...— Рис. 17.
- 54 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века...— С. 59; Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— С. 197.
- 55 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // СА.— 1987.— № 2.— Рис. 2, 5, 6; Ковычев Е. В. Монгольское погребение из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья.— Новосибирск, 1981.— Рис. 2, 2; Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино...— С. 68, рис. 9, 10.
- 56 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия...— Рис. 107, 1; 108, 1; Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях...— Табл. II, 2; III, 2.
- 57 Кызласов Л. Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города.— М., 1965.— Рис. 39, 2, 3.
- 58 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— С. 197; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея // По следам древних культур Забайкалья.— Новосибирск, 1983.— С. 143—144.
- 59 Ковычев Е. В. История Забайкалья...— С. 50; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— С. 140.
- 60 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия...— С. 193; Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел...— С. 107.
- 61 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— Рис. 2, 15.
- 62 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— С. 216.
- 63 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— Рис. 2, 3; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины...— С. 145.
- 64 Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино...— Рис. 9, 5, 9; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея.— С. 139—140.
- 65 Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел...— С. 104—105.
- 66 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— Рис. 2, 6.
- 67 Бурятский государственный объединенный исторический музей им. Н. М. Хангалова.— Колл. 19—16.
- 68 Седакина Е. Ф. Моги́льник Усть-Талькин...— Рис. 1, 14.
- 69 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XIX, 9; XXXVI, 8; XXXVII, 2; Кириллов И. И. Восточное Забайкалье...— Рис. 13, 12; Ковычев Е. В. История Забайкалья...— Рис. 17; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— Рис. 3, 9.

- 70 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 145.
- 71 Ковычев Е. В. История Забайкалья... — Рис. 17; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... С. 216; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. — Табл. IV, 9; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея. — С. 140—141.
- 72 Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел... — С. 107.
- 73 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 106.
- 74 Ковычев Е. В. Монгольские погребения... — Рис. 2, 1; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — С. 216; рис. 3, 2; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. — Табл. I, 3; III, 2, 3; IV, 3, 6; Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея. — С. 140.
- 75 Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел... — С. 106.
- 76 Там же. — С. 107.
- 77 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 105—106.
- 78 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — Рис. 3, 3.
- 79 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья... — Табл. XXXVI, 11; XLII, 8; Ковычев Е. В. История Забайкалья... — Рис. 14.
- 80 Иркутский областной музей краеведения. — Колл. 6013-5, 6013-115.
- 81 Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Экспедиция.
- 82 БГОИМ, колл. 19-15.
- 83 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 145.
- 84 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — Рис. 4, 6.
- 85 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — Рис. 108, 8.
- 86 Иркутский областной музей краеведения. Колл. 7664-2.
- 87 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — Рис. 4, 4.
- 88 Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино... — Рис. 9, 6.
- 89 Волков В. 1959 Онд Дундговь аймагт эртний хайгуул хийсэн тухай // Эртний Судлал — Угсаатны зүйн бүтээл. — Улаанбаатар, 1963. — Зур. 2, 6.
- 90 Читинский областной музей им. А. К. Кузнецова. — Колл. 592-30.
- 91 Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел... — Рис. 1, 18.
- 92 Музей археологии Читинского государственного пединститута. — Б/н.
- 93 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. — Табл. I, 1.
- 94 Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях... — Табл. V, 4.
- 95 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея... — С. 139.
- 96 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 141.
- 97 Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники... — Рис. 6, 1, 2.
- 98 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея... — Рис. 2, 8.
- 99 Бурятский государственный объединенный исторический музей им. Н. М. Хангалова. — Колл. 17—373.
- 100 Иркутский областной музей краеведения. — Б/н.
- 101 Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джила // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1988. — С. 108—109.
- 102 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья... — Табл. XXXIV, 5.
- 103 Там же. — Табл. XXXIV, 4.
- 104 Там же. — С. 41—42.
- 105 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XVIII, 1, 2; Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино... — Рис. 9, 4.
- 106 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — С. 225.
- 107 Там же. — С. 224.
- 108 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XVIII, 3, 5; Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. — Табл. I, 6; Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях... — Табл. II, 1.
- 109 Себякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин... — Рис. 1, 8.
- 110 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XIV, 1.
- 111 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — С. 225.
- 112 Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино... — Рис. 9, 3.
- 113 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — С. 224.
- 114 Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья — Табл. III, 4.

- 115 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XVIII, 6.
- 116 Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С. 36—37.
- 117 Платон Карпини И. де. История монголов. — С. 27.
- 118 Там же. — С. 29.
- 119 Там же. — С. 31.
- 120 Поло Марко. Путешествие. — Л., 1940. — С. 65.
- 121 Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. — М.; Л., 1940. — С. 87.
- 122 Цит. по: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // Свод археологических источников. — Л., 1971. — Вып. E1-36. — С. 78—79.
- 123 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 192—203.
- 124 Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел... — С. 50—60.
- 125 Köhalmi K. U. Über die pfeifenden pfeile der innerasiatischen reiternomaden // Acta Orientalia akademiae scientiarum Hungaricae. — Budapest, 1953. — Т. 3. — F. 1—2. — S. 45—65.
- 126 Крылов Д. А. Вооружение забайкальского воина... — С. 72; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение... — С. 216—218, 224—226.
- 127 Худяков Ю. С. Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея... — С. 135—147; Он же. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины... — С. 138—148; Он же. Железные наконечники стрел из Монголии... — С. 96—112.
- 128 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — С. 59.
- 129 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья... — Рис. 11, 12; Асеев И. В. О раннемонгольских погребениях... — Табл. III, 1; V, 1.
- 130 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... — Рис. 13, 14; Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н. э. // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1988. — Рис. 9.
- 131 Читинский областной музей им. А. К. Кузнецова. — Колл. 8097-6.
- 132 Платон Карпини И. де. История монголов. — С. 27.
- 133 Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. — Л., 1969. — Ч. I. — Табл. 52, 54.
- 134 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 4, 1, 2; 5, 1, 5, 7, 13; 8, 1, 2.
- 135 Там же. — Рис. 4, 8, 9, 12, 14, 16; 5, 8; 8, 3, 6.
- 136 Там же. — Рис. 4, 4, 6; 5, 11.
- 137 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 205.
- 138 Там же.
- 139 Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин... — Рис. 1, 1; Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы по этнологии Забайкалья. III // Тр. ТКОПОИРГО. — М., 1900. — Т. 1, вып. 3. — С. 74—75, табл. XV, 1.
- 140 Платон Карпини И. де. История монголов. — С. 27.
- 141 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 6, 10.
- 142 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XIX, 6; Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники... — Рис. 6, 9.
- 143 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — Табл. XIX, 1, 2; Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин... — Рис. 1, 2; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья... — Табл. XII, 2; Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Кононацкий А. К. Археологические исследования... — С. 16—17.
- 144 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 203—204, рис. 109, 1.
- 145 Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин... — Рис. 2, 10.
- 146 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 203—204, рис. 109, 2.
- 147 Институт истории АН МНР. — Колл. Б. н.
- 148 Наваан Д. Клад железных предметов из Хара-Хорина // Монгольский археологический сборник. — М., 1962. — С. 64, рис. 16, 5.
- 149 Платон Карпини И. де. История монголов. — С. 29.
- 150 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... — Рис. 5, 1, 2; 6, 8, 11, 13.
- 151 Именов Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов... — С. 72—74.
- 152 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 203, рис. 107, 3.
- 153 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века... — С. 99; Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // Свод археологических источников. — М., 1983. — Вып. E3-18. — С. 38.
- 154 Васильевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969. — С. 65; Зыков Ф. М. Традиционные орудия труда якутов (XIX—начало XX) века. — Новосибирск, 1989. — С. 71—75.

- 155 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века...— Табл. XXV, 1, 3, 4; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XXXVIII, 1.
- 156 Музей археологии Читинского государственного педагогического института. — Б/н. Сборы Р. Н. Ступникова.
- 157 Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. ХLI, 3.
- 158 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия...— С. 206, рис. 110.
- 159 Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.— Новосибирск, 1980.— С. 62—65; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.— С. 157—158; Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей конец X—XI вв.— Новосибирск, 1977.— С. 137—138.
- 160 Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия...— С. 206.
- 161 Там же.— С. 205.
- 162 Худяков Ю. С. Ю. Н. Рерих о военном искусстве...— С. 294.
- 163 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— Рис. 4, 1, 15, 16; 5, 3.
- 164 Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников...— Рис. 68, 40—45.
- 165 Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех...— Тал. 90—101; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение...— С. 244—269; Он же. Ранний монгольский доспех...— С. 163—208.
- 166 Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов...— С. 74—76; Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья...— Табл. XXXVII, 1.
- 167 Панцирные пластины из могильника Дворцы III, погребение 1, относящиеся к ундугунской культуре, нельзя считать монгольскими. См.: Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— С. 212—213, рис. 1.
- 168 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 28.
- 169 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 172—173.
- 170 Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех...— Зур. 2.
- 171 Там же.— Зур. 2б.
- 172 Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение...— Табл. II, 1—6; Он же. Ранний монгольский доспех...— Рис. 4, 5—9.
- 173 Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех...— Зур. 2а.
- 174 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— С. 212—213.
- 175 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 172.
- 176 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 28.
- 177 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 172—173.
- 178 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 28.
- 179 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— Рис. 4, 6, 10, 11.
- 180 Там же.— С. 172.
- 181 Путешествия в восточные страны...— С. 186.
- 182 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 181—184.
- 183 Там же.— С. 181.
- 184 Там же.— С. 181, 183.
- 185 Там же.— Рис. 6, 2, 6, 10—13; 8, 1—10.
- 186 Путешествия в восточные страны...— С. 186.
- 187 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— С. 214.
- 188 Пэрлэ Х. Ялсан гутал // *Studia Museologica*.— Улаанбаатар, 1975.— Т. 2.— Расч. 1—14.— Тал. 42—45.
- 189 Немеров В. Ф. Воинское снаряжение...— С. 213.
- 190 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 183—184.
- 191 Там же.— С. 183.
- 192 Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири*.— Новосибирск, 1978.— С. 163.
- 193 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 185—187.
- 194 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 28.
- 195 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 187—195.
- 196 Там же.— С. 193.
- 197 Там же.— С. 195—196.
- 198 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 29.
- 199 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 196—198.
- 200 Там же.— С. 198.
- 201 Плато Карпини И. де. История монголов.— С. 29.
- 202 Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...— С. 198—202.
- 203 Там же.— Рис. 13, 2—8.
- 204 Иванов М. О военном искусстве...— С. 9.
- 205 Рерих Ю. Н. История Средней Азии...— С. 739.
- 206 Там же.

- 207 *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники...— С. 50—51.
- 208 Там же.— С. 60.
- 209 Там же.— С. 54.
- 210 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— Л., 1971.— Вып. Е1-36.— С. 79.
- 211 Там же.
- 212 *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех...— С. 90.
- 213 Там же.— Рис. 2.
- 214 *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех...— С. 181.
- 215 *Крылов Д. А.* Вооружение забайкальского воина...— С. 73.
- 216 *Немеров В. Ф.* Воинское снаряжение...— С. 212.
- 217 Там же.— С. 223.
- 218 Это отмечал еще первый исследователь военного искусства монголов
- М. Иванин.* См.: *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 9.
- 219 Этот факт правильно отметил *А. Ф. Медведев.* См.: *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники...— С. 60.
- 220 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 738—739.
- 221 *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех...— С. 179—201.
- 222 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие...— С. 78.
- 223 *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники...— С. 50—60.
- 224 *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех...— С. 90—99; *Он же.* Монголо-татарское оборонительное вооружение...— С. 224—269; *Он же.* Ранний монгольский доспех...— С. 163—202.
- 225 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 738.
- 226 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие...— С. 79.
- 227 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 27.
- 228 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 7.
- 229 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 663.
- 230 Там же.— С. 669.
- 231 Там же.— С. 663.
- 232 Там же.— С. 668—669.
- 233 Там же.— С. 669.
- 234 *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.— М., 1967.— С. 60.
- 235 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 663.
- 236 Там же.— С. 740.
- 237 Там же.— С. 663.
- 238 Там же.— С. 669.
- 239 Там же.— С. 742.
- 240 Там же.— С. 743.
- 241 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 27.
- 242 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 669; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие...— С. 79.
- 243 *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия.— Пг., 1914.— Т. 1.— С. 321.
- 244 Там же.— С. 323—324.
- 245 Там же.— С. 324.
- 246 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 11.
- 247 Там же.
- 248 Там же.
- 249 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 30.
- 250 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.
- 251 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.— М.; Л., 1941.— Т. 1.— С. 123.
- 252 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 30.
- 253 Там же.
- 254 Там же.
- 255 Там же.— С. 30—31.
- 256 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.
- 257 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 14.
- 258 Там же.— С. 13.
- 259 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.
- 260 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 31.
- 261 Там же.
- 262 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 13.
- 263 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740—741.
- 264 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 13.
- 265 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.
- 266 *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров...— С. 87.
- 267 *Поло Марко.* Путешествия.— С. 65.
- 268 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 31.
- 269 *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров...— С. 87.
- 270 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.

- 271 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 31.
- 272 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 740.
- 273 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 741.
- 274 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 741.
- 275 *Козин С. А.* Сокровенное сказание...— С. 123.
- 276 *Иванин М.* О военном искусстве... С. 13—14.
- 277 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 741.
- 278 Там же.
- 279 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 13.
- 280 *Мэн-да бэй-лу.*— М., 1975.— С. 67.
- 281 *Плано Карпини И. де.* История монгалов.— С. 31—32.
- 282 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 13.
- 283 *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия.—М., 1980.— С. 274—275.
- 284 Там же.— С. 283.
- 285 *Мэн-да бэй-лу.*— С. 67.
- 286 *Иванин М.* О военном искусстве...— С. 14.
- 287 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 741.
- 288 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие...— С. 78.
- 289 *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия.— С. 321.
- 290 *Мэн-да бэй-лу.*— С. 66—67.
- 291 *Де Рубрук В.* Путешествие в восточные страны.— Спб., 1911.— С. 76.
- 292 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 743.
- 293 Цит. по: *Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Чингисхан // *Татаро-монголы в Азии и Европе.*— М., 1977.— С. 41.
- 294 *Рерих Ю. Н.* История Средней Азии...— С. 669.
- 295 Там же.— С. 738.
- 296 Там же.— С. 741.
- 297 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие...— С. 78.
- 298 Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ *Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.*— Новосибирск, 1981.— С. 162.

² *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Исторический архив.*— М.; Л., 1948.— С. 87.

³ *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.— С. 206—226.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
БГОИМ	— Бурятский государственный объединенный исторический музей им. Н. М. Хангалова
БКМ	— Братский краеведческий музей
БКНИИ	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
ВДИ	— Вестник древней истории
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИНО	— Институт народного образования
ИОМК	— Иркутский областной музей краеведения
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей
ККМ	— Кяхтинский краеведческий музей
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
СА	— Советская археология
СТ	— Советская тюркология
ТКОПОИРГО	— Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества
УЗХНИИЯЛИ	— Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Вооружение кочевников восточной части Центральной Азии в период раннего средневековья (VI—X вв. н. э.)	8
<i>Глава первая</i>	
Комплекс вооружения курыкан	9
<i>Глава вторая</i>	
Вооружение и военное искусство байырку	25
<i>Глава третья</i>	
Военное дело шивэй	49
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Вооружение кочевников Центральной Азии в эпоху развитого средневековья (XI—XIV вв. н. э.)	72
<i>Глава первая</i>	
Военное искусство киданей Центральной Азии	73
<i>Глава вторая</i>	
Вооружение и военное искусство монголов	95
Заключение	168
Примечания	171
Список сокращений	188

Научное издание

Худяков Юлий Сергеевич

**ВООРУЖЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНО-
АЗИАТСКИХ
КОЧЕВНИКОВ
в эпоху
раннего и развитого
средневековья**

Редакторы издательства *Е. В. Стрижун, В. И. Смирнова*

Художник *Е. Ф. Гришин*

Художественный редактор *В. И. Шумаков*

Технический редактор *А. В. Сурганова*

Корректор *Т. Ф. Погиблова*

ИБ № 42555

Сдано в набор 12.11.90. Подписано к печати 24.04.91. Формат 60х90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 12. Усл. кр.-отт. 12,3. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 2600 экз. Заказ № 485. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
- 720001 Бишкек, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»);
- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
- 320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252025 Киев, ул. Осипенко, 17;
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
- 191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;